

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

В. Г. Павлов
СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Санкт-Петербург
Юридический центр Пресс
2001

>>>2>>>

ДК 343.2/.7

Ж 67.408

П12

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р.М.Асланов (отв. редактор), А.И.Бойцов (отв. редактор),
Б.В.Волженкин, Ю.Н.Волков, Л.Н.Вишневская, А.В.Гнетов,
Ю.В.Голик, А.И.Коробеев, Н.И.Мацнев (отв. редактор),
С.Ф.Милюков, М.Г.Миненок, М.Н.Становский,
А.П.Стуканов, А.В.Федоров, А.А.Эксархопуло

Рецензенты:

В. М. Боер, доктор юридических наук, профессор

Н. И. Мсщнев, кандидат юридических наук, доцент

С. Ф. Милюков, доктор юридических наук, профессор

В. И. Полудпякое, председатель Санкт-Петербургского городского суда, судья
высшего квалификационного класса, профессор

Павлов В. Г. Субъект преступления. — СПб.: Издательство «Юридический центр
Пресс», 2001. — 318 с.

В работе рассматривается комплекс теоретических вопросов, связанных с учением о субъекте преступления в уголовном праве, анализируется отечественное уголовное законодательство и практика его применения. Особое внимание уделено проблеме уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние, вопросам специального субъекта преступления, имеющим важное значение для теории и судебно-следственной практики.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических учебных заведений, работников правоохранительных органов.

ББК 67.408

©В. Г. Павлов, 2001 © Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001

>>>3>>>

ASSOCIATION YURIDICHESKY CENTER
Theory and practice of criminal law and criminal procedure
V. G. Pavlov
PERPETRATOR

Saint Petersburg
Yuridichesky Center Press
2001

>>>4>>>

УДК 343.2/.7 ББК 67.408 П12

Editorial Board of the Series "Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure":

R. M. Aslanov (managing editor), A. / . Boitsov (managing editor),
B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, L. N. Vishnevskaya, A. V. Gnetov,
Yu.V. Golik, I.E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, A. I. Korobeev,
N. I. Matsnev (managing editor), S. F. Milyukov, M. G. Minenok,
M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. V. Fedorov, L. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

V. M. Boer, } . D. N. I. Matsnev, Candidate of Law

S. F. Milyukov, 1. D.

V. I. Poludnyakov, Chairman of St. Petersburg City Court, judge of the highest qualification class, J. D.

Pavlov V. G.

Perpetrator — St. Petersburg: "Yuridichesky Center П12 Press". 2001—318 p. ISBN 5-94201-045-5

This work considers the complex of theoretical issues related to the teachings about a perpetrator in criminal law, analyses domestic criminal legislation and the practice of its enforcement. Special attention is paid to the research of characteristic features of criminal responsibility of persons who committed a socially dangerous act and to the questions of a special perpetrator which are very important for theory as well as for judicial and investigative practice.

The book is intended for professors, post-graduates, students of law schools and those who work in law enforcement bodies.

ББК 67.408

© V.G.Pavlov. 2001 ISBN 5-94201-045-5
Center Press, 2001

© Yuridichesky

>>>5>>>

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием: «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Уже вступили в силу новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы. Близится к завершению разработка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породили замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

>>>6>>>

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы предоставить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность» и М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и Д. М. Минета «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коршуновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова и С. Ф. Милюкова «Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств», С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
октябрь 2001 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научный интерес теоретиков и практиков к проблемам уголовного права проявлялся постоянно, не ослабел он и в наши дни со стороны как юристов, так и представителей других отраслей знаний.

Рост преступности в стране, трудности сегодняшнего дня во всех сферах жизнедеятельности общества, несовершенство уголовного законодательства, слабая эффективность правоохранительных органов в предупреждении преступлений, а также необходимость совершенствования судебно-следственной практики в значительной степени предопределили выбор автора в исследовании наиболее важных и сложных вопросов уголовно-правового учения о субъекте преступления. Следует заметить, что до настоящего времени целостность данного учения отсутствует, хотя оно является центральным в уголовном праве.

Общественно опасное деяние и субъект преступления — неразделимые понятия уголовного права, связанные со многими его институтами, а также другими юридическими дисциплинами.

В предлагаемой работе предпринята попытка комплексного теоретико-методологического исследования вопросов учения о субъекте преступления, большая часть из которых недостаточно изучена в связи с нововведениями в российском уголовном законодательстве. Таким образом, необходимость разработки учения о субъекте преступления обусловлена динамичностью уголовного законодательства, которое требует постоянного совершенствования, особенно когда речь идет о вопросах уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние: их возрасте, вменяемости, невменяемости, а также лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и др.

>>>8>>>

Особое внимание уделено рассмотрению в исторической ретроспективе отечественного уголовного законодательства и разрешению вопросов относительно субъекта преступления в зарубежном уголовном праве.

Стараясь быть последовательным в изложении, соблюдая логику хронологических событий в рассмотрении проблемных вопросов учения о субъекте преступления, в представленной работе автор использовал достаточно обширный законодательный, научный и справочный материал, соответствующие труды в области юриспруденции, философии, психологии, медицины, педагогики и т. п., а также уголовно-правовые и криминологические исследования, отражающие суть и содержание данного учения.

В работе приведены собственные исследования автора, позволившие в определенной степени, наряду с общеизвестными, раскрыть наиболее сложные и спорные стороны учения о субъекте преступления как в теории, так и в судебно-следственной практике, которая требует научно-обоснованных предложений и рекомендаций.

Работа рассчитана не только на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, работников правоохранительных органов, но и на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся вопросами уголовного права и криминологии.

Автор будет признателен, если книга заинтересует читателя и поможет ему разобраться в тех проблемах, которые рассмотрены и требуют своего дальнейшего теоретического и практического осмысления.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития российского государства и решения задач предупреждения преступности уголовно-правовые проблемы требуют новых теоретических разработок и практического применения. Однако на фоне заметных успехов в изучении теоретических и методологических вопросов о преступлении, учения о составе преступления, институтов уголовной ответственности, наказания, соучастия достижения по исследованию субъекта преступления как уголовно-правового учения не столь впечатляющи.

Свидетельством данного положения может служить отсутствие до настоящего времени фундаментальных комплексных исследований и работ в этом направлении, а анализ юридической, философской, медицинской, психологической и другой литературы показывает, что теоретическим проблемам в изучении субъекта преступления в уголовном праве со стороны ученых и практиков придается недостаточное значение. Поэтому отсутствие до настоящего времени теоретико-методологического и системного анализа основных аспектов учения о субъекте преступления не позволило иметь комплексное представление о данном учении и определить наиболее правильные подходы в его совершенствовании как у нас в стране, так и за рубежом.

Субъект преступления как элемент состава и как уголовно-правовая категория — довольно сложное и многогранное понятие, требующее дальнейшего научного изучения и уточнения. Не случайно особое внимание в работе уделено рассмотрению и исследованию признаков лица, совершившего преступление, которые самым тесным образом связаны с вопросами уголовной ответственности. В свою очередь, проблемы возраста и вменяемости преступника с учетом кардинальных изменений в действующем уголовном законода-

>>>10>>>

тельстве и практике его применения диктуют настоятельную необходимость их комплексного изучения не только учеными-юристами, но и представителями других наук, специалистами в самых различных областях знаний.

В книге с современных позиций анализируются нашедшие свое законодательное разрешение в Уголовном кодексе РФ 1996 г. положения уголовной ответственности, которые не были известны отечественному уголовному законодательству и в настоящее время вызывают трудности в их применении правоохранными органами, особенно когда речь идет о судебно-следственной практике.

Наиболее часто эти проблемы имеют место в теории и практике при решении вопросов уголовной ответственности, если правонарушение совершается аномальным субъектом преступления либо несовершеннолетним, у которого имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством.

Определенные сложности на практике возникают и в связи с привлечением к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии наркотического опьянения и подобном состоянии, вызванном употреблением одурманивающих веществ.

Поэтому, хотя нормы уголовного законодательства и претерпели некоторые изменения в указанных направлениях, тем не менее они требуют существенного уточнения, а некоторые даже и пересмотра.

Проблема невменяемости как обстоятельства, исключающего признание лица, совершившего общественно опасное деяние, субъектом преступления и обуславливающего освобождение его от уголовной ответственности, рассмотрена с учетом изменений в уголовном законодательстве и использованием материалов судебно-следственной практики.

Вне поля зрения последние годы остаются теоретические проблемы изучения специального субъекта преступления и вопросы квалификации совершенных им отдельных общественно опасных деяний. Вместе с тем правильное установление признаков специального субъекта преступления позволит избежать ошибок в деятельности судебно-следственных органов, особенно когда речь идет о должностных лицах.

Исследование субъекта преступления с учетом современных реалий и существенных изменений в уголовном законодательстве

>>>11>>>

позволяет рассмотреть автору и другие слабо освещенные аспекты в юридической литературе. К таковым следует отнести проблему уголовной ответственности юридических лиц, которая требует дальнейшего изучения и глубокого теоретического обоснования, а также разграничение понятий «субъект преступления» и «личность преступника», часто отождествляемых в уголовном праве и криминологии.

Практика применения законодательства, сложность и многогранность далеко не всех обозначенных проблем, их тесная связь с деятельностью правоприменительных органов позволяют с достаточной определенностью говорить, что изучение субъекта преступления является важным в теории уголовного права направлением, потребность которого диктуется самой жизнью, а актуальность и практическая значимость не вызывают сомнения.

Рассмотрение отмеченных и других сложнейших проблем, связанных с субъектом преступления в российском уголовном праве, имеет не только большое теоретическое и практическое значение, но и определяет необходимость комплексного подхода в их исследовании.

Глава I. ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Теоретические и методологические проблемы исследования субъекта преступления

Анализ юридической, философской, медицинской и психологической литературы обозначил основные теоретические и методологические проблемы учения о субъекте преступления в науке уголовного права. Методология¹ позволяет представить учение о субъекте преступления с историко-философских, правовых и теоретических позиций, помогает определить наиболее перспективные направления данного учения, глубже познать логику существующих проблем, выявить и закрепить важные приоритеты в их исследовании.

¹Под методологией понимают, прежде всего, «учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности», учение о структуре, логической организации, а также методах и средствах этой деятельности (см: Большая советская энциклопедия (далее — БСЭ) М., 1974. Т. 16. С. 164). Термин «методология» в литературе в широком смысле употребляется как философское учение о методах познания. В узком смысле под методологией понимается совокупность познавательных средств, разработанных на основе принципов всеобщей методологии, имеющих методологическое значение в конкретной области познания и практики (см: Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972 С. 13-14). Кроме того под методологией понимают систему принципов научного исследования, так как методология определяет, в какой мере собранные факты могут служить и соответствовать объективному знанию (см: Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология. Программа Методы. М., 1987. С. 24). Наиболее важным моментом применения методологии является сама постановка проблемы, так как именно здесь чаще всего встречаются методологические ошибки, которые приводят к выдвиганию псевдопроблем или просто затрудняют получение требуемого результата исследования (см: БСЭ).

Формирование ряда методологических основ учения о субъекте преступления относится к теориям и правовым воззрениям И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, А. Фейербаха, И. Г. Фихте и других философов и исследователей права, оказавших большое влияние на развитие правовой мысли в России. Так, в философии И. Канта (1724-1804) особый интерес вызывает осмысление самого преступного поведения и лица, его совершающего. Представление о свободе воли, которая независима от определений чувственного мира, по Канту является основой уголовно-правовых построений, откуда и вытекает понятие уголовной ответственности за действие, совершенное по решению человеческой воли. Уголовно-правовые воззрения Канта были идеалистическими, исходя из чего он как бы утвердил субъективно-идеалистическое понимание свободы воли с новых методологических позиций². По Канту всякое преднамеренное нарушение прав является основанием того, что оно признается преступлением. При этом субъект преступления как физическое лицо обладает свободной волей, которую он рассматривает как желание. Правовым же следствием провинности является наказание³.

В уголовно-правовой теории Гегеля (1770-1831) преступление есть проявление воли отдельного лица. Преступник же — не просто объект карательной власти государства, а субъект права, который наказывается в соответствии с совершенным преступлением⁴. Вопрос уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление, рассматривается Гегелем, по существу, в сфере абстрактного права. Гегель утверждает, что воля и мышление представляют собой нечто единое, так как воля не что иное, как мышление, превращающее себя в наличное бытие. При этом наличность разума и воли, по утверждению философа, является общим условием вменения. Вменяемость же как свойство лица, совершившего преступное деяние, состоит в утверждении, что субъект как мыслящее существо знал и хотел⁵. Невменяемость субъекта по Гегелю определяется тем, что само представление лица находится в противоре-

²См.: Пионтковский А. А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940. С. 64.

³См.: Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 120, 132, 137.

⁴См.: Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993. С. 164, 171.

⁵См.: Гегель ГВ.Ф. Философия права. М., 1990 С. 89, 165.

>>>14>>>

чий с реальной действительностью, т. е. характер совершенного действия не осознается им⁶.

Выдающийся немецкий криминалист Фейербах (1775-1833), автор знаменитого учебника по уголовному праву, строил свою уголовно-правовую теорию, опираясь на философию Канта⁷. Он разработал основные понятия и категории уголовного права, такие как состав преступления, институты уголовной ответственности, наказания, соучастия и др. Согласно теории А. Фейербаха, преступление совершается не из чувственных стремлений, но из произвола свободной воли. Само учение об уголовной ответственности он основывал на критической философии. По мнению А. А. Пионтковского, уголовно-правовая теория А. Фейербаха может рассматриваться как антиисторическая, в этом и выражаются методологические черты самой критической философии⁸. Фейербах, представляя преступление как действие свободной воли преступника, отстаивал в своей теории «психического принуждения» положение о необходимости применения к преступнику наряду с физическим принуждением, которого явно недостаточно, и психического принуждения⁹.

Фихте (1762-1814), в свою очередь, также основывал уголовно-правовые взгляды, исходя из философии субъективного идеализма. Он утверждал, что уголовная ответственность наступает не только при совершении умышленного, но и при совершении неосторожного преступления. По Фихте преступление зависит от свободы воли человека, т. е. свободы выбора преступником целей своего поведения¹⁰. Таким образом, Фихте подразумевает избирательность поведения субъекта при совершении преступного деяния. Идеи Гегеля, Фейербаха, Фихте не противоречат субъективно-идеалистическому пониманию свободы воли Канта, т. е. его уголовно-правовой теории.

Многие идеи свободы воли, вопросы, связанные с совершением преступления, уголовной ответственностью и наказанием, понятиями вменяемости и невменяемости и другие, отраженные в филосо-

⁶Там же. С 117

⁷Фейербах А Уголовное право. СПб , 1810

⁸См.: Пионтковский А А Уголовно-правовые воззрения Канта, А Фейербаха и Фихте. С. 125

⁹См.: Шишов О. Ф, Рарог А. И. Буржуазные уголовно-правовые теории М , 1966 С 15.

¹⁰См.: Пионтковский А А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. С. 165.

фии Канта, Гегеля, Фихте, в дальнейшем разрабатывались, изучались и исследовались представителями различных уголовно-правовых школ. Так, виднейшими теоретиками классической школы уголовного права, возникшей в Европе во второй половине XVIII — начале XIX в., наряду с Фейербахом были К. Биндинг (Германия), Н. Росси, О. Гарро (Франция). В России такое направление возникло в XIX—XX вв. в лице русских криминалистов: А. Ф. Кистяковского, В. Д. Спасовича, Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергеевского и др. Классическая школа уголовного права базировалась на концепции индетерминизма, т. е. на метафизической, ничем не обусловленной свободной воле. Преступное деяние и ответственность за него представители классической школы основывали на учении о преступлении как результате действия свободной воли лица. При этом, руководствуясь доктриной произвольной свободы воли, представители данной школы в своих уголовно-правовых теориях не предусматривали наступления уголовной ответственности в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии невменяемости. Уголовному наказанию, исходя из этих теорий, подлежали лица как за умышленные, так и за неосторожные преступные деяния.

Противоположных взглядов на свободу воли, преступное деяние, самого преступника, а также вопросы уголовной ответственности и наказания придерживались представители антропологической школы уголовного права, возникшей в конце XIX в., основателями которой являлись Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э. Ферри и др. Опираясь на философские концепции вульгарного материализма и позитивизма, являющиеся методологической основой данной школы, представители этого направления выработали учение о преступном человеке, практически полностью отрицая волевою деятельность человека. Согласно этому учению, преступления совершаются, в основном, независимо от тех или иных общественных условий и, как правило, прирожденными преступниками. Исходя из концепции антропологической школы, прирожденный преступник фатально обречен. Он представляет собой тип человека, который отличается существенными физическими и нравственными особенностями и признаками.

С. В. Познышев, отвергая идеи Ч. Ломброзо, Э. Ферри и их последователей о прирожденном преступнике и в то же время отмечая заслугу антропологической школы, писал, что данная школа не

только указала на необходимость изучения преступника, но и внесла этот объект в лабораторию науки, приковав к нему внимание ученых, заставив, таким образом, проверять свои построения, а также заниматься наблюдениями над преступниками.¹¹ Несомненно, что в России теоретические положения представителей антропологической школы уголовного права нашли мало сторонников в связи с тем, что уголовно-правовые теории в нашей стране в подавляющем большинстве строились на принципах классической школы уголовного права, основополагающим из которых, как отмечает Ю. А. Красиков, является примат государства над личностью¹².

Социологическая школа уголовного права, возникшая в конце XIX — начале XX в., в лице известных ее теоретиков, таких как Ф. Лист (Германия), А. Принс, И. Я. Фойницкий и другие, выступила против признания того, что преступник, совершая преступное деяние, обладает «свободой воли, хотя он не свободен». Действия же его на момент совершения преступления, как правило, обусловлены социальными факторами преступности¹³.

По существу представители данной школы отрицали институты уголовного права, учение о составе преступления, не проводили различий между понятиями «вменяемость» и «невменяемость». Преступные деяния рассматривались как деяния, совершенные только разумным человеком, а мера наказания определялась не в зависимости от тяжести преступления, а в соответствии с предполагаемым опасным состоянием лица. При этом социологическая школа была довольно близка по ряду методологических положений антропологической школе, однако методологической ее основой являлась философия как прагматизма, так и позитивизма.

Методологический подход к учению о субъекте преступления, рассматривающий его через призму философских уголовно-правовых теорий, обнаруживает объединяющий эти теории признак, заключающийся в том, что любое деяние, например преступное, со-

¹¹См.: Познышев С. В. Предисловие // Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. XII; Он же. Криминальная психология. Преступные типы. Л., 1926. С. 21.

¹²См.: Красиков Ю. А. Доктрина русского уголовного права: истоки и тенденции развития // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства: Тез. докл. конф., 27-28 января 1994 г. / Под ред. С. В. Бородина и др. М., 1994. С. 35.

¹³См.: Шишов О. Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. М., 1981. С. 30.

>>>17>>>

вершается физическим лицом, т. е. человеком. Однако отметим, что принцип уголовной ответственности в различное время в уголовном праве и законодательстве рассматривался в отношении не только человека, но и неодушевленных предметов, животных, насекомых или юридических лиц. Такой подход в основном был характерен для зарубежного уголовного права.¹⁴

Если рассматривать проблемы исследования субъекта преступления с позиции методологии теоретических концепций в русском уголовном праве, то, несмотря на различное отношение дореволюционных отечественных криминалистов к философским и уголовно-правовым теориям, в большинстве своем они были едины в мнении, что субъектом преступного деяния может быть только физическое лицо, и выступали против уголовной ответственности юридических лиц. Не случайно один из видных представителей классической школы уголовного права русский криминалист Н. С. Таганцев подчеркивал, что субъектом преступления может быть только виновное физическое лицо.¹⁵

Проблема вменяемости и невменяемости лица, совершившего преступное деяние, являющаяся одной из основных в теории уголовного права в отношении субъекта преступления, уголовной ответственности и наказания, решалась представителями различных школ весьма противоречиво.

Что же касается возраста преступника как одного из главных признаков субъекта преступления, то исследования в этом направлении сводились криминалистами и криминологами указанных школ к различным классификациям преступных элементов или к рассмотрению их возрастных особенностей с позиции изучения личностных особенностей преступника.

На важность изучения свободы воли, вменяемости, необходимости и других вопросов, связанных с поведением человека в обществе, указывал Ф. Энгельс. Он писал, что невозможно рассуждать о морали и праве, когда не касаешься вопросов о так называемой свободе воли и о невменяемости человека, об отношении между необ-

¹⁴Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение. 1996. №3. С. 169.

¹⁵Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 1. М., 1994. С. 144-145.

ходимостью и свободой¹⁶. Разумеется, без исследования и глубокого изучения этих понятий и их взаимоотношений вряд ли можно научно обосновать и решить проблему субъекта преступления, с которой тесно связаны различные институты уголовного права.

В историческом аспекте представляет интерес методологический и теоретический анализ субъекта преступления в уголовном праве и уголовном законодательстве в советский период развития нашего государства. Как считает Ю. А. Красиков, после октябрьской революции доктрина социалистического права как бы вобрала в себя реакционные положения социологической школы, извратив во многом классическое направление¹⁷. На первых этапах существования советского государства изучению субъекта преступления со стороны ученых-юристов уделялось недостаточное внимание. Это связано с тем, что все российское уголовное законодательство требовало кардинального обновления и систематизации. В советский период наука уголовного права с новых методологических позиций стала решать задачи по переосмыслению различных уголовно-правовых и криминологических теорий, доставшихся в наследство от «старых» уголовно-правовых школ и учений, связанных с преступным деянием и преступником, а также вопросов уголовной ответственности и наказания.

В советский период значительный вклад в разработку теории и методологии по проблеме субъекта преступления внесли ученые-юристы Я. М. Брагин, В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, А. Н. Трайнин, несколько позже И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова, Н. С. Лейкина, Р. И. Михеев и др. Однако в связи с отсутствием в уголовном праве стройного учения о субъекте преступления в теории отечественного уголовного права учеными-юристами допускались методологические ошибки в характеристике его признаков. Традиционно субъект преступления рассматривался в виде одного из элементов состава преступления. Как отмечает О. Ф. Шишов¹⁸, в «Учебнике по уголовному праву» (1938) был допущен один методологический просчет, который выразился в том,

¹⁶См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 115.

¹⁷См.- Красиков Ю. А. Указ. соч. С. 35.

¹⁸Уголовное право. История юридической науки /А. А. Пионтковский, С. Г. Келина, О. Ф. Шишов и др.; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 87.

>>>19>>>

что социальная сущность института вины рассматривалась в разделе «Субъект преступления».

Следует заметить, что освещение вопросов методологии в учебной литературе по уголовному праву ограничивалось лишь указанием авторов на диалектический материализм как всеобщий метод научного познания (исследования) любой науки, в частности науки уголовного права. Что же касается частнонаучных методов по исследованию проблемы субъекта преступления, то они в какой-то степени оставались в тени, хотя и требовали дальнейшего изучения со стороны как ученых-юристов, так и представителей других наук.

Немаловажным обстоятельством для понимания теоретических и методологических аспектов понятия субъекта преступления было исследование советскими криминалистами философского понятия свободы воли в ее материалистическом понимании, а также признаков лица, совершившего преступное деяние, связанных с возрастом, вменяемостью и невменяемостью.

Как отмечал А. А. Пионтковский, свобода воли, исходя из диалектического материализма, служит как основанием уголовной ответственности при совершении умышленного, так и неосторожного преступления¹⁹. Иного мнения по данному вопросу придерживался И. С. Самощенко, который считал, что при обосновании уголовной ответственности лица, совершившего преступление, не следует исходить из философского понимания свободы, так как свобода в смысле выбора решения представляет собой другую свободу²⁰. На наш взгляд, предпочтительнее мнение А. А. Пионтковского, так как, обладая свободой воли, преступник, как всякое вменяемое лицо, осознает свое противозаконное поведение в объективном мире и предвидит, что в результате его действий могут наступить преступные последствия. Следовательно, свобода выбора, избирательности поведения у вменяемого лица всегда имеется.

В науке уголовного права, как уже ранее было отмечено, состав преступления является необходимым и достаточным основанием привлечения вменяемого лица, совершившего преступление, с учетом установленного законом возраста к уголовной ответственности.

¹⁹Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 271-272.

²⁰Самощенко И. С. Свобода воли и ее значение для правильного регулирования общественных отношений // Сов государство и право. 1963. № 12. С. 37-40.

Структурную основу состава преступления составляет совокупность его элементов, которая включает объект, объективную сторону, субъект, а также субъективную сторону²¹. Вместе с тем А. Н. Трайнин высказывал мнение, что субъект преступления не может рассматриваться в системе элементов состава преступления, так как человек не является элементом совершенного им преступного деяния. Где нет человека — виновника преступления, писал он, там не может быть и самого вопроса о наличии или отсутствии состава, более того, где нет вменяемого человека, достигшего законом установленного возраста, там отсутствует и вопрос об уголовной ответственности, и вопрос о самом составе преступления²².

Позиция А. Н. Трайнина не получила широкого признания среди теоретиков уголовного права, во всех учебниках по уголовному праву, которые были изданы после 1946 г., субъект преступления рассматривался в самостоятельных главах как элемент состава преступления²³. Оспаривалось в теории уголовного права и утверждение, что вменяемость и возраст субъекта преступного деяния нельзя рассматривать в качестве признаков, относящихся к составу преступления (А. Н. Трайнин, Б. С. Никифоров и др.). По мнению Н. С. Лейкиной, включение вменяемости и возраста в число основных признаков субъекта преступления является не превращением преступника в элемент совершенного им преступного деяния, а возможностью попытаться дать более объективную и всестороннюю характеристику конкретного состава преступления²⁴.

Думается, что позиция Н. С. Лейкиной, хотя и имеет право на существование, но сомнительна. Однако она не противоречит общей концепции как по форме, так и по содержанию относительно субъекта как одного из элементов состава преступления. В дальнейшем этот вопрос был снят с повестки как несостоятельный.

Но если наряду с общими признаками, возрастом и вменяемостью, характеризующими субъекта преступления, в составах рассматривать повторность, систематичность, а также опасный рецидив

²¹Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 162.

²²Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 191.

²³Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 62.

²⁴Лейкина Н. С. Советское уголовное право Часть Общая: Учеб. пособие. Л., 1960. С. 229-234. Она же. Личность преступника и уголовная ответственность: Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 290.

>>>21>>>

и другие, то, скорее, следует говорить о свойствах личности преступника, которые включались в понятие «состав преступления». В этом случае указанные признаки позволяют оценивать лицо, совершившее преступление, с общесоциальных позиций и рассматривать их как личностные свойства преступника, определяя общественную опасность данной личности.

Важной теоретической основой в исследовании субъекта преступления является возраст, установленный в законе как обстоятельство, предопределяющее наступление уголовной ответственности за совершение преступного деяния. Возраст как признак субъекта преступления в отечественном уголовном праве полно и глубоко учеными и практиками не изучен. Вместе с тем сложность данной проблемы определяется тем, что она напрямую связана не только с природными, биологическими, но и социально-психологическими свойствами человека, которые, разумеется, должны учитываться законодателем при установлении возрастных границ при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.

На определенных исторических этапах нашего государства возраст, с которого наступала уголовная ответственность лиц, устанавливался законодателем по-разному. Отечественному уголовному законодательству известно установление достаточно низких возрастных границ наступления уголовной ответственности, сохранявшихся сравнительно длительное время.

Общая уголовная ответственность по действующему законодательству в полном объеме наступает с 16-летнего возраста, т. е. законодатель установил безапелляционно данные границы, хотя и на практике, и в теории уголовного права этот вопрос решается не однозначно. Дело в том, что за некоторые преступления, не оговоренные в законе, уголовная ответственность может иметь место с 18 лет. Данное положение реализуется, когда речь идет о специальном субъекте преступления. Так, в УК РФ 1996 г. достаточно много норм, в которых субъектом преступления указано должностное лицо, а признаки его определены в примечании к ст. 285 УК РФ. Некоторые преступления против государственной власти, против правосудия и порядка управления, против военной службы и другие часто совершаются лицом, обладающим признаками специального субъекта.

В этой связи возникает необходимость привести в уголовном законе конкретный перечень норм, предусматривающих наступление уголовной ответственности с 18 лет.

Вместе с тем от возраста преступника зависит и структура совершаемых преступлений. А такие общественно опасные деяния, как убийство (ст. 105 УК РФ), различные формы хищения государственного имущества (кража, грабеж, разбой), причинение вреда здоровью (ст. 111-112 УК РФ), злостное и особо злостное хулиганство (ч. 2-3 ст. 213 УК РФ) и другие, совершаются достаточно часто в 14-15-летнем и более младшем возрасте. Поэтому повышение возрастного предела, например до 20 лет, как предлагается в литературе, в ближайшее время представляется нецелесообразным, что подтверждает и резко обострившаяся за последние годы криминологическая ситуация.

Одним из аспектов исследования в теории уголовного права проблемы субъекта преступления является его вменяемость, т. е. такое психическое состояние лица, при котором оно, совершая общественно опасное деяние, может осознавать свои действия и руководить ими. Вменяемость, как и возраст, — неотъемлемый признак субъекта преступления.

Однако формула вменяемости не определена в действующем УК РФ. Понятие вменяемости противоположно понятию невменяемости, которое нашло законодательное закрепление в ст. 21 УК РФ.

Вменяемость как свойство любого человека — понятие довольно сложное и многогранное, требующее комплексного исследования представителями различных наук. Но этой проблеме уделяется меньше внимания, чем невменяемости. Одна из немногих работ, посвященных проблемам вменяемости и невменяемости в уголовном праве, монография Р. И. Михеева.²⁵

Вменяемость является не только необходимым условием для привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, но и предпосылкой для установления его виновности. Если рассматривать данную проблему с методологических позиций, то в основе учения о детерминированности и свободе воли лежит понятие вменяемости. Обладая способностью мыслить, человек со

²⁵См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983.

здоровой психикой может правильно оценивать свои действия, а также выбирать самые различные варианты поведения, соответствующие мотивам, потребностям, целям и задачам, которые он себе поставил.

К сожалению, в теоретическом и методологическом аспектах данной проблеме посвящено сравнительно мало исследований, особенно в уголовном праве. В связи с этим представляется целесообразным не только разработать и обосновать критерии вменяемости, но и закрепить их в уголовном законе.

Важная сторона исследования субъекта преступления — изучение такого сложного вопроса в науке уголовного права и криминологии, как соотношение понятий «субъект преступления» и «личность преступника», которые порой ошибочно отождествляются. Методологической основой исследования данной проблемы является как углубленное изучение самого преступного деяния на различных этапах развития нашего государства, так и совершенствование уголовного законодательства с целью более эффективной борьбы с преступностью.

Понятие «субъект преступления» и «личность преступника», хотя по смыслу и близки, но не совпадают. Кроме того они имеют разный объем, а именно — понятие «субъект преступления» уже, чем понятие «личность преступника». Понятие «субъект преступления» основывается на конкретных положениях, сформулированных в уголовном законе, и исходит из методологических предпосылок философских и уголовно-правовых теорий, о чем было сказано выше.

«Субъект преступления» — это термин уголовно-правовой, который, скорее, определяет юридическую характеристику лица, совершившего преступление, и отличается от криминологического понятия «личность преступника».

«Личность преступника» как более емкое понятие раскрывается через социальную сущность лица, а также через сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений, нравственный и духовный мир, взятые во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения.

Представляется, избежать методологических и теоретических ошибок по разграничению понятий «субъект преступления» и «лич-

ность преступника» помогут первоначальные предпосылки, состоящие в том, что субъект преступления — правовое понятие, а личность преступника — криминологическое.

Еще одной сложной и спорной теоретической проблемой в российском уголовном праве, связанной с субъектом преступления, является проблема уголовной ответственности юридических лиц. И здесь важно отметить, что институт уголовной ответственности юридических лиц уже давно получил законодательное закрепление в ряде зарубежных государств, например в Англии, Италии, Нидерландах, США, Франции²⁶.

Интерес к данной проблеме в теории уголовного права возродился в России в связи с происходящими глобальными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества. Особенно это проявилось в период подготовки и принятия нового УК РФ 1996 г.

К числу сторонников позиции законодательно закрепить институт уголовной ответственности юридических лиц можно отнести ученых-юристов С. Г. Келину, А. С. Никифорова, А. В. Наумова и других, которые обосновывают научную состоятельность и практическую значимость такого решения данной проблемы²⁷.

Интересную мысль по данной проблеме высказал Б. В. Волженкин, предложивший различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Он считает, что преступление может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Однако нести уголовную ответственность за преступные деяния могут не только физические, но при определенных условиях юридические лица²⁸. Думается, что это положение не бесспорно и требует более основательной проработки в связи с тем, что на практике, несомненно, возникнут определенные трудности по установлению условий, при которых юридическое лицо может нести уголовную ответственность. Поэтому в законодательном порядке необходимо установить подробный перечень условий, в соответствии с которы-

²⁶Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве. С. 169-170; Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 11-19.

²⁷Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи: Сб. ст. /Отв. ред. С. Г. Келина, А. В. Наумов. М., 1994. С. 51-60; Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Там же. С. 44-61; Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Сов. юстиция. 1992. №17-18. С. 3.

²⁸См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 25-26.

ми юридическое лицо при совершении преступления может быть признано субъектом уголовной ответственности.

Сложность разрешения данной проблемы обусловлена и тем, что понимание вины, характерное для физического лица, связано с его психической деятельностью во время совершения преступления, а психическую деятельность довольно сложно соотнести с виновностью юридического лица. Поэтому признание уголовной ответственности последнего в уголовном праве неразрывно с принципом личной ответственности физического лица, являющимся своеобразным камнем преткновения в решении данной проблемы в российском уголовном законодательстве.

Существование обозначенных проблем в уголовном праве свидетельствует, что необходимо дальнейшее исследование вопросов теории и методологии, которые являются основополагающими для познания любого института уголовного права, в том числе проблемы субъекта преступления.

§ 2. Историко-правовой аспект субъекта преступления в русском уголовном праве

Изучая историко-правовые вопросы российского законодательства, следует обратить внимание на важнейшие памятники древнерусского и феодального права, а также многочисленные законодательные акты Российской империи в области уголовного права. При этом важность и ценность источников уголовного права, характеризующих определенные этапы развития Российского государства, не потеряли своей актуальности и в настоящее время, так как наиболее глубоко и содержательно понять любое явление, событие, изменения, происходящие в общественном и государственном строе, а тем более в праве, можно, лишь изучив генезис их происхождения, возникновения и развития. Заметим, что вряд ли возможно проанализировать учение о субъекте преступления в прошлых источниках русского права без изучения в них самого понятия преступления.

Исследование данной проблемы необходимо проводить в историческом развитии, соблюдая хронологические рамки и последовательность принятия законодательных документов отечественного уголовного права, поскольку, как высказывается профессор С. В. Юшков, в литературе давно обращено внимание на то, что при

исследовании в первую очередь необходимо изучать законы, касающиеся уголовного права.²⁹

Обратимся к важнейшему памятнику древнерусского права — «Русской Правде»³⁰, включающей в себя как нормы уголовного, так и гражданского права. Будучи кодексом феодального права, она придает прежде всего исключительное значение охране собственности феодалов. Например, одна из статей «Пространной Правды» гласит: «Если свободный человек убьет свободного, то мстит за убитого брат или отец, или сын, или племянник от брата или от сестры. Если же некому будет мстить, то взыскивать за убитого 80 гривен, когда это будет княжной муж (боярин) или княжной тиун (приказчик). Если же убитый будет русин или княжной воин (гридь), или купец, или боярский тиун (приказчик), или мечник, или церковный человек, или Словенин, то взыскивать за убитого 40 гривен»³¹. Вместе с тем за убийство свободной женщины взыскивалась с виновного половина виры, предусмотренной за убийство свободного мужчины, т. е. 20 гривен. Статья 83 «Пространной Правды» предписывает: «Аже кто оубиет жену, то тем же судом судить, яко же и мужа, аже будет виновать, то пол виры 20 гривен»³².

Усиливая охрану феодальной собственности, некоторые статьи «Русской Правды» в различных редакциях устанавливали разные наказания за кражу. Так, ст. 36 «Пространной Правды» предоставляла право убить ночного вора, застигнутого на месте преступления.³³

К наиболее тяжким преступным деяниям против собственности закон относил поджог гумна и двора.

Таким образом, статьи об ответственности за убийство и посягательство на охраняемую законом собственность достаточно ярко отражают не только социальные изменения, происшедшие в жизни древнерусского государства в конце XI — начале XII века, но и дают

²⁹См.: Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 270.

³⁰Под названием «Русской Правды», как отмечает М. И. Тихомиров, понимают три различных памятника, которые историками названы «Краткой», «Пространной» и «Сокращенной» Правдами (См.: Вступит. ст. и коммент. к текстам М. И. Тихомирова II Русская Правда. М., 1941)

³¹Материалы к изучению истории государства и права СССР / Коммент. Г. К. Амелина. М., 1958. С. 9.

³²Русская Правда. М., 1941. С. 66.

³³Там же. С. 56.

возможность представить наиболее опасные преступные деяния, за которые были предусмотрены самые различные наказания, вплоть до применения к преступнику смертной казни. Следует при этом отметить, что с появлением христианства на Руси духовенство проводит в жизнь не только догмы христианской религии, но и основы византийского права. Необходимые для этого нормы были заимствованы, как справедливо замечает по этому поводу М. Г. Миненок, из византийского сборника церковнослужеских законов, известного как «Кормчая книга». Руководствуясь правилами этой книги, епископы, например, советовали Владимиру Мономаху применять казнь к преступникам.³⁴ Так, ст. 19 «Русской Правды» предусматривает смертную казнь за убийство в разбое, которое рассматривалось как преступное деяние, а в ст. 18 говорится, что за убийство огнищанина, умышленно убитого в обиде, платит только убийца³⁵.

Однако рассмотренные нормы об убийстве свидетельствуют и о том, что в течение определенного периода князья вынуждены были считаться с существованием ряда древних обычаев славян, особенно с обычаем кровной мести как актом расплаты за причиненный вред тому или иному лицу.

В свою очередь, «Пространной Правде» известны преступные деяния, связанные с причинением каких-либо телесных повреждений: нанесение ран обнаженным мечом, палкою, жердью, чашей, рогом, рукой, необнаженным мечом или его рукояткой и т. п. При этом из всех видов телесных повреждений членовредительство признается законом наиболее тяжким преступлением³⁶. В период «Русской Правды», как в свое время отмечал А. Чебышев-Дмитриев, действие считалось преступным в силу заключающегося в нем имеющего место действительного или непосредственного зла. Поэтому в понятии преступного действия не было ничего формального, отвлеченного и условного.³⁷ Следует заметить, что преступное деяние согласно анализируемому памятнику всегда совершается конкретным лицом, но о нем как о субъекте преступления ничего не говорится. Видимо, это объясняется как нечеткостью понимания

³⁴См.: Миненок М. Г. Наказание в русском уголовном праве. Калининград, 1985. С. 5.

³⁵Русская Правда. С. 41.

³⁶Материалы к изучению истории государства и права СССР. С. 31.

³⁷См.: Чебышев-Дмитриев А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. С. 173.

самого преступного деяния, так и отсутствием разграничения между уголовными и гражданско-правовыми нормами. Следовательно, говорить о правонарушителе как о субъекте преступления имеет смысл лишь в случаях, когда к нему, исходя из самого деяния, применено более строгое наказание. По описанию А. Чебышева-Дмитриева, все правонарушения, упоминаемые в «Русской Правде», распадаются на две главные группы: 1) уничтожение и повреждение чужой вещи, которые совершаются при отсутствии преступного намерения, и 2) действия, подвергающие виновного выдаче князю на поток и разграбление или платежу общественных штрафов за разбой, поджог, убийство, изувечение и др.³⁸

По образному выражению В. В. Есипова, «Русская Правда» является как бы отголоском древних общеславянских начал. Однако при разработанной постановке вопроса о мести за преступление и причиненный вред у славян отсутствует определение преступного деяния, так как уголовное право этого времени в основном сосредотачивалось в институте кровной мести³⁹.

Таким образом, как мы уже отмечали, из текста «Русской Правды» трудно выявить положения, касающиеся лица, совершившего преступное деяние, т. е. его возраста, вменяемости и что данное правонарушение может совершить только человек, хотя это вытекает само по себе из смысла самого закона. Преступное же действие расценивается как зло, и потому, как замечает А. Чебышев-Дмитриев, обыкновенным названием для преступления, как правило, является «лихое дело», а для преступника — «лихой человек»⁴⁰. Иван III возложил на сами общины право и непосредственную обязанность преследовать и судить лихих людей, татей, душегубцев и разбойников. Так, по Судебнику 1497 г. повальный обыск был первым актом следствия. В ст. 137 по этому поводу говорилось: «А доведут на кого татьбу или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью...»⁴¹.

³⁸См.: Там же. С. 80-81.

³⁹См.: Есипов В. В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. С. 36-37.

⁴⁰См.: Есипов В. В. Преступление и наказание в древнем праве. С. 174.

⁴¹Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 55.

Довольно тяжкие наказания применялись к лицам, совершившим преступные деяния против церкви, так как ее догмы возводились в ранг государственной политики и были непоколебимы.

Однако при дальнейшем рассмотрении существа вопроса о преступном деянии и лице, его совершившем, следует обратить внимание на Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г., который явился новым законодательным актом по отношению к Судебнику 1550 г. (Ивана IV Грозного) и значение которого, так же как «Русской Правды», для различных отраслей права велико. И хотя Судебник 1589 г. исправляет терминологию и текст Судебника 1550 г., но в сфере уголовных понятий, как отмечал М. Ф. Владимирский-Буданов, обыкновенное право дало очень мало материала составителю этого закона⁴². Вместе с тем Судебник 1589 г. устанавливает ряд преступных деяний, которые не были предусмотрены в Судебнике 1550 г. К ним относится дурное содержание мостов и дорог, в результате чего произошли несчастия с людьми и животными. Так, в ст. 223 Судебника 1589 г. говорится: «Чи лошадь истепеть или ногу изломит, и про то сыскати того волостию накрепко, в которой во-лосте деетца и кося деревни та земля и мост: ково (в) зышут, и на том исцева гибел доправити без суда по обыску»⁴³. В статьях 25 и 26, например, предусмотрена ответственность за убийство домашних животных. А согласно ст. 229 рассматривается как преступное деяние, если лицо не участвует в задержании беглых или оказывает им помощь: «А погонные за беглыми давати и выпиши в ином уездъ. А кто не дасть погонные, а беглому сноровит, и он тем виноват»⁴⁴. Причем конокрадство в данном Судебнике представлено как одно из наиболее тяжких преступных деяний, за которое предусмотрена смертная казнь (ст. 115).

Таким образом, в Судебнике 1589 г., как и в предшествующем Судебнике 1550 г., отсутствуют понятия преступного деяния, а также ничего не говорится о субъекте, его совершившем. Однако так или иначе из этих памятников русского права можно определенно сделать вывод, что субъектом преступного деяния является только физическое лицо — человек. Вместе с тем уголовному праву, как

⁴²См : Владимирский-Буданов М. Ф Судебник 1589 г. Его значение и источники. Киев, 1902 С. 44-64

⁴³Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. М., 1900. С. 54.

⁴⁴Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. С. 56.

отмечается в исторической, правовой и учебной литературе, известен факт, когда в 1593 г. в России был осужден за государственное преступление церковный соборный колокол, в который ударили во время восстания народа в г. Угличе в связи с убийством наследника престола малолетнего царевича Дмитрия. Часть жителей Углича казнили, других сослали в Сибирь. «Мятежный колокол» был наказан кнутом, у него вырвали язык и урезали «ухо», а затем сослали в ссылку в сибирский г. Тобольск⁴⁵.

В памятниках русского права, как отмечал Н. С. Таганцев, не встречались случаи судебных процессов над животными, насекомыми, домашней птицей, так как они не являлись субъектами преступлений, что было характерно для светских судов XIV и XV столетий европейских государств, когда животные платили своей жизнью⁴⁶. Однако профессор Н. Д. Сергеевский описывает случай в царствование Михаила Федоровича казни обезьяны, забежавшей в церковь и произведшей там беспорядок, за что преступница по приказанию патриарха была выведена на лобное место и палач отсек ей голову⁴⁷.

Следовательно, преступное деяние в законодательных памятниках права рассматривается как проявление индивидуального состояния физического лица, т. е. только человека. И то простое положение, как в свое время еще подметил В. В. Есипов, что субъектом преступления может быть лишь физическое лицо, есть не что иное, как продукт медленного исторического развития в истории русского права⁴⁸.

Что же касается Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г., то оно является важнейшим законодательным памятником не только в истории России, но и в истории уголовного права нашего государства, так как имеет для данной отрасли огромное значение. Признавая преступлением всякое нарушение и неисполнение закона, Уложение впервые дает классификацию преступных деяний. При этом на первое место поставлены преступления против церкви, т. е. рели-

⁴⁵См.: Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 85; Таганцев Н. С. Русское уголовное право Т. 1. С. 143; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. С. 252; Курс советского уголовного права /Под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Часть Общая Т. 1. Л., 1968 С. 359

⁴⁶См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право Т. 1. С. 142.

⁴⁷См.: Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право СПб. 1890. С. 63.

⁴⁸См.: Есипов В. В. Очерк русского уголовного права Часть Общая Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. СПб., 1898 С. 101.

гиозные преступления. Глава первая, которая так и называется — «О богохульниках и о церковных мятежах», состоит из 9 статей⁴⁹. Так, в соответствии со ст. 1 богохульство наказывалось квалифицированной смертной казнью — через сожжение, независимо от того, является богохульник православным или иноверцем⁵⁰. В главах 2 и 3 предусмотрены преступления против государя и государства. Эти главы содержат 22 статьи⁵¹. Преступления против порядка управления, в частности против судебной власти государства, предусмотрены в главах 4, 6, 10.⁵²

Следовательно, в связи с достаточно сильным влиянием церкви религиозные преступления, бывшие объектом церковного законодательства, в Уложении стояли выше преступлений, которые совершаются против государства. Однако за умолчание о государственных преступлениях лицо подвергалось смертной казни. В гл. 2 ст. 6 говорилось: «А жены будет и дети таких изменников про ту их измену ведали, и их потому же казнити смертию⁵³». При этом одной из разновидностей преступлений против государства являлось «воровство» в смысле восстания, заговора или скопа, направленных в основном против представителей государственной власти, сопровождавшихся, как правило, погромами их дворов и принадлежавшего им имущества.

Лица, совершившие такие действия, признавались государственными преступниками, назывались ворами и подвергались смертной казни. В гл. 22 ст. 13 так и сказано: «А которые воры чинять в людях смуту и затевают на многих людей своим воровским умыш-лением затейные дела: и таких воров за такое их воровство казнити смертию»⁵⁴. К «воровским делам» относились и преступления против порядка управления: изготовление поддельных печатей, писем и фальшивых денег, за которые также предусматривалась смертная казнь⁵⁵.

⁴⁹Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 85-86

⁵⁰Там же С. 85.

⁵¹Там же С. 86-90.

⁵²Там же С. 91-102.

⁵³Там же С. 86.

⁵⁴Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича СПб., 1913. С. 316

⁵⁵Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 91.

Особо следует отметить, что преступные действия в Уложении 1649 года достаточно четко классифицированы по сравнению с предшествующим законодательством, а вся система наказания детально проработана и содержит в себе основной принцип — устрашение. В рассматриваемом законодательном акте, таким образом, получило дальнейшее развитие и уточнение понятие преступного деяния, под которым закон стал понимать какое-либо противление царской воле, нарушение предписаний монарха и правопорядка, установленного государством. Гораздо четче проведено разграничение преступного деяния и других правонарушений. Однако о субъекте преступления практически ничего не говорится. Тем не менее из текста Уложения видно, что все предусмотренные в нем преступные деяния могут быть совершены только человеком. При этом сложно установить возрастные характеристики преступника и признаки, связанные с его вменяемостью. Следовательно, субъектом преступления признавалось лицо, которое совершило предусмотренное законом преступное деяние. Однако звание, к которому принадлежал преступник, чин, который он имел, учитывались при определении наказания, применяемого к нему. А вот умышленное убийство влекло смертную казнь независимо от социальной принадлежности субъекта преступления, так как оно всегда считалось одним из самых тяжких преступлений. В гл. 21 ст. 72 указано: «А кого кто убьет с умышления, и сыщется про то допря-ма, что с умышления убил: и такова убийцу казнити смертию»⁵⁶. О признании субъектом преступления неодушевленных предметов и животных в кодексе феодального права России, т. е. в Уложении 1649 г., речи вообще не ведется, нет также никаких сведений в законе о влиянии возраста преступника на уголовную ответственность.

Придавая важность Соборному Уложению 1649 г. как законодательному памятнику Московской Руси, И. П. Загоскин приводит по этому поводу высказывание профессора И. Д. Беляева, который в свое время отмечал, что в Уложении, как в оптическом фокусе, соединились итоги предшествовавшего ему законодательства. Оно достаточно долго продолжало лежать краеугольным камнем в осно-

⁵⁶Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича. С. 302.

ве русского законодательства, до издания Свода законов Российской Империи⁵⁷.

В законодательстве Петра I уже окончательно определяется понятие преступного деяния. Преступлением признается нарушение указа или закона, за которое следует наказание, предусмотренное самим законом. Без закона, по справедливому замечанию А. Богдановского, отсутствует и наказание, точно так же, как не имеет места и само преступление⁵⁸. Например, в Воинских артикулах Петра I 1716 г. речь идет о преступлениях, совершенных военными служащими или лицами, связанными с армией. Но на практике, как отмечает А. П. Шорохов, эти артикулы применялись и к гражданскому населению при определении наказания, например, за преступления против религии⁵⁹. Таким образом, помимо специального субъекта — военнослужащего, речь в данном случае может идти об общем субъекте преступления, совершенное же уголовное законодательство при Петре I ограничивалось в основном изданием Воинского артикула, который, являясь первым уголовным кодексом, был по своей идее военно-уголовным законом.

По Воинскому артикулу Петра Великого 1716 г. в соответствии с главой XV «О сдаче крепостей, капитуляции и аккордах с неприятелем» коллективную уголовную ответственность могли нести целые воинские подразделения и даже полки. В арт. 117 указывается, что полк или рота, дерзнувших без ведома и указа государя или его фельдмаршала заключить с неприятелем соглашение или объявить капитуляцию, надлежит лишить чести, пожитков и живота, а рядовых каждого десятого по жребию повесить, остальных же виновных жестоко шпицрутенами наказать⁶⁰. Многие артикулы указанной главы устанавливают для специального субъекта преступления — военнослужащих — наивысшую меру наказания — лишение чести, пожитков и жизни. Если же в арт. 117 говорится о преступлении, совершенном целым воинским подразделением, и речь в данном

⁵⁷Загоскин И. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор. 1648-1649. Казань, 1879. С. 3-4.

⁵⁸См.: Богдановский А. Преступление и наказание в русском праве до Петра Великого. М., 1857. С. 6.

⁵⁹См.: Шорохов А. П. К вопросу о применении Воинских артикулов Петра I 1715 г. в общих (гражданских) судах // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. Томск, 1979. С. 91-92.

⁶⁰Полное собрание законов Российской Империи. Т. 5. 1713-1719 гг. СПб., 1830. С. 353.

случае идет о коллективной уголовной ответственности, которая присуща, как правило, юридическому лицу, то в арт. 118 устанавливается индивидуальная уголовная ответственность в отношении офицеров или сдавших крепость без крайней необходимости: «Кто из офицеров, которому команда в крепости поверена, оное место без крайней нужды сдаст и оставит, оный имеет чести, пожитков и живота лишен быть...»⁶¹.

Артикул 119 предусматривает перечень других воинских преступлений, связанных со сдачей крепостей, где субъектом преступления является также военнослужащий.

Следует заметить, что в уголовном законодательстве эпохи царствования Петра I — и в Воинских артикулах, и в Указе от 25 января 1715 г. «О подметных письмах» и других законодательных актах — очень мало информации о субъекте преступления. Так, в Воинском Уставе 1716 г., например, в толковании на арт. 195 сказано: «Наказание воровства обыкновенно умалется или весьма отставляется, ежели... вор будет младенец, которых дабы зарание от сего отучить, могут от родителей своих лазами наказаны быть»⁶². Вместе с тем о возрасте младенца в законе ничего не говорится. Данное обстоятельство затрудняет возможность определить, с какого возраста младенец освобождается от уголовной ответственности за совершенное им противоправное деяние. Практически не разрешены вопросы, связанные с невменяемостью субъекта преступления. В Петровское время, как отмечает в своей монографии В. А. Рогов, преступники в основном подлежали безжалостному искоренению⁶³. В послепетровский период крупных уголовных законов не издавалось. Законодательство Петра Великого, писал А. Чебышев-Дмитриев, практически не внесло ничего нового в русское уголовное право о преступном деянии, что было принято и развито предшествующим русским законодательством⁶⁴.

Нет конкретности и определенности в отношении возрастных особенностей субъекта преступления и в законодательстве послепетровского периода, например в императорских Указах 1742 г.,

⁶¹Там же. С. 354.

⁶²Полное собрание законов Российской Империи. Т. 5. С. 378.

⁶³Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в русском государстве XV—VII вв. М., 1995. С. 265.

⁶⁴См.: Чебышев-Дмитриев А. Указ. соч. С. 242.

1765 г., 1766 г. По описанию П. Гуляева, малолетние преступники вместо смертной казни и кнута наказывались плетью, отсылались в монастыри под караул и покаяние, а при наличии малой вины били их розгами в зависимости от виновности и возраста⁶⁵. Указом императрицы Елизаветы Петровны, отмечал В. В. Есипов, было определено лиц, моложе семнадцати лет, которые совершили тяжкие преступления, представлять в Сенат, где с ними разбирались по мере их вины, а малолетних, совершивших преступления от 10 до 15 лет, наказывать розгами⁶⁶. Данное положение нашло отражение в дальнейших указах Екатерины II, в частности было закреплено в Своде законов Российской Империи 1832 г., вступившего в силу с 1 января 1835 г. Свод законов издания 1832 г., как подметил Н. С. Таганцев, целиком принял систему Указа 1765 г., в котором были установлены правила о наказании, применяемые к малолетним преступникам⁶⁷.

Свод законов 1832 г. более конкретно определил само понятие преступного деяния, которое в ст. 1 сформулировано следующим образом: «Всякое деяние, запрещенное закономъ подъ страхомъ наказания, есть преступление»⁶⁸. По Своду законов 1832 г. в соответствии со ст. 126 уголовные дела о малолетних, не достигших семнадцатилетнего возраста и совершивших тяжкие преступления, представляются Правительствующему Сенату, который решает их по своему усмотрению. Вместе с тем за преступления менее тяжкие, но заслуживающие телесные наказания, малолетние без предоставления в Сенат по решению Советных судов и Уголовных палат подвергаются наказанию: в возрасте от 10 до 15 лет — розгами; от 15 до 17 лет — плетью; до 10 — отдаются для наказания родителям, дети же крепостных людей отдаются помещику. Малолетним совершенные преступления в вину не вменяются⁶⁹.

Таким образом, из данной статьи можно сделать вывод, что субъектом преступления по Своду законов 1832 г. могло быть малолетнее лицо, достигшее возраста 10 лет. В свою очередь, не признается субъектом преступления по Своду законов лицо, совершившее

⁶⁵Российское уголовное право, составленное из российских государственных узаконений Петром Гуляевым. М., 1826. С. 34.

⁶⁶См.: Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. С. 141.

⁶⁷См.: Таганцев Н. С. Исследование об ответственности малолетних преступников по Русскому праву. СПб., 1871. С. 23.

⁶⁸Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. СПб., 1832. С. 1.

⁶⁹Там же. С. 42.

преступление в невменяемом состоянии. Так, в ст. 136 сказано: «Преступление, учиненное в безумии и сумасшествии, не вменяется в вину, когда действительность безумия или сумасшествия доказана будет с достоверностью и порядком, для сего в законах установленным»⁷⁰.

Вместе с тем большие изменения, которые происходили в социально-экономическом строе общества, настоятельно требовали обновления, совершенствования и систематизации всего уголовного законодательства, а также глубоких исследований не только самого преступления, но и лиц, их совершивших. Поэтому, анализируя проблему субъекта преступления в русском уголовном праве и отмечая ее особую актуальность не только в настоящее время, но и в прошлом, нельзя не привести высказывание профессора Л. Е. Владимирова. В своем учебнике по уголовному праву он писал, что того, кто знаком с историей науки уголовного права, не может не удивлять факт, мало обращавший на себя внимание. Криминалисты почти до последней четверти прошлого столетия не занимались непосредственно объектом уголовного права — преступником, отдавая все силы установлению виновности субъекта преступления. Однако при выработке тончайшей логики преступного деяния в исполнении наказания выяснялась бесполезность установления виновности преступника, так как судебная математика виновности на практике оказывалась зачастую карикатурой действительности⁷¹.

Шагом вперед в совершенствовании уголовного законодательства России явилось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г., вступившее в действие с 1 мая 1846 г. в период царствования Николая I. В первом разделе Уложения, который представлял собой как бы Общую часть уголовного кодекса, состоявшем из 181 статьи, говорилось о существовании преступлений и проступков, а также степени виновности. При этом следует отметить, что понятие преступного деяния, по сравнению со Сводом законов 1832 г., сформулировано более полно. Так, в ст. 1 Уложения 1845 г. говорится: «Всякое нарушение закона, чрез которое посяга-ется на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей, или же на права и безопасность общества или част-

⁷⁰Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. С. 46.

⁷¹См.: Владимирова Л. Е. Курс уголовного права. Часть первая. Основы нынешнего уголовного права. М., 1908. С. 186.

ных лиц, есть преступление»⁷². Лица, совершившие преступления и проступки, подвергаются уголовным наказаниям. Особо следует заметить, что в Уложении более четко определены признаки субъекта преступления, касающиеся возраста и вменяемости. Например, согласно ст. 100 дети, которые не достигли 7-летнего возраста и не имеющие достаточного понятия о своих деяниях, не подлежат наказаниям как за преступления, так и за проступки и отдаются родителям, опекунам и родственникам для воспитания и исправления⁷³. Не являются субъектом преступления в соответствии со ст. 143 данного Уложения и дети в возрасте от 7 до 10 лет, не подвергающиеся определенному в законе наказанию, однако которые отдаются родителям и благонадежным родственникам для строгого за ними присмотра, исправления и перевоспитания⁷⁴.

Субъектом преступления по Уложению 1845 г. в силу ст. 144 признавалось физическое вменяемое лицо, достигшее 10 лет. Наказание же, которое применяется к лицам, совершившим преступление в возрасте от 10 до 14 лет, при этом смягчается⁷⁵. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года, согласно ст. 145 Уложения, подвергались тем же наказаниям, что и взрослые преступники, только с некоторым смягчением наказания. Здесь сразу следует заметить, что уголовная ответственность и наказуемость, хотя и наступают с 10-летнего возраста за совершенное преступление, но в полном объеме преступник может отвечать по закону только при достижении им совершеннолетия, т. е. когда ему исполнится 21 год⁷⁶. Аналогичные возрастные критерии, позволяющие решать вопросы привлечения лица к уголовной ответственности и наказанию, предусмотрены и в Уложении 1885 г. в ст.ст. 94, 137, 138, 139, 140⁷⁷.

По Уложению 1845 г., невменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние, не признается субъектом преступления. В ст. 101 анализируемого законодательного акта так и записано: «Преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения,

⁷² Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. СПб., 1846. С. 600.

⁷³ Там же. С. 614.

⁷⁴ Там же. С. 620.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 621.

⁷⁷ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885. С. 25, 36-38.

что безумный или сумасшедший, по состоянию своему в то время, не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния»⁷⁸. Вместе с тем, если лицо в невменяемом состоянии совершило убийство, поджог или покушение на убийство, а также посягнуло на свою собственную жизнь, то в этом случае невменяемое лицо заключается в дом умалишенных, даже при желании родителей или родственников взять на себя обязанности присматривать за ним (ст. 101)⁷⁹. Данная статья без каких-либо изменений нашла дальнейшее законодательное выражение в Уложении 1885 г. (ст. 95)⁸⁰, являющемся по сути своей новой редакцией Уложения 1845 г.

Таким образом, вменяемость наряду с установленным в уголовном законе возрастом определяет виновность лица, совершившего преступление. Данное обстоятельство позволяет еще раз убедиться в том, что субъектом преступления в российском уголовном законодательстве признается только человек, физическое лицо. Если даже все члены принимали участие в совершении преступления, как отмечал в свое время С. Будзинский, то в данном случае ответственность падала бы на каждого члена в отдельности, а не на всех как собирательное лицо⁸¹.

Если говорить об уголовной ответственности юридических лиц, то в отечественном законодательстве этот вопрос не решен. Уголовная ответственность данных субъектов преступления более четко проработана в зарубежном уголовном праве (США, Англии, Франции, ФРГ, Италии и др.). При этом подавляющее большинство юристов в русском уголовном праве отвергают уголовную ответственность юридических лиц, утверждая, что субъектом преступления может быть только конкретное физическое лицо — человек⁸².

⁷⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. С. 614.

⁷⁹ Там же. С. 614.

⁸⁰ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С. 25.

⁸¹ См.: Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 71-72.

⁸² См.: Фейербах А. Указ. соч. С. 26; Будзинский С. Указ. соч. С. 71; Сухов А. А. Историческая характеристика древнерусского уголовного права до XVII столетия // Юридический вестник. 1874 (январь-февраль). С. 93-95; Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая и Особенная. СПб., 1866. С. 40-41; Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая. С. 10; Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть Общая. С. 101-104; Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 368-369; Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть: Лекции. Юрьев, 1907. Вып. 1. С. 200; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.

В 1885 г. выходит в свет очередная (третья) редакция Уложения, незначительно отличающаяся от редакции Уложения 1866 г., за исключением появления новых составов преступлений. Можно сказать, что продолжало действовать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции от 15 августа 1845 г., которое явилось главным источником русского уголовного законодательства и которое, с точки зрения рассматриваемой проблемы, нами проанализировано.

Уголовное Уложение от 22 марта 1903 г. — последний крупнейший законодательный акт Российской Империи в области материального уголовного права в период царствования Николая II. Уложение 1903 г., непосредственный вклад в разработку которого внес профессор Н. С. Таганцев, явилось важным событием в общественно-политической жизни России, хотя оно и не было полностью принято. Вместе с тем вопросы, касающиеся субъекта преступления, нашли в нем достаточно четкое отражение. Само понятие преступления сформулировано более лаконично и не противопоставляется проступку, как это имело место в последней статье Уложения 1885 г. В статье 1 Уложения 1903 г. говорится: «Преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания»⁸³.

Не являлось субъектом преступления по данному Уложению лицо, не достигшее 10-летнего возраста, так как оно считается малолетним и не может в полном объеме осознавать содеянное. В статье 40 Уложения зафиксировано: «Не вменять в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим десяти лет»⁸⁴. Следовательно, дети младше 10 лет не могут привлекаться к уголовной ответственности, но могут быть отданы под надзор родителей или других лиц, согласившихся на это, или помещены в воспитательные заведения.

Не являлось также субъектом преступления лицо, совершившее преступное деяние, когда оно не сознавало своих действий и не могло руководить ими, т. е. было невменяемо. Так, ст. 39 Уложения

С. 143; Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 128 и др.

⁸³Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1903 г. (далее: СУ). Отд. 1. Ст. 416. СПб., 1903. С. 1.

⁸⁴СУ за 1903 г. Отд. 1. Ст. 416. С. 8.

>>>40>>>

предусматривает следующее: не вменяется в вину преступное деяние, учиненное лицом, которое во время его учинения не могло понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, а также бессознательного состояния или умственного недоразвития⁸⁵. Таким образом, по Уложению условием вменяемости является именно способность лица сознавать совершаемые им поступки. Однако этого мало. Необходимо, чтобы лицо при совершении преступления не только сознавало свое деяние, но и могло руководить своим сознанием и поступками. Только в этом случае оно могло быть признано субъектом преступления. К числу же причин, устраняющих вменяемость, закон относил и малолетний возраст.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что субъектом преступления по Уложению 1903 г., как и по предшествующему уголовному законодательству (Уложению 1885 г.), признавалось физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста.

В заключение следует сказать, что данный обзор исторических памятников русского права и уголовного законодательства Российской Империи, естественно, не может дать полного и объемного представления существа рассматриваемой проблемы. Однако краткий анализ памятников права привел автора к твердому убеждению о продолжении в дальнейшем глубоких и целенаправленных исследований вопросов о субъекте преступления как в историческом аспекте, так и действующего российского и зарубежного уголовного законодательства.

§ 3. Субъект преступления в отечественном уголовном законодательстве периода 1917-1996 гг.

Проблема субъекта преступления в уголовном праве привлекала внимание российских криминалистов как в дореволюционное время, так и в советский период. В отечественном уголовном праве до сих пор существует утверждение, что субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек. Данное утверждение ос-

⁸⁵Там же С. 8-9.

новывается на единстве объективного и субъективного в природе возникновения преступления как юридического факта. Для уяснения сущности учения о субъекте преступления представляет интерес анализ уголовного законодательства на определенных этапах истории нашей страны.

В первые годы существования Советской республики интенсивно формировались органы государственной власти и издавались многочисленные законодательные акты в виде декретов. Данный период характеризуется также бессистемностью уголовного законодательства. В этом отношении показательны первые советские законодательные акты, направленные на борьбу с безработицей и обеспечение трудовой занятости населения, которыми предусматривалось применение сурового уголовного наказания к лицам, нарушающим эти акты, при этом государство еще не могло гарантировать трудящимся право на труд. Так, Декрет СНК от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» предусматривал в отношении всех лиц, занятых работой на предприятиях, хозяйствах и по найму, виновных в нарушении закона, лишение свободы сроком до одного года.⁸⁶

В соответствии с Конституцией РСФСР 1918 г. в стране вводилась всеобщая повинность, что нашло отражение в Декрете СНК РСФСР от 5 октября 1918 г. «О трудовых книжках для нетрудящихся», в котором было объявлено преступлением уклонение лиц, живущих на нетрудовой доход, — членов советов правления акционерных обществ, частных торговцев и т. д. — от явки для получения трудовых книжек в обмен на паспорта.⁸⁷

Положение о всеобщей трудовой повинности послужило основанием для принятия множества законодательных актов, которые объявляли преступлением самовольное оставление работы, трудовое дезертирство и подстрекательство к нему, уклонение рабочих и служащих от учета, направления на работу по специальности и т. д.

Лица, совершавшие данные деяния, признавались субъектами этих преступлений при условии их полной вменяемости и наличия соответствующего возраста, с которого устанавливалась трудовая повинность.

⁸⁶Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. М., 1953. С 10.

⁸⁷СУ РСФСР 1918. № 73. Ст 792.

В советском уголовном законодательстве на различных этапах его развития в вопросах ответственности лиц, совершивших преступления, наблюдаются колебания, связанные с изменением возраста преступника как в сторону понижения, так и увеличения. В период гражданской войны, когда голод, разруха, беспризорность обусловили тяжелое положение несовершеннолетних, был принят Декрет СНК РСФСР от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних», которым были отменены суды и тюремное заключение для малолетних, совершивших общественно опасные деяния. Дела о несовершеннолетних обоого пола в возрасте до 17 лет, совершивших преступления, подлежали рассмотрению в комиссии для несовершеннолетних, состоявшей в количестве не менее трех лиц.⁸⁸

Итак, субъектом преступления признавалось лицо, совершившее какое-либо общественно опасное деяние, за которое оно могло подлежать уголовной ответственности в судебном порядке.

Во второй половине 1918 г. стала активно проводиться работа по кодификации уголовного законодательства РСФСР. Поэтому в принятом 30 ноября 1918 г. Положении о народном суде РСФСР в примечании к ст. 22 говорилось, что ссылка на приговоры и решения, основанные на законах свергнутых правительств, воспрещается.⁸⁹

Издание Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. несколько систематизировало советские уголовные законы и оказало благотворное влияние на дальнейшее формирование советского уголовного законодательства. Исходная позиция Руководящих начал позволила иначе подойти к пониманию сущности преступного деяния, проследить тесную взаимосвязь его с субъектом преступления и более четко законодательно закрепить его признаки.

Согласно ст. 13 Руководящих начал субъектом преступления признавалось лицо, достигшее возраста 14 лет. Лица же в возрасте до 14 лет не подлежали суду и уголовному наказанию. К данной категории лиц применялись лишь меры воспитательного характера.⁹⁰

Субъектами преступлений не признавались и лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, т. е. при наличии

⁸⁸Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 21.

⁸⁹СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

⁹⁰СУ РСФСР. 1919. № 66. С. 590.

душевной болезни или в таком состоянии, когда они не отдавали отчета в своих действиях. К этим лицам применялись меры лечебного характера и меры предосторожности.⁹¹

Руководящие начала признавали преступлением всякое опасное деяние, посягающее на существующую систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс.

Позднее законодатель стал уделять больше внимания вопросам дифференцированного подхода к ответственности несовершеннолетних лиц в зависимости от совершенных преступлений. Так, согласно Декрету СНК РСФСР от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях» был повышен возраст преступников до 18 лет. Данный Декрет не исключал уголовно-правового воздействия в отношении лиц в возрасте 14-18 лет, если комиссией по делам о несовершеннолетних будет установлена невозможность применения к ним мер медико-биологического воздействия. Такие дела передавались комиссией в судебные органы.⁹²

Постановлением СНК РСФСР от 30 июля 1920 г. была утверждена Инструкция комиссиям по делам о несовершеннолетних, в соответствии с которой такие комиссии образовывались губернскими и уездными отделами народного образования. В компетенцию комиссий входило рассмотрение материалов, предварительно изученных народным судьей, являвшимся одним из членов комиссии, по факту совершения несовершеннолетними лицами старше 14 лет тяжких преступлений: убийства, изнасилования, причинения тяжких ран и увечий, разбоя, грабежа и других общественно опасных деяний.⁹³

Комиссиям по делам несовершеннолетних предоставлялось право в ограниченном объеме рассматривать преступления лиц, не достигших 18-летнего возраста, представляющие повышенную общественную опасность. Малолетние лица до 14 лет и правонарушители в возрасте до 18 лет, задержанные за деяния, не носящие общественно опасного характера, не направлялись в комиссии для разбора дела.

Когда закончилась гражданская война и государство приступило к восстановлению разрушенного народного хозяйства, укреплению правопорядка и борьбе с различными преступными проявле-

⁹¹Там же.

⁹²СУ РСФСР 1920. № 13 С. 83

⁹³СУ РСФСР. 1920. № 68 С. 308.

>>>44>>>

ниями, возникла острейшая необходимость по дальнейшей кодификации советского уголовного законодательства.

23 мая 1922 г. был принят первый советский Уголовный кодекс и введен в действие с 1 июня того же года. УК РСФСР 1922 г. не только определил общие принципы, но и более детально закрепил основные уголовно-правовые институты, в том числе ответственности и наказания, четче сформулировал признаки субъекта преступления, связанные с возрастом и вменяемостью.

По УК РСФСР преступлением признавалось всякое общественно опасное деяние (действие или бездействие), которое угрожало основам существующего строя и правопорядку.⁹⁴

Относительно субъекта преступления и, в частности, назначения наказания несовершеннолетним лицам, совершившим общественно опасные деяния, отметим, что ст. 18 УК РСФСР 1922 г. полностью исключила применение уголовного наказания к малолетним до 14 лет, а также к несовершеннолетним от 14 до 16 лет, если в отношении данной категории лиц можно было ограничиться мерами медико-педагогического характера.⁹⁵ УК РСФСР 1922 г. признавал субъектом преступления несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста, однако до достижения 18 лет им смягчалось налагаемое судом наказание на 1/3 против наивысшего предела, установленного соответствующими статьями УК.

По вопросу невменяемости в ст. 17 УК РСФСР 1922 г. указывалось, что не подлежат наказанию лица, совершившие общественно опасные деяния как в состоянии хронической душевной болезни, так и временного расстройства душевной деятельности, когда эти лица не могли давать себе отчета в своих действиях.⁹⁶ К этим лицам предусматривалось применение мер медицинского характера.

Таким образом, субъектом преступления по УК РСФСР 1922 г. признавалось обязательно вменяемое лицо, которое могло отдавать отчет своим действиям и руководить ими, хотя данное понятие в уголовном законе не было дано и выводилось из противоположного ему понятия невменяемости.

⁹⁴СУ РСФСР. 1922 № 15 С 153

⁹⁵Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 152

⁹⁶СУ РСФСР 1922 № 15 Ст 153

С образованием СССР в 1922 г. советское уголовное право в своем развитии значительно продвинулось вперед. Важным моментом было принятие Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., что имело большое значение для укрепления правопорядка в стране. Основные начала не содержали четкого определения понятия преступления, однако подразделяли преступления на направленные против советского строя, представляющие наибольшую опасность, и все остальные, которые считались относительно первой группы менее опасными преступлениями. Следует отметить, что Основные начала 1924 г. полностью отказались от термина «наказание», заменив его термином «меры социальной защиты», который принципиальных изменений в суть уголовного наказания не внес.

Основные начала не определяли, с какого возраста могла наступать уголовная ответственность за совершенное преступление, однако они включили указание законодательным органам союзных республик предусматривать в специально изданных постановлениях возраст лиц, совершивших преступления, с которого должна наступать уголовная ответственность. Основные начала в ст. 8 предусматривали, как и УК 1922 г., меры медико-педагогического характера по отношению к малолетним. К несовершеннолетним эти меры применялись соответствующими органами, если ими будет признано невозможным применение к этим лицам мер социальной защиты судебно-исправительного характера. Во всех остальных случаях вопрос о применении мер медико-педагогического характера решался через судебные органы.⁹⁷

Основные начала практически воспроизводили критерии невменяемости УК 1922 г., служившие основанием для освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и наказания. Согласно ст. 7 Основных начал меры медицинского характера должны применяться в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии хронической душевной болезни или же временного «расстройства душевной деятельности», а также в случаях, когда лица, находясь в таком болезненном состоянии, не могли давать себе отчета в своих действиях или руководить ими.⁹⁸ Следова-

⁹⁷Собрание законодательства (далее: СЗ). СССР 1924 № 24 Ст. 205.

⁹⁸Там же

тельно, невменяемое лицо, совершившее преступное деяние, не признавалось субъектом преступления.

Дальнейший этап в развитии уголовного законодательства обозначен принятием УК РСФСР 1926 г., который был введен в действие с 1 января 1927 г. Отметим его преемственную связь с УК РСФСР 1922 г., которая выражалась в том, что новый УК представлял собой значительно переработанный предшествующий.

УК РСФСР 1926 г. определил преступление как общественно опасное деяние, угрожающее основам советского строя или социалистического правопорядка.⁹⁹ Что же касается субъекта преступления, то в ст. 12 УК 1926 г. был установлен минимальный возраст наступления уголовной ответственности — 14 лет. Меры же социальной защиты судебно-исправительного характера не применялись к малолетним до 14-летнего возраста. К данной категории правонарушителей могли быть применены лишь меры медико-педагогического характера. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет подлежали уголовной ответственности только в случаях, когда комиссии по делам о несовершеннолетних считали невозможным применить к ним меры, которые применялись к малолетним.¹⁰⁰ Таким образом, УК РСФСР 1926 г. в первоначальной редакции признавал субъектом преступления только лицо, совершившее общественно опасное деяние, достигшее 14 лет, в отличие от УК РСФСР 1922 г., по которому несовершеннолетние подлежали уголовной ответственности с 16 лет.

Вопрос о невменяемости субъекта преступления в УК РСФСР 1926 г. раскрывался в ст. 11, которая по существу уточняла это понятие по сравнению с законодательной формулировкой невменяемости, содержащейся в ст. 17 УК РСФСР 1922 г. Статья 11 УК РСФСР 1926 г. устанавливала, что наказание не может применяться к лицам, совершившим преступление в состоянии хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности или в ином болезненном состоянии, если данные лица не могли отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.¹⁰¹ По УК РСФСР 1926 г. лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, как и по предшествующим уголовным

⁹⁹СУ РСФСР. 1926 № 80 Ст 600.

¹⁰⁰СУ РСФСР. 1926 № 80 Ст 600.

¹⁰¹Уголовный кодекс РСФСР 1926 г М , 1950 С 6-7.

>>>47>>>

законам, не являлось субъектом преступления. К такому лицу могли быть применены лишь меры социальной защиты медицинского характера, выражающиеся в принудительном лечении или помещении в лечебное заведение изолированного типа.

По УК РСФСР 1926 г. субъектом преступления признавалось физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. «Об изменении ст. 12 и 50 Уголовного кодекса, ст. 47 и 174 Исправительно-трудоувого кодекса РСФСР» возраст, с которого наступала уголовная ответственность, был повышен с 14 до 16 лет. Статья 12 УК РСФСР 1926 г. в новой редакции устанавливала виды наказаний, которым не подлежали лица, не достигшие 16-летнего возраста. Комиссии по делам о несовершеннолетних могли применять к ним меры медико-педагогического характера.¹⁰² Этот возрастной признак субъекта преступления, как и другие правила в отношении несовершеннолетних, установленные в 1929 г., не изменялся до 1935 г. Однако в 1935 г. была отменена ст. 8 Основных начал 1924 г., предоставлявшая союзным республикам право определять возраст наступления уголовной ответственности.

В условиях усиления в стране культа личности И. В. Сталина и установления тоталитарного государственного и общественного контроля за деятельностью и поведением людей в уголовном законодательстве и судебной практике наметились устойчивые тенденции на более активное применение репрессий. Это коснулось и несовершеннолетних.

Так, на основе Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»,¹⁰³ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» и Постановления ЦИК и СНК СССР от 29 июля 1935 г. «О дополнении уголовных и гражданских кодексов союзных республик» была изменена ст. 12 УК РСФСР 1926 г. В соответствии с новой редакцией ст. 12 устанавливала уголовную ответственность в отношении правонарушителей, достигших 12-летнего возраста, если они были уличены в совершении краж, причинении насилия, телесных повреждений,

¹⁰²СУ РСФСР 1929 № 82. Ст. 796.

¹⁰³СЗ СССР 1935 № 19. Ст. 155.

различных увечий, убийстве или попытках к совершению убийства. Эти лица признавались субъектами преступлений и привлекались к суду с применением всех видов уголовного наказания. Одновременно была предусмотрена строгая уголовная ответственность в отношении лиц, которые подстрекали или склоняли несовершеннолетних к совершению различных преступлений или участию в них. Данные лица подвергались уголовному наказанию в виде тюремного заключения сроком до 5 лет.

Представляется, что принятие этих постановлений вряд ли было оправдано целью ликвидации преступности среди несовершеннолетних и, скорее, является результатом тоталитарного режима.

В дальнейший период советское уголовное законодательство приобретало все более репрессивный характер. Активизируется борьба с преступлениями, посягающими на устои государства, ужесточается уголовное наказание за измену Родине, которое Конституцией СССР 1936 г. рассматривается как самое тяжкое преступное деяние. Характерной особенностью предвоенных уголовных законов и законов периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. являлась их жестокость, установление карающих мер, невзирая на возраст лица, совершившего преступление.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» была установлена уголовная ответственность лиц в возрасте 12 лет за преступные действия, которые могли вызвать крушение поездов (развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т.п.), с применением всех мер уголовного наказания.¹⁰⁴ В подавляющем же большинстве случаев несовершеннолетние признавались субъектом преступления с 16-летнего возраста.

Однако перед самым началом Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» уголовная ответственность в отношении несовершеннолетних была установлена с 14-летнего возраста, за исключением преступлений, предусмотренных Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля

¹⁰⁴Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 52.

>>>49>>>

1935 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г.¹⁰⁵

С началом Великой Отечественной войны репрессивный характер уголовного законодательства в значительной степени усиливается. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. по законам военного времени за неподчинение распоряжениям и приказам властей, а также за преступления, совершенные в местностях, которые объявлены на военном положении, виновные нарушители подлежали уголовной ответственности.¹⁰⁶ Данный Указ распространялся и на местности, где в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств отсутствовали органы государственной власти или органы государственного управления страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела в кратчайшие сроки по истечении 24 часов с момента, когда лицу было вручено обвинительное заключение о совершенном им преступлении. При этом приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены только в порядке надзора.¹⁰⁷

Таким образом, законодатель значительно расширил круг субъектов преступления.

Однако в связи с произвольным толкованием в судебной практике Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» и несоответствием его действовавшему уголовному законодательству 7 июля 1941 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, которым дается разъяснение Верховному Суду СССР и нижестоящим судам, что несовершеннолетние подлежат ответственности не только за умышленные преступления, но и за совершение их по неосторожности.¹⁰⁸ Итак, указанные лица являлись теперь субъектами

¹⁰⁵Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 421.

¹⁰⁶Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 414-415.

¹⁰⁷Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

¹⁰⁸Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32.

преступлений не только за умышленные общественно опасные деяния, но и за их совершение по неосторожности, что предусматривалось законом в условиях военного времени в отношении взрослых преступников.

Во время войны усиливались репрессии к гражданам, нарушающим трудовую дисциплину. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» устанавливалась уголовная ответственность за уход с работы по своему усмотрению рабочих и служащих мужского и женского пола. Самовольный уход рассматривался как тяжкое преступление и приравнивался к дезертирству, а лица, виновные в этом, приговаривались военным трибуналом к тюремному заключению на срок от 5 до 8 лет.¹⁰⁹

В дальнейшем в целях обеспечения рабочей силой важнейших предприятий истроек военной промышленности и других отраслей народного хозяйства 13 февраля 1942 г. издается Указ Президиума Верховного Совета СССР почти аналогичного предыдущему Указу содержания «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», в соответствии с которым лица, уклоняющиеся от мобилизации для работы на указанных объектах, признавались совершившими преступные деяния, в связи с чем привлекались к уголовной ответственности и по приговору суда подвергались принудительным работам по месту постоянного жительства на срок до одного года.¹¹⁰ Кроме того, в период войны еще действовало Положение о воинских преступлениях 1927 г., в котором предусматривалась уголовная ответственность в отношении граждан, приравнивавшихся к военнослужащим, а именно: к работникам железнодорожного транспорта, военизированной охране предприятий, работникам военизированной пожарной охраны. Следовательно, субъектами преступлений в период войны являлись не только те граждане, которые совершали преступления, предусмотренные уголовным законодательством, но и те, которые нарушали трудовую дисциплину.

¹⁰⁹Ведомости Верховного Совета СССР 1942 № 2

¹¹⁰Ведомости Верховного Совета СССР 1942. № 6.

>>>51>>>

После окончания Великой Отечественной войны произошли существенные изменения в уголовной политике советского государства. Отменяются уголовные законы, действовавшие в период военного времени. В 1953 г. наметилась тенденция на смягчение уголовной ответственности за отдельные преступления, а в дальнейшем за некоторые преступные деяния уголовная ответственность была отменена (в 1954 г. — за производство аборта, в 1955 г. — за самовольный проезд в товарных поездах, а 25 апреля 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР — уголовная ответственность за самовольный уход с предприятий и учреждений, за прогулы без уважительных причин и др.¹¹¹).

Важным этапом в развитии советского уголовного законодательства и его институтов является принятие Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В Основах в более развернутом виде законодательно закреплено определение понятия преступления. В ст. 7 Основ отражены основные признаки преступления, характерные для советского уголовного законодательства. Это — общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость.

В соответствии со ст. 10 Основ 1958 г. субъектом преступления считались физические лица, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Согласно ч. 2 ст. 10 Основ субъектом преступления признавалось несовершеннолетнее лицо в возрасте 14 лет за совершение убийства, кражи, злостного хулиганства, умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, либо личного имущества граждан, повлекшее тяжелые последствия, а также за умышленные преступные действия, которые могли привести к крушению поезда.¹¹² В Основах 1958 г. не признавались субъектом преступления, как и в предшествующем уголовном законодательстве, юридические лица. Новый уголовный закон, установив общий возраст уголовной ответственности с 16 лет, в свою очередь, опять повысил минимальный возраст с 12 до 14 лет. По достижении этого возраста могла наступать уголовная ответственность за совершение указанных в Основах преступлений.

¹¹¹Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 10.

¹¹²Сборник законов СССР 1938-1967 гг. М., 1968. Т 2 С 430

Основы 1958 г. более четко на общесоюзном законодательном уровне закрепили термин «невменяемость» как основание, устраняющее признание лица субъектом преступления. В ст. 11 было указано, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения преступления находилось в состоянии невменяемости, когда оно не могло отдавать отчета себе в своих действиях или руководить ими. Такое состояние может иметь место вследствие хронической душевной болезни, временного «расстройства душевной деятельности», а также слабоумия или иного болезненного состояния.¹¹³ При этом понятие невменяемости рассматривалось как совокупность медицинского и юридического критериев, характеризующих психическое состояние лица во время совершения общественно опасного деяния. Медицинский критерий представлен различными видами психических заболеваний, подразделяемых на четыре группы, которые составляют по степени тяжести и длительности лечения наиболее распространенные психические болезни. Юридический критерий невменяемости, в свою очередь, состоит из двух самостоятельных признаков — интеллектуального и волевого. Первый характеризуется неспособностью отдавать отчет в своих действиях, второй - - неспособностью данным лицом руководить своими действиями.

Следовательно, Основы 1958 г., как и предшествующее советское уголовное законодательство, признавали субъектом преступления только вменяемое лицо, которое по своему психическому состоянию способно отдавать отчет своим действиям и руководить ими, т. е. является вполне психически здоровым и нормально мыслящим человеком, способным нести уголовную ответственность за совершенное преступное деяние. К лицу, признанному невменяемым, суд мог применить принудительные меры медицинского характера, которые устанавливались законодательствами союзных республик.

Принятие Основ 1958 г. послужило толчком для активной работы законодателя по подготовке и принятию в каждой союзной республике своего уголовного кодекса, большинство из которых введено в действие в 1961 г. На 3-й сессии Верховного Совета РСФСР 5-го созыва 27 октября 1960 г. был принят УК РСФСР, который

¹¹³Сборник законов СССР 1938-1967 гг. Т 2 С 431

>>>53>>>

вступил в силу с 1 января 1961 г. Однако уже с середины 1961 г. в стране наметилась тенденция на усиление уголовной ответственности за ряд наиболее распространенных преступлений.

Общий возраст уголовной ответственности, с которого лицо признавалось субъектом преступления в ч. 1 ст. 10 УК РСФСР 1960 г. и уголовных кодексах других союзных республик, был установлен с 16 лет. Однако в ч. 2 ст. 10 УК РСФСР законодатель несколько расширил перечень преступлений, уголовная ответственность за совершение которых наступала с 14-летнего возраста, по сравнению с перечнем преступлений, который был представлен в ч. 2 ст. 10 Основ 1958 г. К таким преступлениям уголовный закон относил: убийство (ст. 102-106); умышленное нанесение телесных повреждений, связанных с причинением вреда здоровью (ст. 108-111, ч. 1 ст. 112); изнасилование (ст. 117); грабеж (ст. 90, 145); разбой (ст. 91, 146); кражу (ст. 89, 144); злостное хулиганство (ч. 2 ст. 206); умышленное уничтожение или повреждение государственного, общественного или личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 98 и ч. 2 ст. 149), и умышленное совершение действий, могущих вызвать крушение поезда (ст. 86).¹¹⁴ В дальнейшем этот перечень законодателем постоянно расширялся и уточнялся. Формула невменяемости в УК 1960 г. (ст. 11) практически воспроизводила редакцию формулы невменяемости Основ 1958 г. Уголовная ответственность лица, совершившего общественно опасное деяние в невменяемом состоянии, исключалась, так как оно не являлось субъектом преступления. Критерии невменяемости, медицинский и юридический, мало чем отличались от критериев невменяемости ст. 11 Основ. Аналогично решался данный вопрос и в уголовных кодексах других союзных республик.

Однако следует заметить, что в УК РСФСР 1960 г., как и в других уголовных кодексах, и всем уголовном законодательстве рассматриваемого периода, отсутствует сама формула вменяемости как важный признак субъекта преступления, являющийся одним из оснований для привлечения лица к уголовной ответственности. Не нашли своего законодательного разрешения и критерии вменяемости, которые наряду с критериями невменяемости требовали не менее тщательного изучения и исследования.

¹¹⁴Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. М., 1962. С 9.

С 1961 по 1970 г. советское уголовное законодательство претерпевает существенные изменения. В УК РСФСР появляются специальные нормы, устанавливающие возраст уголовной ответственности с 18 лет. Так, 4 мая 196] г. принимается Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»,¹¹⁵ которым предусматривалась административная ответственность в отношении совершеннолетних трудоспособных граждан за данное нарушение. Уголовная же ответственность за уклонение от общественно полезного труда была установлена спустя девять лет Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 февраля 1970 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР», в соответствии с которым была сформулирована новая уголовно-правовая норма (ст. 209 УК РСФСР).¹¹⁶ Субъектом преступления могло быть лишь трудоспособное лицо, достигшее 18-летнего возраста. Подобные указы были приняты и в других союзных республиках.

Специальным субъектом преступления в соответствии со ст. 210 УК РСФСР также могло быть только лицо, достигшее возраста 18 лет, в отношении которого была предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, пьянство и другие антиобщественные действия, нарушающие нормальное развитие указанных лиц и способствующие их моральной деградации. Данная статья претерпела изменения на основании указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г.¹¹⁷ и от 15 июля 1974 г.¹¹⁸

В целях активизации борьбы с наиболее распространенными преступлениями, представляющими повышенную общественную опасность, которые совершались лицами, не достигшими возраста 18 лет, законодатель, начиная с 1966 г. по 1994 г. включительно, усиливает уголовную ответственность несовершеннолетних. Были приняты новые уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за совершенные преступления с 14 лет. В этой связи в

¹¹⁵Ведомости Верховного Совета РСФСР 1961 № 18 Ст. 273

¹¹⁶Ведомости Верховного Совета РСФСР 1970 № 14 Ст. 255, 256

¹¹⁷Ведомости Верховного Совета РСФСР 1965 № 27 Ст. 670

¹¹⁸Ведомости Верховного Совета РСФСР 1974 № 29. Ст. 782.

>>>55>>>

ч. 2 ст. 10 УК РСФСР 1960 г. были внесены соответствующие изменения и дополнения.

26 июля 1966 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство».¹¹⁹ В развитие этого акта Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 августа 1966 г. вносятся изменения в ст. 206 УК РСФСР.¹²⁰ Субъектом хулиганства стали признаваться физические вменяемые лица, достигшие 16-летнего возраста, а за злостное (ч. 2 ст. 206) и особо злостное (ч. 3 ст. 206) хулиганство - лица в возрасте с 14 лет.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июня 1967 г. устанавливается уголовная ответственность за хищение огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов, а также взрывчатых веществ¹²¹ (ст. 218-1), в связи с чем вносится дополнение в ч. 2 ст. 10 УК РСФСР, предусматривающую ответственность с 14 лет.

Учитывая повышенную опасность преступлений, связанных с распространением наркотиков, особенно среди несовершеннолетних, Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. установил уголовную ответственность для лиц в возрасте 14 лет за хищение наркотических веществ, а в УК РСФСР вводится специальная статья 224-1, предусматривающая достаточно суровые санкции за данное преступление.¹²²

В начале 90-х годов участились случаи похищения людей, в связи с чем Законом РФ от 29 апреля 1993 г. в УК РСФСР введена ст. 1251, в которой была установлена ответственность за похищение человека.¹²³ Законодателем внесены и соответствующие изменения в ч. 2 ст. 10 УК РСФСР, которая признает субъектом данного преступления лицо в возрасте с 14 лет.

Значительные изменения, охватывающие большой перечень статей Особенной части и ч. 2 ст. 10 УК РСФСР, были внесены Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 г. Этим законом устанавли-

¹¹⁹Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 30. Ст. 595.

¹²⁰Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 32. Ст. 769.

¹²¹Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 533.

¹²²Ведомости Верховного Совета РСФСР 1974. № 29. Ст. 782.

¹²³Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 22. Ст. 789.

>>>56>>>

валяется уголовная ответственность лиц в возрасте от 14 лет за следующие преступления: мошенничество (ст. 147); хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 147-2); вымогательство (ст. 148); умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 149); неправомерное завладение транспортным средством, лошадью или иным ценным имуществом без цели хищения (ст. 1481); терроризм (ст. 213-3); заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст.213-4).¹²⁴

24 мая 1996 г. Государственная Дума приняла новый УК РФ, вступивший в силу с 1 января 1997 г. Перечень преступлений, за которые наступает уголовная ответственность с 14 лет, был уточнен и даже несколько расширен следующими преступлениями: насильственные действия сексуального характера (ст. 132); захват заложника (ст. 206); вандализм (ст. 214); приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267). Вместе с тем законодателем был указан возрастной признак субъекта преступления и в других составах, когда ответственность наступает с 18 лет: половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста (ст. 134); вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150); вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151); торговля несовершеннолетними (ст. 152), по ряду преступлений против государственной власти, когда речь идет о должностном лице, и иных общественно опасных деяний.

Анализ отечественного уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что законодатель на протяжении 80 лет постоянно обращался к уголовно-правовым нормам, определяющим признаки субъекта преступления. При этом перечень преступных деяний постоянно менялся, а возрастные характеристики и вопросы, связанные с уголовной ответственностью и наказанием субъекта преступления, детализировались и уточнялись на различных этапах развития государства, исходя из задач, стоящих перед ним в области борьбы с преступностью.

¹²⁴СЗРФ. 1994. №10. Ст 1109

§ 4. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве

Учение о субъекте преступления привлекает внимание ученых-юристов, психологов, психиатров, педагогов и представителей других наук многих зарубежных стран. Необходимость полного и всестороннего исследования данного вопроса диктуется тем, что как в теории, так и в судебной практике имеются спорные вопросы, связанные с понятием субъекта преступления. В свою очередь, изучение субъекта преступления в зарубежном уголовном законодательстве (в частности, институтов ответственности, наказания, соучастия в преступлениях со специальным субъектом, вменяемости и др.) дает возможность глубже понять совокупность всех элементов (признаков) целостного учения о составе преступления.

Объяснение понятия и сущности субъекта преступления, а также изучение уголовного законодательства зарубежных государств любой ориентации в историческом аспекте имеют важное методологическое значение для науки уголовного права и совершенствования судебно-следственной практики. В зарубежном уголовном праве вопросы субъекта преступления изучены мало и толкуются в различных странах по-разному, а порой и противоречиво, что в значительной степени затрудняет эффективное применение уголовного законодательства в борьбе с преступностью. Литература по данному вопросу ограничена, малодоступна и носит разрозненный характер. Все это, несомненно, требует дальнейших исследований субъекта преступления.

Уголовное законодательство большинства зарубежных государств исходит из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек. Однако в ряде стран на протяжении веков этот вопрос решался и решается неоднозначно, так как субъектом преступления наряду с физическими лицами признавались юридические лица, а также предметы, животные, насекомые. В древних Афинах, например, суд разбирал дела о смертных случаях, причиняемых предметами, после чего особые жрецы выбрасывали эти предметы за пределы полиса. В Англии почти до середины XIX в. существовало положение, которым предусматри-

валось, что предмет, причинивший смерть, конфисковывался в пользу короля.¹²⁵

В средние века феодальное уголовное право субъектом преступления часто признавало животных. В светских судах XIV и XV столетий, писал Н. С. Таганцев, нередко встречались случаи, когда преследовали животных, причинивших смерть человеку, в особенности быков — за ярость и свиней, загрызших детей. Этим животных казнили, как правило, через повешение. В истории канонического уголовного права велись процессы против насекомых и животных, которые истребляли посеvy, плодовые деревья, виноградники и т. п. Последние подобные процессы состоялись во Франции. В 1710 г. судили крыс и мышей за нанесение значительного ущерба хлебным полям, а в 1740 г. — корову.¹²⁶ Уголовная ответственность животных, насекомых и вещей являлась не столько ответственностью за виновное деяние, сколько наказанием за опасные вредные действия, независимо от того или чего они исходили. Испуганное население в связи с причиненным вредом или угрозой его наступления либо обращалось к духовенству, либо устраивало самосуды против «правонарушителей».

Таким образом, признание субъектами преступлений предметов, животных, насекомых в рабовладельческом и феодальном уголовном праве объясняется господством мистических взглядов на преступление как на деяние, оскорбляющее бога и охраняемый им мир на основании принципа: ответственность наступает в любом случае и для всякого, причинившего вред.

Уголовная ответственность юридических лиц издавна была известна зарубежному уголовному праву, в том числе не только стран с англосаксонской правовой системой (Англии, США и др.), но и государств континентальной Европы. Она существует в зарубежном уголовном праве и в настоящее время.

Хотя проблема признания субъектом преступления юридических лиц в уголовном законодательстве многих государств остается открытой, подавляющее большинство зарубежных юристов склоня-

¹²⁵Курс советского уголовного права /Под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Т. 1. С. 395.

¹²⁶Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 142; Пионтковский А. А. Учение о преступлении... С. 252

нзтся к тому, что уголовную ответственность за преступные деяния может нести только вменяемое физическое лицо — человек.¹²⁷

Таким образом, субъектом преступления в большинстве зарубежных государств признается физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления установленного законом возраста. Это — одно из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности. Возраст, с которого наступает такая ответственность, в различных странах определяется по-разному. В основе установления возраста для субъекта преступления, как правило, лежит уровень сознания несовершеннолетнего, т. е. способность данного лица практически осознавать происходящее в объективном мире и в соответствии с этим осмысленно и целенаправленно совершать те или иные действия, а также поступки.

В уголовном законодательстве США, например, общий возраст, с которого лицо может отвечать за совершенные преступления по федеральному уголовному законодательству и по большинству УК штатов, предусмотрен 16 лет.¹²⁸ Так, в ст. 4.10 Примерного УК США говорится, что лицо не может быть судимо, а также осуждено за совершенные посягательства во вменяемом состоянии, если оно не достигло возраста 16 лет. Однако в уголовном законодательстве некоторых штатов, и в частности в § 30.00. УК Нью-Йорка, минимальный возраст уголовной ответственности за тяжкое убийство установлен с 13 лет, хотя общая ответственность предусмотрена с 16 лет.¹²⁹

Субъектом преступления по действующему УК Франции признается лицо, достигшее 13-летнего возраста. Но уголовное наказание, применяемое к несовершеннолетним преступникам, является менее суровым, по сравнению со взрослым лицом, совершившим преступление.

По уголовному законодательству ФРГ субъектом преступления признается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет. Данное положение регулируется Законом о судах по делам о несовершеннолетних, на что указывают §10 и 19 УК ФРГ (в редакции от 2 января 1975 г.). В систему же общих судов включены как само-

¹²⁷Уголовная ответственность юридических лиц будет рассмотрена подробно в последней главе данной работы

¹²⁸Примерный уголовный кодекс (США)/Под ред Б. С. Никифорова. М., 1969. С 90.

¹²⁹Уголовное право буржуазных стран. М., 1990. С. 96.

стоятельные подразделения суды по делам несовершеннолетних, которые рассматривают дела о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет.

В Японии уголовная ответственность наступает так же, как и в ФРГ, с 14 лет. В ст. 41 УК Японии говорится, что действия, совершенные лицом, не достигшим возраста 14 лет, не являются уголовно наказуемыми.¹³⁰

По уголовному законодательству Англии субъектом преступления по общему (прецедентному) праву уголовная ответственность может наступать с 10-летнего возраста, а в ранний исторический период она имела место с 8 лет.¹³¹ Ввиду отсутствия до настоящего времени в Англии уголовного кодекса и полной систематизации уголовного законодательства, возраст, с которого лицо может считаться субъектом преступления, определяют многочисленные уголовные законы. Так, к полной уголовной ответственности в Англии могут быть привлечены лица, достигшие возраста 17 лет.¹³²

Ирландия — одно из немногих западноевропейских государств, где уголовная ответственность может наступать с 7-летнего возраста. При этом уголовное законодательство Ирландии по-прежнему остается некодифицированным, и в стране действуют как старыеанглийские уголовные законы, так и новые ирландские.¹³³

Уголовная ответственность в возрасте 7 лет допускается также в Египте, Ливане, Ираке и ряде других государств.¹³⁴ Однако к полной уголовной ответственности в большинстве зарубежных стран могут быть привлечены лица, достигшие, как правило, возраста 16-17 лет (США, Англия, Дания, Бельгия, Греция, Египет и др.).¹³⁵

Согласно уголовному законодательству Финляндии субъектом преступления признается лицо, достигшее возраста 15 лет. В УК Финляндии 1894 г. с последующими многочисленными изменения-

¹³⁰Уголовное право буржуазных стран. С. 330.

¹³¹Гришаев П. И. Уголовно-правовые теории и уголовное законодательство буржуазных государств. М., 1959. С. 110.

¹³²Курс советского уголовного права /Под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Т. 1.С. 398.

¹³³Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: Справочник. М., 1993. С. 82.

¹³⁴Пионтковский А. А. Учение о преступлении.. С 298.

¹³⁵Курс советского уголовного права /Под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Т. 1.С. 398.

>>>61>>>

ми в §1 Общей части говорится, что деяния, которые совершаются детьми до достижения 15-летнего возраста, не влекут уголовного наказания.¹³⁶

В ряде стран современное уголовное право возникло и развивалось как право социалистического типа, и поэтому принципиально отличается от уголовного права Англии, США, Франции, ФРГ, Японии и т. д. Так, уголовное законодательство, например, Венгрии, Румынии, КНДР, Болгарии и других стран субъектом преступления признает физическое лицо, как правило, в возрасте 14 лет. В УК Болгарии содержится указание, что уголовная ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет наступает в том случае, если они во время совершения преступления понимали совершаемое деяние. В бывшей Чехословакии уголовная ответственность была предусмотрена с 15 лет; в Монголии — с 16 лет; в Польше — с 17 лет, а ответственность лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 17 лет, предусмотрена специальным законом; на Кубе — с 16 лет, а за отдельные специально предусмотренные в законе преступления — с 14 лет.¹³⁷

Установление одинакового возраста (14-16 лет), с наступлением которого лицо, совершившее преступление, признавалось субъектом преступления, в уголовных кодексах стран СНГ объясняется их принятием в 1960-1961 гг. в период активной систематизации и кодификации уголовного законодательства в СССР. Так, в УК Украины 1961 г. ст. 10 предусматривала наступление общей уголовной ответственности в возрасте 16 лет, а за преступления, представляющие повышенную общественную опасность, — с 14 лет.¹³⁸ Статья 10 УК 1961 г. Молдавии также признавала субъектом преступления несовершеннолетних в возрасте 14-16 лет.¹³⁹ Следует отметить, что малолетние, не достигшие 14-летнего возраста, по уго-

¹³⁶Современное зарубежное уголовное право /Под ред. А. А. Пионтковского. Т. 2. М., 1958. С. 80.

¹³⁷Гельфер М. А. Уголовное право зарубежных социалистических государств. М., 1973. С. 79-80; Он же. Вопросы преступления и наказания по законодательству СССР и других социалистических стран. М., 1985. С. 42.

¹³⁸Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 15 янв. 1995 г.). Харьков, 1995. С. 11. В новом Уголовном кодексе Украины (ст. 22), вступившем в силу 1 сентября 2001 г., данное положение не изменено. (См.: Уголовный кодекс Украины. Харьков, 2001. С. 12).

¹³⁹Уголовный кодекс Республики Молдова (официальный текст с изм. и доп. на 1 марта 1994 г.). Кишинев, 1994. С. 212.

ловным кодексам бывших союзных республик уголовной ответственности не подлежали, к ним могли применяться лишь меры общественного или воспитательного характера.

В настоящее время в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья ведется активная работа по совершенствованию уголовного законодательства. Уточняются и детализируются многие институты уголовного права применительно к новым условиям, и в частности вопросы, связанные с привлечением лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Ярким примером в этой связи может служить УК Республики Узбекистан, принятый 22 сентября 1994 г. и вступивший в силу с 1 апреля 1995 г. В отличие от предшествующей редакции, в ст. 17 данного УК наступление ответственности предусмотрено за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 97), если лицу, совершившему указанное преступление, исполнилось 13 лет. Общей уголовной ответственности подлежат физические лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет, а за более тяжкие преступления субъектом преступления признается лицо в возрасте 14 лет.¹⁴⁰

Наряду с рассмотренными признаками субъект преступления должен обладать еще одним — состоянием вменяемости, т. е. отдавать отчет своим действиям и руководить ими. Невменяемые лица не могут признаваться субъектами преступления, а потому они не подлежат уголовной ответственности. К ним применяются лишь меры медицинского характера, так как не являются наказанием за совершение преступления. Сама же формула невменяемости традиционно рассматривается в уголовном праве как совокупность медицинского и юридического критериев, характеризующих психическое состояние лица во время совершения им преступления, с которым закон связывает исключение уголовной ответственности.

В зарубежном уголовном законодательстве эти вопросы на определенных этапах развития человеческого общества решались по-разному. В более раннее время в соответствии с религиозными взглядами общества опасные действия психических больных вос-

¹⁴⁰Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, 1995. С. 170.

принимались как «бесоудержимость».¹⁴¹ Поэтому требование, прозвучавшее в начале XIX века, чтобы душевнобольные за совершенные деяния, содержащие признаки преступления, не подлежали уголовной ответственности, — прогрессивное положение, так как в Европе уголовная ответственность лиц, страдающих психическими болезнями, была достаточно частым явлением, а освобождение данной категории лиц от наказания случалось довольно редко и рассматривалось как исключение.¹⁴²

Французский УК 1810г. одним из первых в истории уголовного законодательства исключил уголовную ответственность в отношении лиц, которые совершили деяния, содержащие признаки преступления, в состоянии душевной болезни. В ст. 64 данного кодекса говорится: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия».¹⁴³ Однако УК Франции 1810 г., а также бельгийский Уголовный кодекс 1867 г., голландское Уложение 1881 г., норвежское Уложение 1902 г. для определения понятия невменяемости пользовались в основном медицинским критерием. В XX столетии большинство уголовных кодексов зарубежных государств для определения состояния невменяемости использует не только медицинский, но и психологический критерий, которые в совокупности образуют биолого-психологический, или смешанный, критерий.

Так, общий критерий невменяемости предусмотрен в итальянском УК 1930 г., ст. 88 которого указывает: «... не является вменяемым тот, кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была исключена возможность понимать и желать».¹⁴⁴ В соответствии со ст. 85 УК Италии невменяемое лицо освобождается от уголовного наказания, так как не является субъектом преступления.¹⁴⁵ Вменяемость данный кодекс связывает также с возрастом, считая невменяемыми лиц, которым не исполнилось на время совершения преступления 14 лет.

¹⁴¹ЛунцД. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 26.

¹⁴²Пионтковский А. А. Учение о преступлении... С. 285.

¹⁴³Французский Уголовный кодекс 1810 г. М., 1947. С. 115.

¹⁴⁴Итальянский Уголовный кодекс 1930 г. М., 1941. С. 24.

¹⁴⁵Итальянский Уголовный кодекс 1930 г. С. 23.

Общий критерий невменяемости предусмотрен и в швейцарском УК 1937 г. с изменениями от 5 октября 1950 г. Согласно ст. 10 данного УК наличие невменяемости, если виновный ко времени совершения деяния находился в состоянии душевной болезни, слабоумия или тяжелого расстройства сознания, когда вследствие этого состояния лицо не может осознавать неправомерность своего деяния либо руководить своими действиями.¹⁴⁶

В уголовном законодательстве Англии, которое в настоящее время охватывает почти все основные институты Общей части, критерии невменяемости сформулированы неопределенно и, как правило, описаны в судебных прецедентах. Невменяемыми, например, могут признаваться только лица с дефектами в интеллектуальной области; расстройство же эмоций и воли допускается вообще не принимать во внимание. Правовые предпосылки невменяемости изложены в «правилах Мак-Натена» 1843 г.

С ответственностью и виной достаточно тесно связано понятие невменяемости в уголовном законодательстве США. Примерный УК США в п. 1 ст. 4.01. определяет невменяемость таким образом: лицо не может отвечать за преступление, во время которого оно вследствие психической болезни или неполноценности в существенной степени лишено способности отдавать себе отчет в преступности (уп-речности) своих действий или согласовывать свое поведение с требованиями закона.¹⁴⁷ Однако до сих пор во многих штатах при решении вопроса о вменяемости суды исходят из английского прецедентного законодательства, и в частности вышеупомянутых «правил Мак-Натена», пользуясь при этом и понятием уменьшенной вменяемости.

Невменяемость в УК ФРГ регулируется § 20, где говорится, что вина отсутствует, если лицо в момент совершения деяния вследствие болезненного психического расстройства, глубокого расстройства сознания или слабоумия, а также другого тяжелого психического отклонения не способно осознавать противоправность своих действий или отдавать себе отчет в содеянном.¹⁴⁸

¹⁴⁶Современное зарубежное уголовное право / Под ред. А. А. Пионтковского. Т. 2. С. 320.

¹⁴⁷Примерный уголовный кодекс (США) С. 80.

¹⁴⁸Уголовное право буржуазных стран С. 229

По уголовному законодательству Японии невменяемые лица, совершившие преступление, не подлежат уголовному наказанию и, следовательно, не являются субъектами преступления (в ч. 1 ст. 39 УК Японии).¹⁴⁹

Детальный анализ уголовного законодательства зарубежных государств показывает, что в некоторых странах, как в прошлом, так и в настоящее время, вопросы, связанные с совершением лицом преступления в невменяемом состоянии, достаточно четко законодателем не разработаны либо вообще не решены, в то время как их регламентация имеет принципиальное значение для привлечения к уголовной ответственности и определения наказания.

Так, в новом УК Франции 1992 г. законодатель попытался восполнить упущенный пробел. В ст. 122-1 говорится: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения деяния находилось в состоянии психического или нервно-психического расстройства, лишившего его способности осознавать или контролировать свои действия».¹⁵⁰

В шотландском уголовном законодательстве до сих пор нет понятия уменьшенной вменяемости.¹⁵¹

А вот, например, УК Швеции 1965 г. не содержит понятия невменяемости. К лицам, совершившим преступления под влиянием душевной болезни, умственной отсталости или другого ненормального психического состояния, применяются меры судебного реагирования. В число этих мер входит, как правило, отдача под ответственный надзор в порядке опеки над душевнобольными лицами, которые направляются для амбулаторного психиатрического лечения.¹⁵²

В уголовных кодексах бывших социалистических стран понятие невменяемости по своему содержанию мало чем отличается от понятия, которое дано в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., хотя и имеет свои специфические черты. В этих странах невменяемые лица, совершившие преступления, не подвергаются уголовной ответственности и наказанию. Так,

¹⁴⁹Там же С 303

¹⁵⁰Новый Уголовный кодекс Франции М., 1993 С. 10

¹⁵¹Решетников Ф М Правовые системы стран мира С 33.

¹⁵²Лейкина Н С Личность преступника и уголовная ответственность. С. 255 См также: Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001 С 240, 248

в ст. 7 УК МНР 1961 г. сказано: «Не признается виновным и не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния».¹⁵³ Таким образом, понятие невменяемости в УК МНР тождественно понятию, которое дается в ст. 11 вышеупомянутых Основ 1958 г. Нормы аналогичного содержания невменяемости или в несколько иной интерпретации имеют место в уголовных кодексах Болгарии, бывшей Чехословакии и других стран. В отношении же лиц, которые совершили преступления в состоянии вменяемости, но до вынесения судом приговора были признаны невменяемыми, применяются принудительные меры медицинского характера.

Следует отметить, что в уголовных кодексах Венгрии и Югославии предусмотрен институт уменьшенной вменяемости, который, как правило, является основанием для смягчения наказания. Следовательно, если лицо совершает общественно опасное деяние вследствие душевной болезни, слабоумия или временного расстройства сознания, согласно понятию об уменьшенной вменяемости оно признается субъектом преступления.

Понятие невменяемости в новых уголовных кодексах стран СНГ в основном аналогично понятию невменяемости, которое определено ст. 11 Основ 1958 г. Так, в ст. 18 УК Республики Узбекистан сказано: «Не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие хронической психической болезни, временного расстройства психики, слабоумия либо иного болезненного психического расстройства».¹⁵⁴

Формула невменяемости аналогичного содержания с небольшими редакционными отступлениями содержится и во вновь принятых уголовных кодексах Украины (ст. 19) и Молдовы (ст. 11). Другие страны СНГ, в которых ведется работа по совершенствова-

¹⁵³Уголовный кодекс Монгольской Народной Республики (официальный текст с изм и доп на 1 мая 1967 г.). Улан-Батор, 1969 С. 9.

¹⁵⁴Уголовный кодекс Республики Узбекистан. С. 172.

>>>67>>>

нию уголовного законодательства, также придерживаются традиционных взглядов на понятие невменяемости.

Таким образом, понятие невменяемости представляет собой совокупность биологического и юридического критериев, которые, несомненно, требуют дальнейшего изучения, уточнения и совершенствования с позиций медицины, теории уголовного права и судеб но-следственной практики. Учение о субъекте преступления нуждается в серьезных и углубленных исследованиях криминалистов всего мира, а также в более широком освещении в юридической литературе.

Глава II. ПОНЯТИЕ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

§ 1. Субъект преступления и понятие уголовной ответственности

Субъект преступления, обладающий совокупностью признаков, предусмотренных в законе (физическое лицо, вменяемость, возраст), и являющийся одним из элементов состава преступления, наиболее тесно связан с уголовной ответственностью. Однако, не умаляя значимости других элементов состава преступления (объекта преступления, объективной стороны и субъективной стороны преступления), надо признать, что все вопросы уголовной ответственности, прежде всего, связаны с конкретным вменяемым физическим лицом, достигшим возраста, установленного законом (ст. 19 УК РФ), совершившим общественно опасное деяние.

Само же преступление законодателем сформулировано как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

Если же говорить о составе преступления как совокупности элементов, указанных или подразумеваемых в уголовном законе, характеризующих общественно опасное деяние как конкретный вид преступления, то при выпадении любого элемента из него нельзя говорить о составе, а также об уголовной ответственности. Вместе с тем А. Н. Трайнин, как мы уже ранее отмечали, выступал против признания субъекта преступления в системе элементов состава преступления, мотивируя данную позицию тем, что человек не может

являться элементом совершенного им деяния.¹⁵⁵ Данная точка зрения вызывала принципиальные возражения у ее противников.

Категории «состав преступления», «субъект преступления», «уголовная ответственность» практически неразделимы и довольно часто отождествляются соответственно с понятиями «преступление», «лицо, его совершившее» и «ответственность».

Если говорить условно, то фактически общественно опасное деяние при определенных обстоятельствах может совершить любое лицо, но субъектом преступления может быть только обладающее признаками, установленными в законе, — вменяемостью и определенным возрастом (14-16 лет), с которого наступает уголовная ответственность. Понятие субъекта преступления, отмечала Н. С. Лейкина, означает прежде всего совокупность признаков, на основании которых физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, подлежит уголовной ответственности. Постоянными же и всеобщими признаками являются вменяемость и достижение лицом определенного возраста.¹⁵⁶

Таким образом, по существу действующее уголовное законодательство как бы впервые определило в ст. 19 УК РФ более полно и четко выраженные признаки субъекта преступления, при наличии которых лицо, совершившее преступление, подлежит уголовной ответственности, а при отсутствии хотя бы одного из них (вменяемости и возраста) физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, не является субъектом преступления, и об уголовной ответственности уже речь не может идти.

Основанием же наступления уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК РФ, может явиться только совершение конкретным лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом и содержащего все признаки (элементы) состава преступления.

Указание закона на то, что основанием уголовной ответственности является лишь преступное деяние, содержащее все признаки состава преступления, в свою очередь, исключает в соответствии со ст. 3 УК РФ уголовную ответственность по аналогии. Данное положение способствует укреплению законности и служит гарантией того,

¹⁵⁵См. Трайнина А. Н. Учение о составе преступления М., 1946 С. 97

¹⁵⁶См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 37.

>>>70>>>

что никто не может быть привлечен к уголовной ответственности, если совершенное деяние не предусмотрено уголовным законом.

Вместе с тем следует заметить, что уголовное законодательство нашего государства рассматривало и в настоящее время рассматривает уголовную ответственность, как правило, в ретроспективе, т. е. она устанавливается за совершенное физическим лицом конкретное преступление, о чем более подробно речь пойдет далее.

Особо важное значение приобретает существенное дополнение, нашедшее законодательное отражение в УК РФ 1996 г. Впервые в отечественном уголовном законодательстве в качестве одного из признаков субъекта преступления как одного из условий уголовной ответственности в ст. 19 УК РФ предусмотрено физическое лицо, т. е. человек. Ранее этот признак субъекта преступления не назывался, а подразумевался. И только УК РФ решил этот вопрос на законодательном уровне, отвергая уголовную ответственность юридических лиц.

Разумеется, в настоящее время очевидно, что субъектом преступления не могут быть неодушевленные предметы и животные, так как они не могут совершать преступные деяния.¹⁵⁷

Вместе с тем в зарубежном уголовном законодательстве (Англия, США, Италия, Канада, Нидерланды, Франция, ФРГ) допускается уголовная ответственность юридических лиц, которые признаются субъектом преступления.¹⁵⁸ И хотя, на первый взгляд, наше действующее уголовное законодательство закрепило положение в ст. 19 УК РФ, что субъектом преступления может быть только физическое лицо — человек, тем не менее, проблема уголовной ответственности юридических лиц с повестки дня не снимается, так как у нее имеются свои сторонники.¹⁵⁹

¹⁵⁷Более подробно об этом признаке см.: Павлов В. Г. Субъект преступления в уголовном праве. М.-СПб., 1999. С. 76-78.

¹⁵⁸См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 18-19; Павлов В. Г. Субъект преступления в уголовном праве. С. 78-81.

¹⁵⁹См.: Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? //Сов. юстиция. 1992. № 17-18. С. 3; Он же. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 179-183; Он же. Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. М., 1997. С. 119; Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ//Уголовное право: новые идеи. С. 51-60; Никифоров А. С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Там же. С. 44-61 и др.

>>>71>>>

Юридические лица несут имущественную ответственность в рамках гражданского законодательства (ст. 56, 61 ГК РФ). Конкретные же физические лица подлежат уголовной ответственности по соответствующей норме Особенной части УК РФ, если они являются исполнителями какого-либо преступления.

Таким образом, по действующему УК РФ субъектом преступления может быть только физическое лицо, которое должно быть ответственно за свои общественно опасные действия, совершенные им умышленно или по неосторожности. При этом данное обстоятельство позволяет в соответствии с основополагающими принципами уголовного права возлагать при установлении виновности лица персональную уголовную ответственность за свои осознанные и мотивированные преступные действия. Вместе с тем не исключается и правомерная постановка вопроса о проведении необходимых исследований по изучению проблемы уголовной ответственности юридических лиц в современных условиях борьбы с преступностью.

В число обязательных признаков субъекта преступления входит и установленный законом возраст, с которого лица, совершившие общественно опасные деяния, подлежат уголовной ответственности. Однако лица, не достигшие возраста 14-16 лет, но совершившие общественно опасные деяния, к уголовной ответственности не привлекаются.

Возраст, по существу, является необходимым признаком для признания лица, совершившего общественно опасное деяние, субъектом преступления и привлечения к уголовной ответственности. Уголовный закон традиционно устанавливает возрастные границы уголовной ответственности, предусмотренные ст. 20 УК РФ, за совершение преступления.

Характерно, что возраст как признак субъекта преступления может быть динамичен и изменяться законодателем (чаще всего пересматриваются нижние возрастные границы) в зависимости от внутренних и внешних условий, в которых находится государство на определенных этапах своего развития (например, военное время или усиление уголовной ответственности за некоторые наиболее опасные преступления), что имело место в нашем уголовном законодательстве.

При этом каким бы тяжким ни было преступление, но если лицо не достигло установленного уголовным законом возраста, оно не

>>>72>>>

будет являться субъектом преступления и вопрос о привлечении его к уголовной ответственности при установлении данных обстоятельств снимается.

Не случайно законодателем в ст. 19 УК РФ достаточно четко определены общие условия уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, одним из которых указан возраст.

Следовательно, возраст является неотъемлемым признаком вменяемого физического лица как субъекта преступления, о чем пойдет речь подробно в следующем параграфе работы.

Однако наряду с возрастом согласно закону (ст. 19 УК РФ) субъектом преступления может быть только вменяемое физическое лицо. Поэтому для наступления уголовной ответственности наряду с вышеуказанными признаками необходимо, чтобы лицо, совершившее общественно опасное деяние, осознавало характер и значение своих преступных действий и могло руководить ими в конкретной ситуации, т. е. было вменяемо.

Способность понимать и оценивать общественную опасность своих поступков и осознанно руководить ими присуща, как правило, вменяемому человеку. Как отмечала Н. С. Лейкина, моральные основания для привлечения лица к уголовной ответственности заключены не в том, что преступник не мог бы совершить преступлений, а в том, что преступное деяние является не чем иным, как выражением разума и совести человека.¹⁶⁰ У вменяемого лица, как правило, имеется свобода выбора своего поведения, и оно может поступить в соответствии с требованиями уголовного закона. Однако, игнорируя уголовно-правовой запрет, вменяемое лицо поступает вопреки закону, т. е. нарушает его. Сами же взгляды, убеждения человека, если они не связаны с его преступной деятельностью, не могут повлечь за собой уголовную ответственность.

Вменяемость и возраст как признаки субъекта преступления в дальнейшем позволяют решать вопрос не только о привлечении лица к уголовной ответственности, но и его виновности как на стадии предварительного следствия, так и в суде.

Таким образом, вменяемость, характеризующая состояние психического здоровья лица, совершившего общественно опасное дея-

¹⁶⁰См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Дис. ... д-ра юрид. наук. С. 185.

ние, хотя в уголовном законе не раскрывается, но является неотъемлемым признаком субъекта преступления, при отсутствии которого, так же как и при отсутствии признака, характеризующего возраст, уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступное деяние, не наступает.

Однако, исследуя в целом субъект преступления и различные аспекты ответственности, связанные с ним, представляется целесообразным несколько подробнее остановиться на институте уголовной ответственности, без которого практически не решаются вопросы в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Институт уголовной ответственности по существу является одним из основополагающих в уголовном праве. И хотя уголовная ответственность достаточно часто упоминается в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, ее понятие и содержание закон не раскрывает.

Понятие уголовной ответственности определяется в юридической литературе, преимущественно в теории уголовного права, и имеет разное толкование. Проблеме уголовной ответственности посвящены многочисленные исследования отечественных ученых-юристов в советский период, а также в наши дни. При этом многие работы авторов представляют собой фундаментальные труды и широко известны не только в нашей стране, но и за рубежом.¹⁶¹

Уголовная ответственность является разновидностью юридической ответственности наряду с гражданско-правовой, административной, дисциплинарной и т. п. Юридическая ответственность как более емкое понятие представляет собой урегулированное правом отношение между нарушителем права и государством в лице его правомочных органов. Следовательно, специфика юридической ответственности состоит в том, что самые различные требования оп-

¹⁶¹См.: Брайнин Я. М. Указ, соч.; Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления М., 1974; Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1982; Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984; Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985; Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986; Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск, 1989; Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990, Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998 и др.

ределены правовыми нормами и актами, а их исполнение обеспечивается в принудительном порядке со стороны государства.

Уголовная ответственность является наиболее суровой мерой и устанавливается уголовным законом за совершение какого-либо общественно опасного деяния, причинившего или способного причинить вред значительным общественным отношениям. Государственное принуждение выступает содержанием уголовной ответственности и реализуется через деятельность специальных органов, выступающих от имени самого государства.

В русском языке термин «ответственность» объясняется как необходимость, а также обязанность отдавать кому-нибудь отчет по поводу своих действий, поступков, нести ответственность или заставить отвечать за плохой поступок.¹⁶² Само же словосочетание «уголовная ответственность» в теории и практике употребляется довольно часто, а интерес ученых-юристов к данной проблеме не ослабевает. До настоящего времени в теории уголовного права понятие уголовной ответственности дискуссионно в связи с неоднозначным пониманием и различными подходами в изучении этого сложного института.

Достаточно распространено понятие уголовной ответственности в отечественной уголовно-правовой литературе как обязанность лица, совершающего преступление, претерпеть меры государственного принуждения.¹⁶³ Данная трактовка имела немало возражений, а то и просто представлялась ошибочной.

В несколько иной интерпретации понятие уголовной ответственности как особого правового отношения между государством и преступником дал А. И. Санталов, определивший ее как вынужденное претерпевание виновным лицом негативных последствий преступления в форме осуждения со стороны государства и принуждения преступника уполномоченными органами.¹⁶⁴

¹⁶²См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 495.

¹⁶³См.: Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 25; Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1967. № 12. С. 40; Шарагородский М. Д. Основания уголовной ответственности // Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 1. Л., 1968. С. 222-223; Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч. С. 21-39; Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 17; Лукашевич В. З. Указ. соч. С. 49 и др.

¹⁶⁴См.: Санталов А. И. Указ. соч. С. 18.

Понятия уголовной ответственности как элемента уголовного правоотношения придерживались несколько раньше Н. И. Загородников, Н. С. Лейкина и другие известные отечественные криминалисты.¹⁶⁵ Так, Н.С. Лейкина писала, что уголовная ответственность представляет собой часть уголовного правоотношения, которое возникает в связи с совершением лицом преступления.¹⁶⁶

Представляется, что «уголовная ответственность» и «уголовное правоотношение» или его часть — понятия не тождественные, хотя взаимозависимые и взаимообусловленные по отношению друг к другу и их отождествление или смешивание вряд ли будет правильным. Уголовное правоотношение возникает с момента совершения лицом преступления, а уголовная ответственность, являясь ядром уголовно-правовых отношений (его частью, или элементом) может возникать, наступать и реализовываться в самое разное время.

Другие ученые под уголовной ответственностью понимают предусмотренное уголовным законом государственное принудительное воздействие, применяемое по приговору суда к лицу, совершившему преступление, т. е. видят основное ее содержание в уголовном наказании.¹⁶⁷ Так, А. Н. Игнатов и Т. А. Костарева уголовную ответственность определяют как ответственность лица в связи с совершенным преступлением, которая выражается в принудительном воздействии на правонарушителя со стороны государства в соответствии с уголовным наказанием.¹⁶⁸

Более развернутое понятие уголовной ответственности с аналогичных позиций дает Н. Ф. Кузнецова, определяющая ее как предусмотренные уголовным кодексом негативные последствия, которые налагаются судом на лицо, совершившее преступление,

в

¹⁶⁵См.: Загородников Н. И. О пределах уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1967. № 7. С. 39; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 30-31.

¹⁶⁶Данную позицию Н. С. Лейкина обосновывала в учебном пособии: Советское уголовное право. Часть общая. Л., 1960. С. 4.

¹⁶⁷См.: Самощенко И. С., Фарукшин М. К. Ответственность по советскому законодательству М., 1971. С. 68; Марцев А. И. Уголовная ответственность и общее предупреждение преступлений. Омск, 1973. С. 23; Советское уголовное право. Общая часть /Под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой и Ю. М. Ткачевского. М., 1988. С. 24 и др

¹⁶⁸См.: Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Уголовная ответственность и состав преступления. Лекция 4. М., 1996. С. 10.

виде осуждения, сопряженного с исполнением наказания, и судимости.¹⁶⁹

Вызывает определенный интерес понятие уголовной ответственности, сформулированное В. С. Прохоровым в ее традиционном, ретроспективном аспекте — как правовое последствие преступления, заключающееся в неблагоприятных условиях для конкретного лица, совершившего общественно опасное деяние, связанное с определенными ограничениями его правового статуса.¹⁷⁰

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что понятие уголовной ответственности в теории уголовного права до настоящего времени дискуссионно и по-прежнему порождает разнообразие мнений в ее определении как по своей сущности, так и по содержанию. Но нельзя не согласиться с авторами, утверждающими, что уголовная ответственность за установленные общественно опасные деяния по своей сути всегда конкретна в отношении определенного субъекта преступления, и это представляется неоспоримым.¹⁷¹

По выражению В. В. Похмелкина, сущность уголовной ответственности в основном находит свое проявление и конкретизацию в ее содержании, которое, как правило, образует совокупность ее свойств и сторон¹⁷².

Вместе с тем уголовная ответственность обусловлена определенными границами, т. е. моментами ее возникновения и окончания, а также промежуточными стадиями реализации, что не бесспорно и имеет в уголовно-правовой литературе своих противников и сторонников. Ряд авторов считает, что уголовная ответственность наступает с момента совершения преступления.¹⁷³ Так, по этому поводу Н. С. Лейкина отмечала, что уголовная ответственность возникает в момент совершения преступления и оканчивается обычно с отбытием наказания, а также погашением судимости.¹⁷⁴ Несколько иной точки зрения в этом вопросе придерживается В. С. Прохоров,

¹⁶⁹См.: Кузнецова Н. Ф. Понятие уголовной ответственности // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999. С. 196.

¹⁷⁰См. Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 165.

¹⁷¹См.: Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Указ. соч. С. 16.

¹⁷²См.: Похмелкин В. В. Указ. соч. С. 44.

¹⁷³См.: Курляндский В. И. Указ. соч. С. 32; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 31; Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Т. 3. М., 1970. С. 8-9; Санталов А. И. Указ. соч. С. 13 и др.

¹⁷⁴См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 31.

>>>77>>>

который пишет, что когда возникновение уголовной ответственности связывается с фактом совершения преступного деяния, то в первую очередь констатируется наличие основания ее возникновения, но не самой ответственности.¹⁷⁵

В свою очередь, Я. М. Брайнин утверждал, что уголовная ответственность наступает с момента установления состава преступления и привлечения лица в качестве обвиняемого, т. е. когда органами расследования установлен конкретный субъект преступления.¹⁷⁶

Другие ученые убеждены, что в полном соответствии с законом уголовная ответственность наступает с момента вынесения судом обвинительного приговора и вступления его в силу.¹⁷⁷ Уголовная ответственность, как пишет Н. Ф. Кузнецова, начинается с момента вступления обвинительного приговора в законную силу и, как правило, завершается погашением или снятием судимости.¹⁷⁸

На наш взгляд, представляется предпочтительней точка зрения авторов, считающих начальным моментом уголовной ответственности привлечение лица, совершившего преступление, на стадии предварительного следствия в качестве обвиняемого (Я. М. Брайнин, В. И. Курляндский, Н. А. Огурцов, А. Н. Игнатов, Т. М. Кос-тарева и др.).¹⁷⁹

Особо необходимо указать на процессуальный аспект наступления уголовной ответственности, который чаще всего связывается с ее реализацией в виде предъявления лицу, совершившему преступление, обвинения и применения к нему мер пресечения. Разумеется, указанная точка зрения не бесспорна, но рассмотрение уголовной ответственности с позиции субъекта преступления не лишено логики.

¹⁷⁵См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 177.

¹⁷⁶См.: Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 27-28.

¹⁷⁷См.: Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 78; Прохоров В. С. Указ. соч. С. 134-137; Бойцов А. И. Содержание уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвуз. сб. Красноярск, 1986. С. 73; Тарбагаев А. Н. Проблемы уголовной ответственности // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвуз. сб. Красноярск, 1986. С. 64 и др.

¹⁷⁸См.: Кузнецова Н. Ф. Понятие уголовной ответственности // Курс уголовного права. Общая часть. Т.1. С. 193.

¹⁷⁹См.: Брайнин Я. М. Указ. соч., С. 27-28; Курляндский В. И. Указ. соч. С. 32; Огурцов Н. А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 162; Игнатов А. Н., Костарева Т. А. Указ. соч. С. 15-16 и др.

>>>78>>>

Так, если лицо совершило общественно опасное деяние, предусмотренное конкретной нормой Особенной части УК РФ, то в данном случае мы можем, скорее, говорить о возникновении уголовно-правовых отношений между государством в лице правоохранительных органов (суда, прокуратуры, МВД, ФСБ и др.) и лицом, совершившим это деяние, т. е. о системе прав и обязанностей между двумя субъектами.

На данном этапе вряд ли может идти речь о наступлении уголовной ответственности в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Для этого необходимо по факту возбудить уголовное дело и на стадии предварительного следствия или дознания установить, является ли данное лицо субъектом преступления, т. е. обладает ли оно признаками субъекта, которые закреплены в законе (ст. 19 УК) — вменяемость и возраст, служащими основанием для привлечения его к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние. При установлении на предварительном следствии этих признаков, предусмотренных УК РФ, речь может уже идти о субъекте преступления и о привлечении его к уголовной ответственности с предъявлением ему обвинения в инкриминируемом ему деянии при наличии соответствующих доказательств.

Как следует из судебной-следственной практики, немало правонарушений и опасных деяний совершается невменяемыми, а также подростками, не достигшими 14-летнего возраста, и малолетними лицами, которые не подлежат уголовной ответственности. В этом случае отсутствует субъект преступления и тем более уголовная ответственность. Уголовная ответственность наступает всегда в отношении конкретного вменяемого лица, достигшего установленного уголовным законодательством возраста, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное соответствующей нормой УК РФ, т. е. когда налицо субъект преступления.

Решение же всех этих вопросов, а также наступление уголовной ответственности может иметь место, как нам представляется, только на стадии предварительного следствия и при предъявлении субъекту преступления обвинения в совершении им общественно опасного деяния.

Не случайно Н. А. Стручков особо отмечал, что уголовной ответственностью следует считать все воздействие на лиц, совершив-

ших преступление, сразу после того, как им будет предъявлено обвинение.¹⁸⁰

Однако установление виновности субъекта преступления — это прерогатива суда, а не предварительного следствия, хотя следователем и устанавливается виновность лица, совершившего преступление. Возбуждение уголовного дела в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, предполагает не только осуществление самых различных процессуальных действий, но и объективную оценку содеянного субъектом преступления с привлечением его к уголовной ответственности, а также установление виновности обвиняемого на данной стадии предварительного следствия.

При этом привлечение субъекта преступления к уголовной ответственности на стадии предъявления ему обвинения в совершенном общественно опасном деянии не может рассматриваться как отказ от презумпции невиновности, так как окончательный вывод о его виновности может сделать только суд в своем обвинительном приговоре, который должен вступить в законную силу.

Привлечение лица к уголовной ответственности в соответствии с принципом вины, нашедшим свое закрепление в ст. 5 УК РФ, это, скорее, заключительный этап ответственности субъекта преступления (осужденного), завершающийся в дальнейшем погашением или снятием судимости с лица, совершившего общественно опасное деяние.

Вместе с тем наряду с ретроспективной (негативной) уголовной ответственностью в теории уголовного права имеет место и такое понятие, как «позитивная уголовная ответственность».¹⁸¹

У данной теории имеются как единомышленники, так и противники. Так, по мнению З. А. Астемирова, уголовная ответственность в позитивном аспекте возникает с момента издания уголовного закона и объективно выражает требование к правосубъектным лицам необходимой ответственности перед ним¹⁸². П. С. Дагель и В. А. Но-моконов под позитивной уголовной ответственностью понимают не

¹⁸⁰См.: Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 48.

¹⁸¹См.: Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970; Дагель П. С., Но-моконов В. А. Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985; Тарбагаве А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности и др.

¹⁸²См.: Астемиров З. А. Указ. соч. С.10.

что иное, как обязанность выполнить какие-либо действия, предусмотренные и поощряемые уголовным законом¹⁸³. Несколько шире определяет позитивную ответственность А. Н. Тарбагаев, отмечая, что она представляет собой постоянно реализующийся комплекс правоотношений в обществе по соблюдению уголовно-правовых запретов. При этом позитивная уголовная ответственность становится, как правило, реальностью обычно в форме поведения граждан, которое соответствует нормам уголовного закона.¹⁸⁴

Противоположную позицию в этом вопросе занимает Н. Ф. Кузнецова, утверждая, что по своему характеру уголовная ответственность ретроспективна. Поэтому не следует соглашаться с юристами, полагающими, что уголовное право устанавливает и позитивную уголовную ответственность, выражающуюся в воздержании лица от совершения преступления, т. е. в его позитивном поведении, так как невозможно представить человека, который бы одновременно мог нести позитивную ответственность практически за все преступления, предусмотренные в УК РФ.¹⁸⁵

Вместе с тем, говоря о позитивной уголовной ответственности, возникает правомерный вопрос: а следует ли в категоричной форме отрицать вообще ее существование или все-таки признать ее как разновидность уголовной ответственности?

В связи с этим представляется, что относительно лица, совершившего преступление, следует говорить о ретроспективной уголовной ответственности, которая устанавливается за совершение общественно опасного деяния в прошлом, а в дальнейшем при установлении у физического лица вменяемости и возраста, предусмотренных законом (ст. 19,20 УК РФ), речь пойдет о субъекте преступления и о привлечении его к уголовной ответственности и наказанию. В данном случае уголовная ответственность и наказание в большей степени выполняют функции карательного характера при установлении виновности субъекта преступления и вынесении ему в обвинительном приговоре суда соответствующего уголовного наказания, хотя здесь имеет место частная превенция.

Что же касается позитивной уголовной ответственности, то, возникая гораздо раньше, чем ретроспективная, она выполняет, ско-

¹⁸³См.: Дагель П. С., Номоконов В. А. Указ. соч. С. 72.

¹⁸⁴См.: Тарбагаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. С. 25.

¹⁸⁵См.: Кузнецова Н. Ф. Понятие уголовной ответственности. С. 192.

>>>81>>>

рее, роль предупредительного характера, так как на данном этапе субъекта преступления еще нет. Здесь речь идет о гражданах, воздерживающихся от противоправного поведения и обязанных выполнять требования уголовного закона. При этом следует заметить, что ретроспективная уголовная ответственность есть не что иное, как правовое средство предупреждения, а также разрешения существующих конфликтов между обществом и человеком, необходимое средство обеспечения всего порядка в общественной жизни¹⁸⁶. Это и является объединяющим признаком рассматриваемых видов уголовной ответственности.

Следовательно, к уголовной ответственности, как мы уже неоднократно отмечали выше, может быть привлечено только вменяемое физическое лицо, которое достигло возраста, установленного законом, пренебрегшее уголовно-правовым запретом и совершившее общественно опасное деяние, т. е. субъект преступления.

Что же касается вопроса, связанного с основанием уголовной ответственности, то действующее законодательство положило конец многолетним спорам и дискуссиям среди ученых на эту тему. В ст. 8 УК РФ довольно четко говорится: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Поэтому никакие мысли, взгляды и убеждения, если они не связаны с совершением преступления, как уже ранее было отмечено, не могут повлечь за собой уголовную ответственность, так как она наступает только за конкретное действие или бездействие, предусмотренные уголовным законом в качестве общественно опасного деяния.

Состав же преступления представляет собой законодательное описание преступления. При оформлении составов законодатель всегда исходит из сущности и содержания общественно опасного деяния, что выражается в формулировках составов. Таким образом, состав преступления, рассматриваемый как совокупность установленных уголовным законом юридических признаков, правильнее элементов, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление, в настоящее время является единственным основанием уголовной ответственности.

¹⁸⁶См.: Прохоров В. С. Указ. соч. С. 135.

>>>82>>>

Элементы должны быть присущи всем составам преступления, они условны и всегда характеризуют любое преступление с четырех сторон, являясь специфическими юридическими терминами.

Из законодательной формулировки ст. 8 УК РФ, устанавливающей основания уголовной ответственности, усматриваются основополагающие принципы уголовного права и закона: принцип законности (ст. 3), принцип равенства граждан перед законом (ст. 4), принцип вины (ст. 5), а также принципы справедливости (ст. 6) и гуманизма (ст. 7 УК РФ).

Вышеизложенное позволяет в нашей работе более подробно исследовать признаки субъекта преступления и другие вопросы уголовной ответственности, например, лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости (ст. 22), лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения (ст. 23), а также обстоятельств, исключающих привлечение к уголовной ответственности невменяемых (ст. 21) и несовершеннолетних правонарушителей, совершивших какие-либо общественно опасные деяния, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

§ 2. Возраст как признак субъекта преступления. Влияние возраста на уголовную ответственность

Важным и неотъемлемым признаком субъекта преступления является возраст вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние. Следует заметить, что как теория уголовного права, так и уголовное законодательство различных правовых систем, а также нашей страны связывают с возрастом субъекта преступления наступление уголовной ответственности. Так, согласно ст. 20 УК РФ 1996г., уголовной ответственности подлежит только совершившее преступление лицо, которое достигло установленного законом возраста 14 или 16 лет. Сам же уголовный закон не содержит специальной нормы, предусматривающей понятие возраста, он только указывает на возрастные границы наступления уголовной ответственности, если лицо совершило какое-либо преступление.

Следовательно, исходя из предписания уголовного закона, вытекает противоположное положение о том, что лицо, не достигшее установленного законом возраста, совершившее преступное деяние,

не может быть привлечено к уголовной ответственности и, таким образом, не является субъектом преступления.

Как основная проблема субъекта преступления, возраст уголовной ответственности и в нашем государстве, и во многих странах мира достаточно динамичен. Данное обстоятельство, как представляется, объясняется в первую очередь волей законодателя, который исходит из соответствующих исторических условий развития общества и проводимой уголовной политики государства по борьбе с преступностью на определенных этапах его развития.

При этом, устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель учитывает данные медицины, психологии, педагогики и других наук, а также исходит из типичных для большинства подростков условий их развития и формирования на разных стадиях жизненного пути, что характерно для нашего государства.

В литературе можно встретить неоднозначные суждения о возрасте лица и способности его нести уголовную ответственность в связи с совершенным преступлением. Да и само понятие возраста трактуется по-разному. Так, Г. И. Щукина считает, что возрастом принято называть период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании¹⁸⁷.

Интересную позицию в этом вопросе занимает М. М. Коченов, который отмечает, что понятие возраста, например, можно употреблять в законе чаще всего в одном смысле — как указание на количество прожитого человеком времени, а основаниями уголовной ответственности являются сам физический возраст и способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение¹⁸⁸. В свою очередь, Л. В. Боровых определяет возраст через количественное понятие, хотя за количеством прожитых лет, как правило, пишет она, кроется качественная наполняемость этих периодов, а это дает возможность предположить само сущностное определение категории «возраст» как периода в развитии любого человека.¹⁸⁹

¹⁸⁷См.: Щукина Г. И. Возрастные особенности школьника. Л., 1995. С. 3.

¹⁸⁸См.: Коченов М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. С. 34.

¹⁸⁹См.: Боровых Л. В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1993. С. 8.

Представляется, что наиболее емко и более содержательно сформулировано понятие возраста Р. И. Михеевым, который определяет его как в широком, так и в узком смысле. В первом случае он под возрастом подразумевает календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а во втором случае — указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения.¹⁹⁰

Таким образом, если говорить о возрасте, с которым законодатель связывает способность лица, совершившего преступление, нести уголовную ответственность, то данный признак субъекта преступления всегда требовал более полного изучения, исследования и осмысления с позиции не только науки уголовного права, но и тесного взаимодействия с ней медицины, психологии, педагогики и других наук.

Любой возраст всегда характеризуется и сопровождается осознанным волевым поведением или действием, а в момент совершения преступления и причинением какого-либо вреда.

В связи с этим следует согласиться с утверждением Н. Ф. Кузнецовой, что понятие общих признаков субъекта преступления, таких как возраст и вменяемость, связаны с характеристикой интеллектуально-волевого отношения к действиям и последствиям¹⁹¹. Следовательно, рассматривая возраст с различных точек зрения, необходимо на первый план выдвинуть волю лица, совершающего преступление, которая, несомненно, лежит в основе его осознанного противоправного поведения и имеет особое значение для психологического и уголовно-правового исследования возраста уголовной ответственности субъекта преступления.

Далее следует заметить, что как предшествующий уголовный закон (УК РСФСР 1960 г.), так и действующий УК РФ 1996 г. установили уголовную ответственность за ряд преступлений в отношении несовершеннолетних в возрасте 14 лет, которые могут в этом возрасте контролировать свою волю и свое криминальное поведение уже на первых стадиях совершения общественно опасного деяния.

¹⁹⁰См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. С. 17.

¹⁹¹См.: Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 86, 116.

Отсюда, определяя рамки и критерии уголовной ответственности, необходимо учитывать наравне с биологическими и психологическими особенностями несовершеннолетних преступников их интеллектуальный, а также образовательный уровень на разных этапах жизненного пути в связи с совершением ими различных преступлений.

Давая общую оценку исследований возраста уголовной ответственности психологами и юристами, О. Д. Ситковская приходит к следующему выводу: несмотря на имеющиеся различия в методике и объеме исследований, в большинстве своем все авторы рассматривают период 11-15 лет как переходный от детства к юношеству, характеризуемый достаточно быстрым развитием интеллекта и воли, а также самой личности, позволяющим соотносить свои мотивы с социальными нормами поведения.¹⁹²

Однако определение возраста, с которого наступает уголовная ответственность за совершение преступления, — это достаточно сложная проблема, и с ней сталкиваются законодатели всех стран на протяжении длительного времени. Вызывает она определенные трудности и в настоящее время. Речь в данном случае идет об установлении как нижних, так и верхних возрастных границ уголовной ответственности. Отсюда, как замечает О. Д. Ситковская, и попытки законодателей почти всех стран мира еще с XVII—XVIII вв. установить возрастные границы привлечения к уголовной ответственности и исключить применение уголовного наказания в отношении детей и подростков¹⁹³.

При этом во многих зарубежных государствах в конце XVIII — начале XIX века нижние границы наступления уголовной ответственности были предусмотрены разные и даже резко различались между собой. На это обстоятельство обращал внимание в своих исследованиях еще в дореволюционный период С. А. Гуревич, который писал, что в то время, когда одни законодательства устанавливали границу уголовной ответственности в возрасте 9 лет (Италия, Испания), другие повышают ее до 10 лет (Австрия, Болгария, Голландия, Дания, Россия), до 12 лет (Германия, Венгрия, Ру-

¹⁹²См.: Ситковская О. Д. Указ. соч. С. 109.

¹⁹³См.: Ситковская О. Д. Указ. соч.. С. 48.

мыния, Сербия, Швейцария), до 13 лет (Турция), до 16 лет (Норвегия)¹⁹⁴.

В свою очередь, если брать настоящий период времени и зарубежные государства с современными правовыми системами, то возраст уголовной ответственности субъекта преступления в каждой конкретной стране законодателем определяется и устанавливается также по-разному. Так, достаточно низкие границы, допускающие уголовную ответственность в возрасте 7 лет, установлены в Египте, Ираке, Ливане¹⁹⁵, Йемене¹⁹⁶, Ирландии¹⁹⁷ и ряде других государств.

В некоторых государствах минимальный возраст уголовной ответственности установлен с 13 лет, когда речь идет о совершении подростками преступлений, представляющих повышенную общественную опасность (в ряде штатов США, Франции, Узбекистане и др.), с 14 лет (в Болгарии, КНДР, Норвегии, Румынии, ФРГ, Японии, большинстве стран СНГ и т. п.)¹⁹⁸. Вместе с тем в Дании, Финляндии, Швеции и других государствах возраст уголовной ответственности предусмотрен с 15 лет¹⁹⁹. Однако в законодательствах подавляющего большинства государств уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, предусмотрена с 16 лет.

Таким образом, возраст как неотъемлемый и важный признак субъекта преступления по-разному устанавливался и устанавливается в зарубежном уголовном праве государств различной ориентации на исторических этапах их становления и подвержен значительным колебаниям с учетом особенностей развития той или иной страны в отдельности.

¹⁹⁴См.: Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники: Сб. ст. / Под ред. М. Н. Гернета М., 1912. С.7.

¹⁹⁵См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении. С. 298.

¹⁹⁶См.: Народная Демократическая Республика Йемен. Конституция и законодательные акты. М., 1985. С. 42.

¹⁹⁷См.: Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 82.

¹⁹⁸См.: Павлов В. Г. Субъект преступления в зарубежном уголовном праве // Правоведение. 1996. №3. С. 171-172.

¹⁹⁹См.: Павлов В. Г. Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии //Тез. докл. междунар 13-й конф. по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М. — Петрозаводск, 1997. С. 264-265. См. также: Уголовный кодекс Дании. СПб, 2001. С. 24; Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 25.

Не является исключением в этом отношении и наше государство, когда речь идет об установлении нижних и верхних возрастных границ уголовной ответственности и уточнении по возрастному признаку самого субъекта преступления. При этом изменчивость и динамичность возраста, с которого устанавливается уголовная ответственность в отечественном уголовном законодательстве, так же как и в зарубежном, достаточно ярко прослеживается в определенные периоды развития нашего государства, что имеет непосредственное значение для дальнейшего его исследования и изучения с современных позиций в самых различных направлениях.

Однако, чтобы лучше понять данный признак субъекта преступления, обратимся к истории вопроса. В уголовном праве Русского государства имеют место примеры наступления уголовной ответственности на раннем этапе развития подростка, которым совершено преступное деяние в возрасте 7 лет. И только спустя 20 лет после издания Уложения 1649 г., отмечал С. А. Гуревич, законодатель вспоминает о правиле, затерявшемся в Градских законах, «аще седми лет отрок убьет кого ... не повинен есть смерти» и вносит его в Новоуказные статьи Сысского приказа 1666 г. (ст. 79)²⁰⁰.

Далее следует заметить, что в законодательстве в эпоху царствования Петра I мало что говорилось о возрасте лица, совершившего преступное деяние. Отсутствует какая-то определенность по поводу возраста субъекта преступления и в законодательстве послепетровского периода, за исключением отдельных императорских указов середины XVII в., которыми субъектом преступления, а в дальнейшем и по Своду законов 1832 г., признавалось малолетнее лицо в возрасте 10 лет²⁰¹.

Субъектом преступления по Уложению 1845 г. согласно ст. 144 признавалось также физическое вменяемое лицо, достигшее 10-летнего возраста²⁰². Аналогичный нижний возрастной порог уголовной ответственности подростков был предусмотрен также в Уложении 1903 г., по которому лицо являлось субъектом преступления только по достижении им возраста 10 лет, так как оно до 10-летнего возрас-

²⁰⁰Гуревич С. А. Указ. соч. С. 8.

²⁰¹См.: Есипов В. В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. С. 141; Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. С.42.

²⁰²Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. Отд. 1. 1845. С. 620.

та не могло в полном объеме осознавать содеянное им противоправное деяние²⁰³.

В советский период развития нашего государства в законодательстве по вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, наблюдаются значительные колебания как в сторону снижения возраста уголовной ответственности преступника, так и в сторону увеличения уголовно-правового воздействия. Эти колебания связаны как с отсутствием до принятия Основ 1958 г. разработанных уголовных законов по этим вопросам, так и с проводимой уголовной политикой государства в отношении, прежде всего, несовершеннолетних лиц, совершавших самые различные преступления. Наибольшие изменения имели место в установлении законодателем нижних возрастных границ уголовной ответственности.

В основном нижние возрастные границы уголовной ответственности колебались в первых уголовных законах в пределах от 14 до 16 лет (Руководящие начала 1919 г. - 14 лет²⁰⁴, УК РСФСР 1922 г. — 16 лет²⁰⁵, УК РСФСР 1926 г. — 14-16 лет²⁰⁶).

Однако уголовному законодательству нашей страны известны и более низкие возрастные границы уголовной ответственности (12 лет), которые были установлены законодателем в отношении несовершеннолетних за совершение ими преступлений, представляющих повышенную общественную опасность и распространенность. Речь в данном случае идет о Постановлении ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»²⁰⁷ и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов».²⁰⁸

Далее, говоря о нижних границах уголовной ответственности, необходимо отметить следующую особенность. Так, на протяжении довольно длительного времени — действия Основ уголовного зако-

²⁰³СУза 1903г. Отд. 1. №38. Ст. 416. СПб, 1903. С. 8.

²⁰⁴СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁰⁵Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 152.

²⁰⁶СУ рсфср 1926. № 80. Ст. 600; СУ РСФСР. 1929. № 82. Ст. 155.

²⁰⁷СЗ СССР 1935. № 19. Ст. 155

²⁰⁸Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 52.

нодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., УК РСФСР 1960 г. и Уголовного кодекса РФ 1996 г., нижние возрастные границы (14-16 лет) не изменялись.

Вместе с тем перечень преступлений, за которые наступала уголовная ответственность с 14-летнего возраста, законодателем постоянно расширялся и уточнялся. В полном объеме, как известно, общая уголовная ответственность традиционно устанавливалась и имеет место в настоящее время в уголовном законодательстве с 16 лет.

В связи с этим представляется, что незыблемость нижних возрастных границ уголовной ответственности, существующих столь длительный период времени, вряд ли можно объяснить стабильностью законодательства. Видимо, здесь следует говорить, скорее, о недостаточной изученности этой проблемы, так как глобальные изменения, происходящие во всех сферах жизнедеятельности общества, и в частности в уголовной политике государства, главной задачей которой является борьба с преступностью, не могут не влиять и на изменение возрастного порога уголовной ответственности, который может колебаться как в сторону снижения, так и в сторону его увеличения.

Таким образом, получается, что законодатель как бы безапелляционно установил нижний возрастной порог уголовной ответственности на все периоды времени существования государства, забывая о том, что именно возраст, как никакой другой признак субъекта преступления, наиболее динамичен и изменчив с позиций совершенствования уголовного законодательства и уточнения нижних возрастных границ уголовной ответственности в современных условиях борьбы с преступностью.

Не случайно в науке уголовного права, психологии, медицине, педагогике, криминологии достаточно проблематичен вопрос, стоящий перед учеными и практиками по поводу установления нижнего возрастного порога уголовной ответственности. Решение этой проблемы имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для совершенствования конкретных статей Уголовного кодекса и борьбы с преступностью.

На основе данных различных исследований юристы и психологи склонны считать, что период с 14 до 16 лет является определенной

>>>90>>>

физиологической ступенью в созревании любого человека²⁰⁹ и что к 14 годам он способен к умозаключениям и может регулировать свое поведение²¹⁰.

В последние годы и в настоящее время у нас в стране наблюдается значительный рост преступности несовершеннолетних. При этом на протяжении ряда лет увеличивается количество 14-15-летних преступников: 19% в 1966-1970 г., 33,2% в 1995 г.²¹¹. Вместе с тем эта тенденция наиболее наглядно проявляется в совершении данной категорией преступников тяжких и особо тяжких преступлений чаще всего в возрасте 14-17 лет. Так, среди лиц, совершивших умышленные убийства и покушения на убийство, за период с 1990 г. по 1994 г. значительный удельный вес составили несовершеннолетние преступники именно указанного возраста. В 1990 г. ими было совершено 534, в 1991 г. — 550, в 1992 г. — 637, в 1993 г. — 1050 и в 1994 г. — 1310 отмеченных преступлений²¹².

Как показывают криминологические исследования, в 1995 г. из каждых 10 тыс. подростков в возрасте 14—17 лет совершали различные преступления 238 против 166 человек по отношению к 1985 г. Только за 1995 г. несовершеннолетние совершили: умышленных убийств и покушений на убийство — 1215, тяжких телесных повреждений — 1950, изнасилований — 1769, разбойных нападений — 5073, грабежей — 17 452, тайного хищения чужого имущества (краж) — 128 765, преступлений против общественного порядка (хулиганств) — 15 811 и другие общественно опасные деяния²¹³.

Например, по сравнению с 1990 г., в 1996 г. число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также с их участием, возросло на 24,7%, а выявленных подростков, совершивших преступления, на 25,5%²¹⁴.

Показателен, в частности, тот факт, что на долю несовершеннолетних из зарегистрированных 2 млн 625 тыс. преступлений только в 1996 г. приходилось почти каждое десятое правонарушение²¹⁵, в

²⁰⁹Карпец И. И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 147.

²¹⁰Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935. С. 362-368.

²¹¹Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. М., 1999. С. 694.

²¹²Преступность и правонарушения 1994 г.: Статистич. сб. М., 1995. С. 61.

²¹³Криминология /Под ред. А. И. Долговой. С. 689-691.

²¹⁴Забрянский Г. И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 6, 15.

²¹⁵Состояние преступности в России за январь — декабрь 1996г. М., 1997. С. 34.

>>>91>>>

1997 г. из общего количества 2 397 311 преступлений, подвергшихся учету, несовершеннолетними и при их соучастии было совершено 182798 общественно опасных деяний²¹⁶, а из зарегистрированных 2581 940 преступлений в 1998 году несовершеннолетними лицами их было совершено 189 293²¹⁷.

Особую тревогу вызывают преступления, совершаемые несовершеннолетними, связанные с посягательством на жизнь, здоровье, неприкосновенность граждан, собственность, а также преступные деяния, посягающие на общественный порядок, о чем свидетельствует уголовная статистика по России за период с 1993 г. по 1997 г. (табл. 1).

Таблица 1

Вид преступления	Годы				
	1993	1994	1995	1996	1997
Убийство и покушение на убийство	1009	1311	1215	1143	1068
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	1989	2402	1950	1952	1603
Изнасилование и покушение на изнасилование	2173	2279	1769	1546	1037
Разбой	5403	5587	5073	4755	4287
Грабеж	20922	20104	17452	16412	14807
Кража	139 905	133 228	128 765	122515	109 172
Хулиганство	14350	16692	15811	15534	11300

Криминологические и социологические исследования последних лет, а также данные уголовной статистики убедительно свидетельствуют не только о постоянном росте преступности несовершеннолетних в нашей стране, но и о имеющей место устойчивой тенденции на ее омоложение, когда преступные деяния совершают подростки в возрасте до 14 лет, не являющиеся субъектами преступлений. На данное обстоятельство обращено внимание В. Д. Ермаковым, который отмечает, что несовершеннолетние, не достигшие воз-

²¹⁶Состояние преступности в России: Статистич. сб. 1997 г. М., 1998. С 3-4.

²¹⁷Состояние преступности в России: Статистич. сб. 1998 г. М., 1999. С. 3, 9.

>>>92>>>

раста 14 лет, совершают значительно больше (в 4—5 раз) преступлений, чем несовершеннолетние в возрасте после 14 лет²¹⁸.

Такая тенденция прослеживается и при анализе официальных данных уголовной статистики, которая показывает криминальную активность подростков в возрасте до 14 лет. Так, количество лиц указанной категории, совершивших преступления, по которым уголовные дела были прекращены или в их возбуждении было отказано в связи с недостижением возраста (14 лет) привлечения к уголовной ответственности (п. 5 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР), возросло с 1993 г. по 1997 г. на 9,8%. При этом только за 1997 г. в центры временной изоляции для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВИНП) органов внутренних дел было помещено по определению суда и постановлению комиссий по делам несовершеннолетних 5,2 тыс. подростков, не являющихся субъектами преступлений, что в 4,5 раза больше, чем в 1993 г.²¹⁹.

Несовершеннолетние, и в частности подростки до 14 лет, продолжают составлять наиболее криминально активную часть подрастающего поколения, о чем свидетельствуют данные уголовной статистики о задержанных правонарушителях, доставленных в органы внутренних дел за период 1993-1997 гг.²²⁰ (табл. 2).

Таблица 2

Категория задержанных	Годы				
	1993	1994	1995	1996	1997
Доставлены в ОВД за совершение различных правонарушений и преступлений	668 303	837710	940 699	1 032 185	1 163 192
Из них по возрасту до 13 лет	168571	214460	244 369	270 092	319332
14-15 лет	206 254	256 105	289 720	322 157	356410
16-17 лет	281 478	367 146	406610	439 936	487 450

>>>93>>>

Результаты проведенного социологического исследования еще в начале 90-х годов указывают, что наибольшее количество впервые совершенных правонарушений приходится, в основном, на подростков в возрасте 10-12 лет (54,1%)²²¹.

При этом юристы, психологи, педагоги и другие ученые в своих исследованиях склонны единодушно утверждать, что при достижении подростком 12-13-летнего возраста он в состоянии, что мы уже раньше отмечали, реально, осознанно и взвешенно оценивать свое поведение и поступки и может выбирать и прогнозировать, в некотором смысле, варианты своего поведения в объективной действительности, а также последствия своих действий в той или иной конкретной ситуации.

В свою очередь, изучение, анализ и обобщение материалов и статистических данных практики органов внутренних дел Санкт-Петербурга по борьбе с преступностью несовершеннолетних за период с 1989 г. по 1998 г. показывают, что указанной категорией лиц было совершено значительное количество самых различных преступлений. При этом большой удельный вес от общего числа совершенных преступлений составили, как и в уголовной статистике России: убийства, преступления против здоровья, изнасилования, различные формы хищения и хулиганство, о чем свидетельствуют данные табл. 3.

²¹⁸Криминология / Под ред. А. И. Долговой. С. 686.

²¹⁹Преступность несовершеннолетних в России: Статистич. сб. (1993-1997 гг.) М., 1998. С. 3.

²²⁰Там же. С. 28.

²²¹См.: Миловидов Г. Е., Михайлов А. С. Спецшкола: Социально-психологические особенности подростков и рецидивы // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 96.

Проведенное исследование детской преступности в Санкт-Петербурге также показало, что большое число несовершеннолетних преступников составили лица как в возрасте 14-15 лет, так и не достигшие возраста, с которого в соответствии с законом установлена уголовная ответственность. В отношении последних лиц возбужденные дела были прекращены или в их возбуждении было отказано на основании п. 5 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР. Многие из несовершеннолетних преступников нигде не учились и не работали, о чем свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 3

Виды преступлений	Годы									
	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Всего совершено преступлений	4188	3738	3836	4232	5035	4338	4643	4289	4561	4257
Удельный вес от совершенных преступлений, %	22,5	21,1	20,5	19,2	9,1	8,0	8,1	7,4	10,6	8,6
Убийства	12	7	14	5	11	24	18	20	26	15
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	19	12	13	11	27	39	36	43	20	19
Изнасилования	31	49	39	15	20	30	18	21	9	6
Кражи	1930	1627	1798	2085	2179	1937	2298	2059	1863	1912
Грабежи	491	374	313	426	595	721	654	478	338	304
Разбои	99	112	64	155	362	243	215	251	182	119
Хулиганство	322	261	213	202	225	300	321	305	37	37
Преступления, связанные с наркотиками	7	30	62	98	127	114	125	195	780	757

Таблица 4

Категория правонарушений	Годы									
	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Несовершеннолетние, совершившие преступления в возрасте 14 — 15 лет	1065	924	1011	1233	1349	1391	1381	1192	740	807
Не работающие и не учащиеся	511	579	600	976	1679	1513	2301	1682	1198	1235
Освобождены от уголовной ответственности по п. 5 ч 1 ст. 5 УПК РСФСР	1589	2037	4327	3482	2634	2723	2700	2672	3472	3243

Дополняют эти данные и проведенное И. И. Ивановым исследование преступлений, совершенных несовершеннолетними на транспорте Северо-Западного региона. Результаты его показывают, что достаточно большое количество правонарушений совершается подростками до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность. При этом возраст юных правонарушителей, совершивших различные преступления: в 1991 г. — 208; в 1992 г. — 196;

>>>95>>>

в 1993 г. — 271; в 1994 г. — 243; в 1995 г. — 396 и в 1996 г. — 341 чел., довольно часто не достигает даже 13 лет.²²²

Анализ юридической, психологической, медицинской, педагогической литературы по рассматриваемой проблеме, уголовного законодательства, криминологических и социологических исследований, официальных данных уголовной статистики, материалов практики ГУВД г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также сложная криминогенная обстановка в стране, существующая на протяжении последних лет, и рост преступности несовершеннолетних, в частности подростковой, свидетельствуют о глубокой криминальной пораженности не только подрастающего поколения, но и общества в целом. Все это приводит к выводу о необходимости изменения нижних границ уголовной ответственности.

Изложенное позволяет внести предложение в действующее уголовное законодательство по уточнению нижнего возрастного порога уголовной ответственности. В литературе, например, по данной проблеме можно встретить предложения об установлении уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений с 12-13-летнего возраста.²²³

Представляется целесообразным установить уголовную ответственность с 13-летнего возраста по ч. 2 ст. 105 УК РФ: за убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом.

Данное предложение отвечает криминогенной обстановке в стране по данной категории преступлений, учитывает возрастные особенности подростков и не противоречит в этом отношении зарубежной законодательной практике.

Проведенное нами анкетирование судей, прокуроров, следователей и дознавателей г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1999-2000 гг. показало, что на предложение установления уголовной ответственности с 13 лет за вышеуказанные убийства положительно ответило более половины (59,4%) опрошенных работников судебно-следственных органов. При этом за установление такой от-

²²²См. Иванов И. И. Криминологическая характеристика преступлений несовершеннолетних на транспорте и их предупреждение (по материалам Северо-Западного региона 90-х годов): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 13.

²²³См.: Боровых Л. В. Указ. соч. С. 13; Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. С. 167-171 и др.

>>>96>>>

ветственности высказались прокуроры — 22,8%, судьи -- 19,8% и следователи — 10,8%.

Таким образом, наше предложение совпадает с субъективным мнением и практических работников, которые непосредственно в своей деятельности соприкасаются с данной проблемой.

Наряду с необходимостью пересмотра нижних границ уголовной ответственности в российском уголовном праве существует и другая, не менее сложная и важная проблема, связанная с повышением возраста субъекта преступления за совершение некоторых общественно опасных деяний.

Суть же самой проблемы состоит в том, что в ряде преступлений прежде всего требуется либо наличие дополнительных признаков, которыми бы обладало лицо, или само преступное деяние предполагает достижение им 18-летнего возраста. В этих случаях уголовная ответственность исключается, а лицо, совершившее данное деяние, не может считаться субъектом преступления, так как оно не достигло 18 лет.

Так, за многие преступления несовершеннолетние лица, например в возрасте 16-17 лет, не могут нести уголовную ответственность в связи с тем, что практически в силу своего несовершеннолетия просто не в состоянии занимать определенное должностное или какое-либо иное положение в обществе, а также выполнять соответствующие функции на работе. Следовательно, для субъекта некоторых преступлений требуются достижение лицом более зрелого возраста, определенное образование, навыки в работе, профессионализм или жизненный опыт, позволяющие решать те или иные задачи государственного, общественного, производственного и т. п. масштаба.

Например, можно наблюдать несоответствие требований уголовного закона, связанного с возрастом, как УК РФ 1996 г., так и предшествующего УК РСФСР 1960 г., и решением вопросов уголовной ответственности на практике. Для обоснования данного положения достаточно привести в качестве примера некоторые нормы действующего уголовного законодательства, которые в этом отношении требуют более глубокого анализа, уточнения и совершенствования с учетом современных реалий.

Так, если обратиться к преступлениям против военной службы, которые в УК РФ 1996 г. выделены в самостоятельный 11-й раздел

>>>97>>>

(гл. 33), то уголовную ответственность за эти преступления согласно ст. 331 могут нести военнослужащие, а также граждане, являющиеся военнообязанными, достигшие совершеннолетнего возраста, поскольку они являются специальными субъектами воинских преступлений. И здесь уголовный закон не должен входить в противоречие с Федеральными законами России «Об обороне» от 24 апреля 1996 г., «О статусе военнослужащих» и «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г., а также Положением о порядке прохождения военной службы (в редакции Указа Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1366).

Однако как в теории, так и на практике имеются разногласия при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц указанной категории за совершение воинских преступлений, особенно когда это касается курсантов первых курсов военных учебных заведений. В данном случае, исходя из правового положения лица, совершившего преступление, в первую очередь для решения вопроса о его виновности, следует учитывать важный признак субъекта преступления — его возраст, который определяется совершеннолетием в указанных Федеральных законах 1998 г.

Вместе с тем к старшим возрастным категориям свыше 18 лет, как правило, можно отнести должностных лиц и представителей власти при совершении ими, например, преступлений против государственной власти, в частности преступных деяний, связанных с посягательством на интересы государственной службы в органах местного самоуправления (гл. 30), интересы правосудия (гл. 31), порядок управления (гл. 32), и других лиц, занимающих ответственные посты или положение в различных государственных органах власти или управления.

Следовательно, при совершении таких преступлений, как не оказание капитаном судна помощи просящим бедствие (ст. 270), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305), планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивных войн (ст. 353) и некоторые другие общественно опасные деяния, предусмотренные УК РФ 1996 г., субъектом преступления является лицо старше 18 лет.

Наиболее показательна в этом отношении ст. 353 УК РФ, так как при совершении предусмотренного ею общественно опасного деяния субъектом преступления является лицо, занимающее высшую государственную должность Российской Федерации или субъекта России, что не противоречит Федеральному закону РФ от 31 июля 1995 г. «Об основах государственной службы Российской Федерации»²²⁴.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости в законодательном порядке уточнения, а в ряде случаев и повышения возраста уголовной ответственности, в особенности, когда речь идет об отмеченных нами и иных случаях. На другое обстоятельство было обращено внимание в уголовно-правовой литературе при обсуждении вопроса об изменении возраста уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, связанных с выполнением лицами юношеского возраста различных функций и усложнением трудовых процессов, где требуются специальные знания при выполнении тех или иных работ с определенными машинами, механизмами, использованием новой и особо сложной техники.²²⁵

Представляется, что последнее обоснование повышения возраста уголовной ответственности, хотя и заслуживает внимания, но вряд ли может быть принято законодателем, так как в данном случае мы можем, скорее, говорить о признаках специального субъекта преступления, а это, в свою очередь, требует более тщательного изучения и исследования указанных особенностей в современных условиях развития науки и техники, а также профессиональной пригодности людей.

В несколько ином плане была поставлена проблема повышения возраста уголовной ответственности в законодательстве практически за все преступления без исключения. При этом возрастную границу уголовной ответственности как оптимальное решение предлагалось поднять до 20 вместо 18 лет²²⁶.

²²⁴СЗ РФ. 1995. № 31. Ст. 2990.

²²⁵См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 149.; Волгарева И. В. Проблема повышения возраста уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений //Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1989. Вып. 4. № 27. С 61-63 и др.

²²⁶См.: Бородин С. В., Носкова Н. А. К вопросу совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних //Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства. М., 1994. С. 58.

>>>99>>>

Думается, что данное предложение требует основательной аргументации на фоне не только сложной криминогенной обстановки в стране, но и непрекращающегося роста преступности несовершеннолетних. Повышение возрастной планки уголовной ответственности за все виды преступлений до 20 лет трудно объяснить при ежегодном росте тяжких, особо тяжких и других преступных деяний гуманистическими соображениями. И здесь следует согласиться с И. В. Волгаревой, правильно отмечающей, что гуманизм в законодательстве лишь тогда истинно гуманен, когда он не вступает в противоречие с социальной справедливостью, а также неотвратимостью ответственности и другими принципами уголовного права²²⁷, которые впервые нашли свое законодательное закрепление в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Представляется, что повышение возрастного порога уголовной ответственности должно производиться законодателем не по всем преступлениям, а избирательным путем, учитывая специфику самого общественно опасного деяния, особенности лица, а также его правовое положение. Чаще всего, как отмечалось ранее, речь в таких случаях идет о специальном субъекте преступления, обладающем или наделенном дополнительными признаками по отношению к общему субъекту.

Подтверждаются наши выводы и проведенным анкетированием судебных и прокурорско-следственных работников, которые в подавляющем большинстве — 89,1 %, высказались против повышения возраста уголовной ответственности до 20 лет.

Однако данная проблема должна рассматриваться еще и параллельно с проблемой установления предельной возрастной границы уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление в пожилом или старческом возрасте. Причем юристы и психологи высказывают самые различные мнения, которые требуют комплексного научного обоснования не только специалистами данных направлений, но и с позиции медицины.

В связи с этим представляется не бесспорным предложение Л. В. Боровых о якобы возникшей потребности в специальном уголовно-правовом механизме по реализации ответственности пожилых

²²⁷См.: Волгарева И. В. Указ. соч. С. 63.

>>>100>>>

людей за совершенные преступные деяния²²⁸. Думается, что такой потребности на данный период времени законодатель не будет испытывать, так как границы пожилого и старческого возраста условны и для каждого человека, исходя из физиологических и индивидуальных особенностей его организма и образа жизни, они будут разными. Поэтому лица пожилого и старческого возраста, совершившие преступление во вменяемом состоянии, способны нести уголовную ответственность на общих основаниях в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ 1996г.

Другое дело, когда речь идет об утрате возможности осознавать свои действия и ориентироваться в конкретной обстановке в связи с болезненным состоянием лица и расстройством его психики в период совершения преступления. В этом случае следует говорить о решении вопроса его вменяемости или невменяемости путем проведения судебно-психиатрической экспертизы. При данном подходе, как замечает О. Д. Ситковская, установление верхнего возрастного порога уголовной ответственности уже теряет смысл, так как эта проблема переводится на уровень вопроса о вменяемости или невменяемости лица²²⁹. Вместе с тем нельзя в категоричной форме отрицать решение в дальнейшем данной проблемы. В связи с этим следует согласиться с аргументированным утверждением Р. И. Михеева, что преступность лиц пожилого и старческого возраста является самостоятельным объектом исследования не только уголовного права и криминологии, но и уголовно-исполнительного права, так как эта проблема недостаточно разработана в юридической науке и нуждается в дальнейшем исследовании²³⁰.

Следовательно, субъект преступления как физическое лицо, обладающее возрастом, предусмотренным в законе, и вменяемостью, как уже раньше было отмечено, даже в свои преклонные годы (65-75 и более лет) не освобождается от уголовной ответственности. Однако суд, назначая и индивидуализируя уголовное наказание в соответствии с требованиями ст. 63 УК РФ, в каждом конкретном случае не должен игнорировать, а, наоборот, обязан учитывать пожилой и старческий возраст лица, совершившего преступление.

²²⁸См.: Боровых Л. В. Указ. соч. С. 15.

²²⁹См.: Ситковская О. Д. Указ. соч. С. 116-117.

²³⁰Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности. С. 17.

Вместе с тем предложение О. Д. Ситковской о предусмотрении в законодательстве невозможности привлечения к уголовной ответственности лиц старческого возраста, которые вследствие физиологического одряхления, не связанного с психическим расстройством, не могли при совершении преступления осознавать свои действия или руководить ими²³¹, довольно интересно и заслуживает внимания. Оно требует своего более детального и аргументированного обоснования с точки зрения медицины (психиатрии), а также науки уголовного права и психологии. При этом в данном случае, видимо, следует говорить либо о совокупности двух критериев невменяемости — медицинского (биологического) и юридического (психологического), которые нашли свое законодательное закрепление в ст. 21 УК РФ 1996 г. и исключают уголовную ответственность, либо о наличии только одного юридического критерия — вменяемости, когда лицо является субъектом преступления и несет уголовную ответственность.

Таким образом, возраст как признак субъекта преступления является не только неотъемлемой частью этого понятия, но и самым непосредственным образом влияет на уголовную ответственность лиц, совершивших общественно опасное деяние. При этом возраст тесно связан со всеми институтами уголовного права, требует своего дальнейшего изучения и уточнения с современных позиций видения совершенствования действующего уголовного законодательства, а также науки психологии, медицины, педагогики и других, как в теоретическом, так и практическом его осмыслении. Ряд положений о возрасте как признаке субъекта преступления, отмеченных нами, требуют также своего законодательного разрешения.

§ 3. Вменяемость как признак субъекта преступления и ее значение для уголовной ответственности

Вменяемость и возраст лица, совершившего преступление, установленные законом как признаки субъекта преступления, между собой тесно связаны, взаимно обуславливают и дополняют друг друга в составе преступления. Известно, и это аксиома, что состав преступления имеет место только тогда, когда налицо совокупность

²³¹См.: Ситковская О. Д. Указ. соч. С. 124.

его элементов: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона преступления. И если общественно опасное деяние совершается вменяемым лицом, достигшим установленного законом возраста (14-16 лет), мы можем говорить о субъекте преступления.

Субъект преступления, по справедливому выражению Я. М. Брайнина, как уголовно-правовое понятие практически немислим без этих двух основных признаков²³². Следовательно, вменяемость как психическое состояние лица, при котором оно в момент совершения преступления было способно осознавать характер своего поведения и руководить им в определенной и конкретной ситуации, наряду с возрастом является неотъемлемым признаком субъекта как элемента состава преступления.

Однако в науке советского уголовного права высказывалось мнение, что вменяемость и возраст не могут рассматриваться как признаки субъекта преступления, относящиеся к составу, так как они служат условиями наступления уголовной ответственности за пределами состава преступления²³³. Данная позиция, как констатирует Н. С. Лейкина, не получила полного признания среди теоретиков уголовного права, а субъект преступления как элемент состава во всех учебниках по уголовному праву после 1946 г. рассматривался отдельным параграфом раздела о составе преступления²³⁴.

Наука уголовного права и уголовное законодательство устанавливают, что субъектом преступления может быть лишь вменяемое лицо. Не случайно вопрос о вменяемости, писал Н. С. Таганцев, рассматривается, как правило, в доктрине уголовного права, и вменяемость субъекта является краеугольным камнем всех теорий, признающих основанием наказуемости виновное посягательство на правопорядок²³⁵. При этом следует отметить, что данное положение характерно не только для отечественного, но и зарубежного уголовного права с учетом особенностей каждой отдельно взятой страны.

Таким образом, учение о признаках субъекта преступления — возрасте и вменяемости входит в общее учение о составе преступления.

²³²См.: Брайнин Я. М. Указ. соч. С. 218

²³³См.: Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. С. 47; Никифоров Б. С. Об объекте преступления // Сов. государство и право. 1948. № 9. С. 42.

²³⁴См.: Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 289-291.

²³⁵Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т.1. С. 144.

Вменяемость и возраст как уголовно-правовые понятия имеют важное значение для определения не только субъекта преступления, но и состава преступления. При отсутствии этих признаков или одного из них нет и состава. Следовательно, и решение вопросов о виновности и уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, отпадает. При этом значение вменяемости как признака, характеризующего субъект преступления, в отечественной и зарубежной уголовно-правовой литературе еще недостаточно определено, да и само понятие требует своего дальнейшего изучения и исследования с точки зрения науки уголовного права, психологии, медицины, а также философского обоснования.

Способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значимость своих поступков и при этом осознанно руководить своей волей и действиями отличает вменяемое лицо от невменяемого.

Сознание и воля представляют собой наиболее важные психические функции, которые вообще определяют повседневное поведение любого человека. Учение о детерминированности и свободе воли лежит в основе самого понятия вменяемости. Следовательно, в философских теориях вменяемость, как правило, основывается на свободе воли. Поэтому, как отмечал А. Амон, для признания индивидуальной ответственности необходимо, чтобы человек, которому приписывается совершенный поступок, обладал свободной волей, в которой и заключается основание вменяемости²³⁶. На философский аспект проблемы обращают внимание в своей работе Ю. М. Анто-нян и С. В. Бородин, которые отмечают, что по своим философским истокам вменяемость довольно тесно связана с понятием свободы воли и ответственности лица за свои поступки²³⁷. Невозможно рассуждать о морали и праве, писал Ф. Энгельс, не касаясь вопроса о свободе воли и вменяемости человека²³⁸.

Обладая способностью мыслить, человек со здоровой психикой может не только правильно оценивать свои действия, но и выбирать самые различные варианты поведения, соответствующие мотивам, потребностям, целям и задачам, которые он себе определил. Влия-

²³⁶См.: Амон А. Детерминизм и вменяемость. СПб., 1905. С. 130.

²³⁷См.: Анто-нян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М., 1987. С. 120.

²³⁸См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 115.

ние же окружающей среды, внешних многочисленных факторов и обстоятельств, воздействующих на его поведение и определяющих таковое наряду с внутренними процессами, происходящими в нем, всегда проходят через его сознание.

Сознание и воля представляют собой наиболее важные психические функции, определяющие вообще повседневное поведение любого человека. «...Все, что побуждает человека к деятельности. — писал Ф. Энгельс, — должно проходить через его голову... Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются в его голове, отражаются в ней в виде чувств, мыслей, побуждений, проявлений воли...»²³⁹.

Таким образом, осознанное волевое поведение лица дает возможность ему под влиянием внешних факторов окружающего мира правильно выбрать образ действий в той или иной конкретной ситуации, а также и при совершении общественно опасного деяния. В уголовном праве, отмечал П. С. Дагель, свобода воли означает не что иное, как способность лица отдавать себе отчет в своих действиях и сознавать их фактическую сторону и общественную опасность, а также руководить ими. Другими словами, она означает вменяемость лица, которое способно быть как виновным, так и ответственным²⁴⁰.

Вместе с тем вряд ли состоятельны утверждения на этот счет М. И. Еникеева, что осознание человеком своих отношений с окружающим миром и способность принимать решения со знанием дела, т. е. руководить своими действиями, не могут являться обязательными условиями вменяемости, так как вменяемость предполагает определенный уровень как психической, так и социальной зрелости человека при совершении конкретного предусмотренного законом действия²⁴¹.

Данное мнение вызывает возражение уже потому, что вменяемость в уголовном праве — это не только способность лица, совершающего преступление, осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния, но и возможность лица

²³⁹Там же. Т. 21. С. 290.

²⁴⁰См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 9.

²⁴¹См.: Еникеев М. И. Психолого-юридическая сущность вины и вменяемость // Сов. государство и право. 1989. № 12. С. 79.

руководить своей волей независимо от уровня его психической или социальной зрелости. Оба эти свойства человека, разумеется, приобретаются им и постепенно развиваются в процессе его жизненного пути и на различных этапах его созревания и достижения определенного возраста.

Однако, обращаясь к истории вопроса, следует отметить, как показало наше исследование субъекта преступления в русском уголовном праве и уголовном законодательстве периода 1917-1996 гг., понятие вменяемости не было сформулировано в уголовном законе вообще²⁴². При этом вменяемость как признак субъекта преступления отсутствовала в Руководящих началах 1919 г., Основных началах 1924 г., Уголовных кодексах РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г., а также определение вменяемости не нашло своего закрепления и в Уголовном кодексе России 1996 г.

В большинстве своем значительное количество работ в области уголовного права и медицины, а также научных исследований посвящены невменяемости. Отсутствуют вообще исследования, рассматривающие понятие вменяемости с позиций характеристики ее как признака субъекта преступления.

Понятие вменяемости противоположно понятию невменяемости, которое дано в уголовном законе (ст. 21 УК РФ), когда лицо вследствие психического расстройства здоровья в момент совершения преступления не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Следовательно, вменяемость предполагает такое психическое состояние лица, при котором оно, совершая преступление, может осознавать свои действия и руководить ими.

Понятие вменяемости в различных интерпретациях дается в юридической литературе при отсутствии его определения в уголовном законе. В. С. Орлов, например, рассматривает вменяемость как одно из неотъемлемых свойств человека, без которого последний не может быть признан субъектом преступления при совершении какого-либо общественно опасного деяния²⁴³. В свою очередь,

²⁴²См.: Павлов В. Г. Субъект преступления в уголовном праве. С. 30-52, 53-75. На отсутствие определения вменяемости в русском уголовном законодательстве обратил внимание Р. И. Михеев в своей известной монографии: Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. Владивосток, 1983. С. 54.

²⁴³См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 26.

И. К. Шахриманьян считает, что понятие вменяемости обозначает состояние лица, которое, совершая преступления, отдает себе отчет в своих действиях и руководит ими в силу относительно полного душевного здоровья.²⁴⁴

Более емко определяют вменяемость как признак субъекта преступления Ю. М. Антонян и С. В. Бородин, которые рассматривают ее как психическое состояние лица, заключающееся в его способности при определенном развитии, социализации, возрасте и состоянии психического здоровья во время совершения преступления отдавать отчет себе в своих действиях и руководить ими, а в дальнейшем в связи с этим нести уголовную ответственность и наказание²⁴⁵. В какой-то мере согласуется с такой трактовкой вменяемости определение Р. И. Михеева. Так, по его утверждению, вменяемость представляет собой социально-психологическую способность субъекта преступления считаться виновным и подлежать уголовной ответственности за совершенное преступление, когда по своему психическому состоянию данное лицо было способно в данный момент сознавать общественную опасность преступного деяния и руководить своими действиями²⁴⁶.

Исходя из анализа понятий вменяемости в юридической литературе, можно с полной определенностью говорить, что, являясь одним из неотъемлемых и важных свойств человека, вменяемость по отношению к невменяемости — более широкое и более емкое понятие, которое требует своего дальнейшего изучения и уточнения.

Так, вменяемым может быть признан и не только психически здоровый человек, но и лицо, имеющее какие-либо психические расстройства, однако дающие ему возможность в момент совершения преступления осознанно и правильно оценивать свои действия в той или иной конкретной обстановке или ситуации. В данном случае речь идет о психических заболеваниях или расстройствах, которые, как отмечается в литературе, а также в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике, не устраняют способности лица осознать свои преступные действия и руководить ими.

²⁴⁴См.: Шахриманьян И. К. Невменяемость по советскому уголовному праву: Автореф. лис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 6.

²⁴⁵См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 123-124.

²⁴⁶См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 13.

>>>107>>>

Даже в утверждении «психически не здоров» в медицинском смысле, отмечает Р. И. Михеев, субъект преступления может быть вменяемым. При этом не только когда речь идет о «пограничных» состояниях психики, но и при хронических психических заболеваниях, а именно: шизофрении (в случаях ремиссии), эпилепсии (перед приступом) и в других случаях²⁴⁷.

По данным Института судебной психиатрии им. В. П. Сербского, в частности, больные шизофренией составили около 50% всех лиц, признанных невменяемыми при проведении судебно-психиатрической экспертизы душевнобольных, а из общего числа прошедших судебно-психиатрическую экспертизу больных эпилепсией вменяемыми было признано 24,7%, а невменяемыми — 75,3%²⁴⁸. Подтверждаются также результаты и данными исследования, проведенного в Приморском крае, из которого видно, что из 3,5 тыс. лиц, подвергнутых судебно-психиатрическому освидетельствованию, 48,8% имели различные психические расстройства. Однако они в установленном законом порядке были признаны вменяемыми, а также виновными в совершении преступлений и привлечены к уголовной ответственности²⁴⁹.

Эта особенность была выявлена и при обобщении экспертной практики в судебной психиатрии и общепсихиатрических исследованиях в отношении психопатических лиц, совершивших преступления, которые не исключали способности отдавать отчет своим действиям и руководить ими в период совершения общественно опасного деяния.²⁵⁰

Вместе с тем на практике всякие сомнения относительно вменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, когда его поведение не соответствует самоконтролю над собой, имеет место с его стороны неправильная реакция на внешние воздействующие факторы и раздражители и т. п., должны решаться в пользу данного лица. В этих случаях в отношении лица, совершившего пре-

²⁴⁷Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 84

²⁴⁸Советское уголовное право Общая часть / Под ред. Б. Д. Меньягина, М. Д. Дурманова и Г. А. Кригера М., 1969 С 120

²⁴⁹См. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С 84

²⁵⁰См. Пуни, Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии С 135

ступление, для установления его психического состояния на предварительном следствии в соответствии с п. 2 ст. 79 УПК РСФСР в обязательном порядке проводится судебно-психиатрическая экспертиза. Дальнейшее решение вопроса о вменяемости лица, совершившего преступление, осуществляется судом в соответствии со ст. 305, 409, 410 УПК РСФСР на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы.

Однако следует обратить внимание на то, что в судебно-психиатрической практике, как отмечают Л. И. Подрезова и Е. А. Трошкин, имеет место ошибочное мнение среди некоторых психиатров о необходимости признания невменяемыми большинства лиц, болеющих шизофренией, несмотря на то, что многие из них в момент совершения преступления достаточно хорошо социально адаптированы и осознанно управляют своим поведением.²⁵¹

Рассмотрение понятий вменяемости в литературе, а также анализ данных практики позволяет говорить о том, что вменяемость — не только неотъемлемый признак субъекта преступления, но понятие, как отмечает Р. И. Михеев, многогранное, довольно емкое и многоаспектное как по своему содержанию, так и по значению, которое определяется на основе толкования правовых норм, предусмотренных в уголовном законодательстве.²⁵²

В свою очередь, внутреннее содержание понятия вменяемости, которое подразумевается в уголовном законе, раскрывается, как и понятие невменяемости, посредством наличия совокупности двух критериев: юридического и медицинского.

Критерии вменяемости в науке уголовного права понимались неоднозначно и определялись учеными-юристами по-разному, так

²⁵¹См.: Подрезова Л. И., Трошкин Е. А. Вопросы вменяемости при шизофрении // Социалистическая законность 1988 № 11 С. 32. На данное обстоятельство было обращено внимание Р. И. Михеевым при анализе точек зрения в юридической литературе на критерии вменяемости, который писал, что согласно теории «диагностического критерия» вменяемость, как и невменяемость, должна определяться не на основе совокупности или сочетания юридического и медицинского критериев, а на основе диагноза. В данном случае постановка диагноза «шизофрения» уже требовала во всех случаях признания лица, совершившего преступление, невменяемым, хотя и имела место стойкая ремиссия (улучшение здоровья данного лица). См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 63.

²⁵²См. Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 47; Он же. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 12.

как многое зависело от подхода самого исследователя и его субъективного восприятия данного признака субъекта преступления. Создавшееся положение объяснялось, разумеется, отсутствием понятия вменяемости в уголовном законе, что порождало самые различные предложения по определению формулы вменяемости.

Большинство ученых, как обратил внимание Р. И. Михеев, восприняли конструкцию вменяемости, состоящую из сочетания двух критериев (юридического и медицинского), наряду с формулой вменяемости, которая строилась на сочетании трех критериев: юридического, психологического и медицинского. Некоторые исследователи предлагали вывести формулу вменяемости, в основе которой должен находиться только юридический критерий, другие предлагали сконструировать ее при помощи только медицинского критерия.²⁵³

Так или иначе, всевозможные варианты формулы вменяемости интерпретировались, постоянно и всесторонне подвергались обоюдной критике авторов и их оппонентов.

Вместе с тем, несмотря на определенное внимание отечественных юристов, психиатров, психологов и других ученых к этой проблеме, имеющей большую практическую значимость для изучения субъекта преступления, его характеристики при решении вопросов, связанных с установлением вины и привлечением его к уголовной ответственности, а в дальнейшем и к уголовному наказанию, она до настоящего времени не нашла как в теоретическом, так и практическом плане своего окончательного разрешения.

Более подробно, на наш взгляд, критерии вменяемости в нашем уголовном праве были проанализированы и описаны Р. И. Михеевым, который дал и развернутое определение вменяемости. По его мнению, формула вменяемости должна состоять из совокупности двух критериев, одним из которых является юридический, другой медицинский. В свою очередь, юридический критерий вменяемости характеризуют три признака: интеллектуальный, волевой и эмоциональный.

²⁵³См Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве С. 63-64; Тихенко С. И. Указ. соч. С. 98-100; Трахтеров В. С. Вменяемость по советскому уголовному праву: Конспект лекций Харьков, 1966 С 6-7; Богомягков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости): Учеб пособие Уфа, 1978. С 26, 29 и др.

>>>110>>>

Интеллектуальный признак рассматривается им как способность лица в момент совершения преступления сознавать фактический характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия), а волевой признак юридического критерия - - как способность лица во время совершения преступного деяния руководить своими действиями, т. е. способность руководить своей волей по своему внутреннему убеждению и желанию.

Вместе с тем эмоциональный признак в формулу вменяемости не включается. Но должен учитываться в обязательном порядке при установлении данного состояния лица при совершении им преступления²⁵⁴.

Таким образом, доминирующую роль в юридическом критерии вменяемости играют интеллектуальный и волевой признаки, которые должны рассматриваться обязательно в совокупности и с учетом эмоционального признака.

Медицинский критерий вменяемости, как правило, предполагается и, по утверждению автора, характеризует психическое состояние (здоровье) лица во время совершения им общественно опасного деяния. Данный признак является показателем такого состояния психики лица, когда оно находится в здравом рассудке и понимает свои действия и при наличии незначительных расстройств в психике, не исключающих вменяемости. Следовательно, медицинский критерий, который всегда подразумевается, должен рассматриваться не изолированно, а в совокупности с юридическим критерием, образуя в этом сочетании или данной конструкции саму формулу вменяемости.

Представляется, что рассмотренная формула вменяемости принципиальных возражений не имеет, однако, исходя из ст. 21 УК РФ, интеллектуальный признак юридического критерия требует некоторого редакционного и смыслового уточнения в части, касающейся того, что лицо «осознавало» фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) во время совершения преступления.

С другой стороны, для более точной и емкой уголовно-правовой характеристики субъекта преступления и, в частности, признака

²⁵⁴См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 61-62; Он же. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 14-15.

вменяемости следует поддержать предложения ученых, имеющие место в литературе²⁵⁵, о закреплении в уголовном законе понятия, критериев и признаков вменяемости, которые не предусмотрены в УК РФ 1996 г. Данное обстоятельство позволит более правильно решать вопросы как виновности, так и уголовной ответственности при осуществлении правосудия на современном этапе борьбы с преступностью и соблюдении принципов: законности (ст. 3), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6) и других, нашедших свое законодательное закрепление в Уголовном кодексе РФ 1996 г.

Вменяемость как признак, характеризующий лицо, совершившее преступление, дает основание ставить вопрос о его виновности, а в дальнейшем, следовательно, об уголовной ответственности и наказании, т. е. установление вменяемости преступника как бы предшествует установлению в соответствии с принципами уголовного закона его виновности, которая доказывается как на стадии предварительного следствия, так и в суде.

Сам же принцип вины, как мы уже отмечали, предусмотрен в ст. 5 УК РФ, в которой сказано, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те преступления и наступившие общественно опасные последствия, по которым установлена его вина. Следовательно, способность лица понимать совершаемое им преступное деяние и принимать осознанные решения в процессе его совершения служит основанием для признания субъекта преступления виновным в умышленном или неосторожном общественно опасном деянии, т. е., когда лицо было вменяемо.

Если же лицо действовало в состоянии невменяемости, то вина отсутствует. При этом, согласно п. 2 ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР, виновность лица, совершившего преступление, является обстоятельством, подлежащим доказыванию по уголовному делу как при производстве дознания, предварительного следствия, так и разбирательстве уголовного дела в суде. Виновность же лица, совершившего преступление, может быть установлена указанными органами только лишь после решения вопроса о его вменяемости, невменяемое же лицо не

²⁵⁵См.: Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права // Сов. государство и право. 1984. № 4. С. 79; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Квлиной. М., 1987. С. 67; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 13; Ситковская О. Д. Указ. соч. С. 155 и др.

может быть виновно и, согласно ст. 21 УК РФ, не подлежит уголовной ответственности.

Вменяемость, по мнению В. С. Орлова и Р. И. Михеева, является необходимой предпосылкой для установления виновности субъекта, начальным звеном в общей цепи: вменяемость, затем вина, потом ответственность²⁵⁶. Таким образом, установление всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, а также заключение судебно-психиатрической экспертизы дают возможность судебно-следственным органам решать вопрос о вменяемости или невменяемости лица, совершившего преступление, а затем уже, в случае вменяемости лица, доказывать осознанность действий и способность руководить ими при совершении преступного деяния умышленно или по неосторожности, т. е. виновно. Поэтому вряд ли можно говорить о виновности лица, совершившего общественно опасное деяние, если в процессе предварительного следствия и дознания не установлена его вменяемость.

Далее следует отметить, что вменяемость довольно тесно связана с виной, как мы уже отмечали, и имеет важное значение для наступления уголовной ответственности в отношении субъекта преступления.

Речь в данном случае идет о взаимосвязи вменяемости и вины как признаков разных элементов в общем составе преступления. Эта взаимосвязь прослеживается прежде всего в том, что как вменяемость, так и вина, являясь признаками, в первом случае, субъекта преступления, а во втором — субъективной стороны, характеризуют психическую сторону лица, совершающего общественно опасное деяние умышленно или по неосторожности.

Вменяемость, являясь признаком субъекта преступления и связанная с виной, находясь в составе преступления, как справедливо отмечают Ю. М. Антонян и С. В. Бородин, вместе обеспечивают в отечественном уголовном праве действие основополагающего принципа субъективного вменения²⁵⁷.

Следовательно, объективное вменение, согласно ст. 5 УК РФ, а именно уголовная ответственность за невиновное причинение вреда,

²⁵⁶См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 27; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 3.

²⁵⁷См: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 122.

по нашему уголовному законодательству не допускается и полностью противоречит ему. Вопрос о виновности лица, совершившего преступление, может ставиться и доказываться только тогда, когда субъект вменяем и способен осознавать свои действия и руководить ими в момент их совершения, что мы уже не раз отмечали.

В свою очередь, установление взаимосвязи вменяемости и вины позволяет более глубоко разобраться в самом субъекте преступления как элементе состава, а также в его содержании и уголовно-правовой характеристике не только с позиций науки уголовного права, но и с позиций медицины и психологии. Таким образом, только после предварительного решения о вменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние, как замечает В. С. Орлов, можно ставить вопрос о его виновности, потому что как виновным, так и невиновным может быть признано, как правило, вменяемое лицо.²⁵⁸

Отсюда способность лица осознавать свое противоправное поведение, выраженное в совершении умышленного или неосторожного преступления, и руководить своими действиями является также и основанием для решения вопроса о привлечении его к уголовной ответственности.

Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности, как справедливо отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, когда преступление было не только делом его рук, но и продуктом как его сознания, так и воли, поэтому принцип личной ответственности самым тесным образом связан с проблемой вменяемости²⁵⁹.

Следовательно, уголовной ответственности может подвергнуться только вменяемое лицо, совершившее какое-либо преступление. В соответствии со ст. 8 УК РФ основание уголовной ответственности возникает с момента совершения лицом деяния, которое содержит все признаки (элементы) состава преступления (объект преступления, объективная сторона, субъективная сторона и субъект преступления), предусмотренные уголовным законом. Само же преступление — это юридический факт, при наличии которого вменяемое и виновное лицо становится обязанным подвергнуться принудительному воздействию со стороны государства.

²⁵⁸См. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 27.

²⁵⁹Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 108.

Уголовная ответственность как правовое последствие — это результат применения уголовного закона со стороны государства в отношении вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние при доказанности вины субъекта преступления. Сама способность человека понимать совершаемые им действия и осознанно руководить своими поступками отличает вменяемого от невменяемого лица, невменяемый не может нести уголовную ответственность за свои противозаконные (преступные) действия при их совершении.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что вменяемость как признак, характеризующий субъекта преступления, наряду с виновностью является также и условием или предпосылкой наступления уголовной ответственности в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, что нельзя сказать о лице, которое совершило преступление в состоянии невменяемости. По утверждению Р. И. Михеева, вменяемость в уголовном праве как бы выполняет роль определителя субъекта преступления, а также одного из условия как вины, так и уголовной ответственности²⁶⁰.

Вслед за уголовной ответственностью вменяемое лицо, которое является субъектом преступления, может понести уголовное наказание. Однако, хотя уголовная ответственность и предшествует наказанию, но может осуществляться и без него. Последнее положение, например, закреплено в ст. 92 УК РФ, в которой говорится, что несовершеннолетнее лицо, осужденное за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных ч. 2 ст. 90 УК (предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, возложение обязанности загладить причиненный вред и др.). В данном случае речь идет об освобождении субъекта преступления (несовершеннолетнего) только от наказания, но ни в коем случае не от уголовной ответственности за совершенное им преступное деяние.

Что же касается применения наказания к субъекту преступления, то оно невозможно без уголовной ответственности при наличии вменяемости и доказанности виновности правонарушителя. Следовательно, понятие уголовной ответственности не тождественно по-

²⁶⁰См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 16; Антоном Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 124.

нятию наказания, оно шире последнего, которое назначается судом от имени государства вменяемому лицу, признанному виновным и привлеченному к уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния, т. е. к субъекту преступления.

Для криминалистики, писал Н. С. Таганцев, вменяемость — это признак, обуславливающий наказуемость преступного деяния, совершенного физическим лицом²⁶¹. Поэтому, когда у судебно-следственных органов возникает вопрос о возможном психическом расстройстве лица, совершившего преступление, они в соответствии со ст. 79, 80, 81, 403 УПК РСФСР обязаны получить заключение судебно-психиатрической экспертизы о психическом состоянии лица, привлекаемого к уголовной ответственности и наказанию.

В связи с этим достаточно показательным будет рассмотренное в 1992 г. Судебной коллегией по уголовным делам Ростовского областного суда уголовное дело по обвинению Чикатило А. Р., который в период 1978-1990 гг. на территории Ростовской, Владимирской, Свердловской, Ленинградской, Московской областей, Краснодарского Края (Россия), на Украине и в Узбекистане совершил 52 убийства с особой жестокостью на сексуальной почве. Потерпевшими были: 21 мальчик в возрасте от 8 до 16 лет, 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет и 17 девушек и молодых женщин. При этом Чикатило с 1973 г. неоднократно совершал развратные действия с малолетними детьми и подростками.

Характерной особенностью его преступной деятельности являлось то, что он совершал убийства молодых женщин, девушек, мальчиков и девочек в лесополосах и лесных массивах, прилегающих к населенным пунктам, а также в глухих местах, куда специально заманивал жертву. После убийства Чикатило, как правило, полностью обнажал трупы, а одежду уносил и прятал на значительном расстоянии от места преступления, часто закапывая ее в землю, чтобы затруднить в дальнейшем установление личностей потерпевших.

По способу убийства эти преступления выделялись исключительной жестокостью, цинизмом, изуверством и, как правило, сопровождалась причинением жертвам многочисленных (по несколько десятков) ножевых ранений садистского характера и глумлением

²⁶¹См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 145.

над ними. Все эти преступные действия сопровождались разрушением и полной ампутацией различных внешних и внутренних органов тела (чаще всего половых органов) убитых. Убивая женщин, девушек и детей, Чикатило удовлетворял свое извращенное сексуальное желание, которое испытывал постоянно, когда наносил жертве удары ножом, видел кровь и когда жертва мучилась и агонизировала.

Согласно заключениям судебно-психиатрических экспертиз, проведенных экспертами-психиатрами ВНИИ общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, Ростовского областного психоневрологического диспансера, а также экспертизы, проведенной в судебном заседании, Чикатило хроническими заболеваниями не страдал, обнаруживал признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве.

Во время совершения инкриминируемых ему действий Чикатило мог отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, т. е. являлся вменяемым. При этом в периоды, относящиеся к совершению преступления, как было установлено различными экспертизами и материалами уголовного дела, Чикатило не обнаруживал также и признаков какого-либо временного болезненного расстройства психической деятельности.

Глубокое и детальное изучение материалов уголовного дела (всех преступных эпизодов) и результатов судебно-психиатрических экспертиз позволили суду признать Чикатило вменяемым и виновным в совершении инкриминируемых ему деяний. Суд приговорил Чикатило к исключительной мере наказания — смертной казни, которая была приведена в исполнение 14 февраля 1994 г., после отмены Президентом России ходатайства о помиловании²⁶².

Однако, признав согласно ст. 410 УПК РСФСР доказанным совершение лицом в состоянии невменяемости преступления, суд выносит определение и в соответствии со ст. 21 УК РФ освобождает это лицо от уголовной ответственности или наказания и при необходимости решает вопрос о применении к нему принудительных мер медицинского характера, т. е. направляет лицо на принудительное лечение. При этом, исходя из п. 2 ст. 5 УПК РСФСР, суд прекращает

²⁶² Архив Ростовского областного суда. Дело 2-70/1992

уголовное дело за отсутствием в деянии невменяемого лица состава, так как оно не является субъектом преступления и, таким образом, не подлежит уголовной ответственности и наказанию. Суд указывает конкретную меру медицинского характера в зависимости от душевного заболевания лица и общественной опасности совершенного им преступления.

Таким образом, вопросы теории и практики судебно-психиатрической экспертизы неразрывно связаны с понятием вменяемости как неотъемлемого признака субъекта преступления. Вместе с тем, как показывает практика, работники суда, следствия и врачи-эксперты-психиатры недостаточно владеют теоретическим обоснованием понятия вменяемости, имеющего уголовно-правовое значение для вины, уголовной ответственности и наказания субъекта преступления. Данное обстоятельство диктует острую необходимость проведения дальнейших научных исследований в этом направлении и более широкого отражения этих вопросов в юридической, медицинской и психологической литературе, чтобы уголовную ответственность и наказание за совершенное преступление могли нести физические лица, являющиеся вменяемыми.

Глава III. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРИЗНАНИЕ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ДЕЯНИЕ, СУБЪЕКТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЕГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Понятие и критерии невменяемости

Невменяемость представляет собой противоположное понятие вменяемости и, в отличие от последнего, раскрыто в уголовном законе (ч. 1 ст. 21 УК РФ). При этом невменяемое лицо, совершившее какое-либо общественно опасное деяние, не является субъектом преступления. К нему могут быть применены лишь принудительные меры медицинского характера, так как оно не подлежит уголовной ответственности и к нему не может быть применено уголовное наказание. Следовательно, не являясь субъектом преступления, невменяемое лицо не обладает основным признаком субъекта, совершившего общественно опасное деяние, — вменяемостью.

Общественная опасность деяния лица, отмечает Б. А. Протченко, как правило, определяется в зависимости от реального вреда, который причиняется общественным отношениям, а отсутствие у субъекта осознанных и целенаправленных действий обуславливает специфику квалификации содеянного невменяемым²⁶³.

Следует разделить в связи с этим также правильную точку зрения В. Е. Квашиса, который особо подчеркивает, что невменяемый, совершивший общественно опасное деяние, не подлежит ответст-

²⁶³См : Протченко Б А Невменяемость в советском уголовном праве // Правоведение. 1987 №4. С 84

венности, так как вред причинен им невиновно, при отсутствии вины. Вместе с тем такие действия опасны для общества и его членов, ибо влекут причинение вреда и «появление» пострадавшего²⁶⁴.

Особо следует отметить, что общие теоретические вопросы невменяемости как обстоятельства, исключающего признание лица, совершившего общественно опасное деяние, субъектом преступления, в науке уголовного права практически не изучались и не исследовались, хотя они имеют большое практическое значение в судеб-но-следственной практике.

Если в судебной психиатрии проблема невменяемости является центральной по своей научной и практической значимости, то в уголовном праве и судеб-но-следственной практике ее важность не меньше, так как она самым тесным образом связана с институтами вины, уголовной ответственности и наказания, а также играет значимую роль в соблюдении законности в отношении психически больных лиц, совершивших преступное деяние. При этом проблема невменяемости является и одной из наиболее сложных, до конца не изученных проблем как в судебной психиатрии, так и в науке уголовного права, хотя ей посвящено значительно больше научных работ и исследований, чем проблеме вменяемости.

Но прежде чем раскрывать само понятие и формулу невменяемости в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации под углом обозначенной нами общей проблемы, рассмотрим кратко проблему невменяемости в ее ретроспективе, что имеет важное значение для уяснения ее сути и внутреннего содержания.

Проведенное нами историко-правовое исследование субъекта преступления в русском уголовном праве показывает, что если обратиться к важнейшим памятникам феодального права (см. гл. 1 § 2), то, например, в Судебнике 1497 г. (Ивана III), Судебнике 1550 г. (Ивана IV Грозного), в Соборном Уложении 1649 г. достаточно сложно определить не только возрастные характеристики лиц, совершивших преступления, но в них также отсутствуют сведения о невменяемости. Не решены вопросы невменяемости в отношении лиц, совершивших какие-либо преступные деяния и в уголовном законодательстве эпохи царствования Петра I.

²⁶⁴См.: Квашиц В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 132-133.

По мнению Г. В. Назаренко, термин «невменяемость» появляется в научной литературе только в XIX веке. Он не согласен с Н. Н. Баженовым, который утверждал, что понятие невменяемости уже существовало значительно раньше, то есть в XVII веке²⁶⁵.

Проведенный нами анализ законов Российской Империи: Свода законов 1832 г. (ст. 136)²⁶⁶; Уложения 1845 г. (ст. 101)²⁶⁷; Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.; Уголовного Уложения 1903 г. (ст. 39)²⁶⁸ свидетельствует о том, что указанные уголовные законы не признавали субъектом преступления лицо, которое совершало преступное деяние в безумии или сумасшествии, т. е. когда оно не осознавало своих действий и не могло руководить ими вследствие болезненного расстройства душевной деятельности. Более развернутое законодательное определение невменяемости лица, совершившего преступление, освобождавшее его от уголовной ответственности и наказания, было дано в Уложении 1903 г.

Уголовное законодательство советского периода, как мы уже отмечали, по существу, сохранило традиции старой школы уголовного права, практически оставив без особых изменений формулу невменяемости и вопросы ответственности.

Согласно ст. 14 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.²⁶⁹, Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. (ст. 17)²⁷⁰, Основным началам 1924 г. (ст. 7)²⁷¹ и Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. (ст. 11)²⁷² лицо, которое совершало общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не являлось субъектом преступления и не подлежало уголовной ответственности и наказанию. К таким лицам применялись не виды уголовного наказания, а меры лечебного характера и меры предосторожности, а позднее меры социальной защиты медицинского характера.

Однако следует заметить, что на новом этапе развития нашего государства принятые Основы уголовного законодательства Союза

²⁶⁵См.: Назаренко Г. В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право. 1993. №3. С. 61.

²⁶⁶Свод законов Российской Империи. Законы уголовные. Т. 15. С. 42

²⁶⁷Полное собрание законов Российской Империи. Т. 20. С. 614.

²⁶⁸СУза 1903г. Отд. 1. №38. Ст. 416. СПб., 1903. С. 8-9.

²⁶⁹СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

²⁷⁰СУ РСФСР. 1922. № 15 Ст. 153.

²⁷¹СЗ СССР. 1924. №24. Ст. 205.

²⁷²Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. С 6-7.

>>>121>>>

СССР и союзных республик 1958 г. более полно на законодательном уровне закрепили понятие «невменяемость» как основание, устраняющее признание лица за совершение им общественно опасного деяния субъектом преступления.

Что же касается Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., то он не внес каких-либо существенных изменений в формулу невменяемости. По существу, ст. 11 УК воспроизводила понятие невменяемости, которое было определено в ст. 11 Основ.

Значительный вклад в разработку учения о невменяемости в различные периоды развития нашего государства и последние годы внесли отечественные ученые-юристы: С. И. Тихенко, В. С. Трахте-ров, В. С. Орлов, И. К. Шахриманьян, Ю. С. Богомягков, Р. И. Михеев, Г. В. Назаренко и другие²⁷³.

Вместе с тем важное значение для развития учения о невменяемости имели и работы основоположников отечественной психиатрии (В. Х. Кандинского, С. С. Корсакова, В. П. Сербского, А. У. Фрезе и др.), а также ученых-психиатров советского периода и нашего времени (Ц. М. Фейнберга, Н. И. Фелинской, Д. Р. Лунца, И. Ф. Случевского, О. Е. Фрейерова, Г. В. Морозова и др.), которые теоретически обосновали понятия вменяемости и невменяемости, исходя из клинической картины психического заболевания лица²⁷⁴.

В процессе развития судебной психиатрии и науки уголовного права в учении о невменяемости детализировалось и уточнялось данное состояние, которое понималось и трактовалось учеными неоднозначно, в особенности когда речь шла о критериях невменяемости. Не случайно в науке уголовного права и судебной психиатрии наблюдается разный подход ученых и практиков к выработке самого

²⁷³См.: Тихенко С. И. Указ, соч.; Трахтеров В. С. Формула невменяемости в советском уголовном праве. М., 1939; Орлов В. С. Невменяемость по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1951; Шахриманьян И. К. Невменяемость по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961; Богомягков Ю. С. Проблемы невменяемости в советском уголовном праве (понятие вменяемости); Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве; Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве и др.

²⁷⁴См.: Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. М., 1890; Сербский В. П. Судебная психопатология. Вып. 1. М., 1895; Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии; Шахриманьян И. К. О понятии юридического (психологического) критерия невменяемости // Проблемы психиатрии. Л., 1967; Снежневский А. В. Общая психопатология. Валдай, 1970; Морозов Г. В. Невменяемость // Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. С. Петровского, (далее: БМЭ). 3-е изд. Т. 16. М., 1981 и др.

понятия невменяемости и раскрытию его внутреннего содержания. Обращая внимание на данное обстоятельство, В. Х. Кандинский писал, что закрепление уже в законе общего определения понятия невменяемости необходимо прежде всего для взаимного понимания как между врачами-психиатрами, с одной стороны, так и юристами, с другой, так как при отсутствии такого взаимопонимания врач-эксперт в суде не будет иметь возможности, давая заключение о психическом состоянии обвиняемого, согласовывать принципы и взгляды психиатрии с требованиями уголовного закона²⁷⁵.

С. И. Тихенко рассматривал невменяемость как понятие юридическое, под которым подразумевается «свойство деятеля», а также совокупность биологических условий, которые в момент совершения преступного деяния могут отсутствовать²⁷⁶.

В свою очередь Я. М. Калашник, также относя невменяемость к понятию юридическому, определяет это состояние как болезнь основных психических функций человека — мышления и воли, в результате чего лицо не способно осознавать свои действия и руководить ими²⁷⁷.

В.С. Орлов обращает внимание на то, что, с медицинской точки зрения, невменяемость представляет собой болезненное состояние психики лица, которое лишает его способности осознавать объективную действительность и контролировать свое поведение²⁷⁸.

С точки зрения медицины, в частности судебной психиатрии, и уголовного права, невменяемость определяется Г. В. Морозовым как юридическое понятие, которое означает болезненное психическое состояние лица на момент совершения им противозаконного деяния, не позволяющее поставить ему в вину это деяние. Лицо же, находящееся в состоянии невменяемости во время совершения противоправного деяния, не является субъектом преступления и не подлежит уголовной ответственности²⁷⁹.

Представляется, что достаточно полно и емко в науке уголовного права, уже ближе к нашим дням, понятие невменяемости сформу-

²⁷⁵См.: Кандинский В. Х. Указ. соч. С. 11-12.

²⁷⁶См.: Тихенко С. И. Указ. соч. С. 13.

²⁷⁷См.: Калашник Я. М. Медицинские мероприятия в отношении психически больных, совершивших общественно опасное деяние: Автореф. дис ... д-ра мед. наук. М., 1955. С. 7.

²⁷⁸См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С.56.

²⁷⁹БМЭ. Т. 16. С. 242.

>>>123>>>

лировано Р. И. Михеевым. Изучая и исследуя фундаментально данную проблему, он пришел к выводу, что невменяемость — это такое состояние, при котором лицо не способно осознавать во время совершения преступления характер и общественную опасность совершаемых действий (бездействия) или руководить ими, что исключает вину и уголовную ответственность. Невменяемость вызвана хронической психической болезнью, временным расстройством психической деятельности, слабоумием или иным психическим болезненным состоянием лица.²⁸⁰

И хотя данное определение невменяемости небезупречно, так как требует с позиций действующего уголовного законодательства и содержательной стороны уточнения, оно, тем не менее, имеет полное право на существование. В дальнейшем Р. И. Михеев справедливо делает акцент на том, что при невменяемости из-за болезненных процессов психики, как правило, нарушается отражательная функция мозга, в результате чего обычно утрачивается главное качество сознания — его осмысленность²⁸¹.

Привлекает внимание понятие невменяемости, которое дает Ю. С. Богомягков, считая уголовно-правовую невменяемость в момент совершения лицом преступления обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, так как оно на данном этапе не могло сознавать общественную опасность своего деяния и руководить им при наличии болезненного расстройства своей психики²⁸².

Наконец, нельзя не обратить внимание на определение невменяемости, даваемое Г. В. Назаренко, которое по своей сути и содержанию перекликается с вышеприведенным. Отсутствие способности руководить своим поведением, соотносящееся со временем совершения преступления, отмечает автор, вследствие патологического расстройства психической деятельности, с позиций уголовного права означает невменяемость лица с освобождением его от уголовной ответственности.²⁸³

²⁸⁰См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 123.

²⁸¹См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). С. 13.

²⁸²См.: Богомягков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки // Сов государство и право. 1989. № 9. С. 108.

²⁸³См.: Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. С. 21.

В отечественном уголовном законодательстве понятие невменяемости в основном строится на сочетании двух критериев — медицинского (биологического) и юридического (психологического), хотя в уголовно-правовой и медицинской литературе по этому поводу имеют место самые разные точки зрения, но, тем не менее, превалирует названная.

Так, предложение С. И. Тихенко и других ученых построить формулу невменяемости из медицинского и юридического критериев²⁸⁴ получило поддержку у большинства юристов и психиатров не только советского периода, но и нашего времени. Не случайно Д. Р. Лунц, рассматривая невменяемость с позиции судебной психиатрии, замечает, что условия невменяемости, когда психиатр-эксперт определяет тяжесть психических изменений, уже установлены в уголовном законе непосредственно в формуле невменяемости в виде двух критериев — медицинского и юридического, которые в совокупности охватывают диагностику заболевания и судебно-медицинскую оценку²⁸⁵. В свою очередь, по мнению как классиков судебной психиатрии, так и современных психиатров, отмечает академик Г. В. Морозов, наиболее сложным, а также значимым для судебно-следственных органов является соотношение признаков медицинского и юридического критериев невменяемости, которые отражают состояние обследуемого в период совершения им преступления²⁸⁶.

Вместе с тем понятие невменяемости — ее содержание и сущность, в действующем уголовном законодательстве нашло свое отражение и закрепление в ст. 21 УК РФ 1996 г., которое, по сравнению с формулой невменяемости, предусмотренной в ст. 11 Основ 1958 г. (ст.11) УК РСФСР 1960 г., значительно уточнено.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. законодатель более четко определил формулу невменяемости по отношению к предшествующему уголовному законодательству. В ч.1 ст. 21 УК сказано, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время со-

²⁸⁴См.: Тихенко С. И. Указ. соч. С. 7.

²⁸⁵См.: Лунц Д. Р. Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1958. С. 11; Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 37 и др.

²⁸⁶Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Морозова. М., 1997. С. 43.

вершения преступления находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия, либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, а также слабоумия или иного болезненного состояния своей психики²⁸⁷.

Из текста закона видно, что само понятие невменяемости, основывающееся на положениях науки уголовного права и психиатрии, существенно уточнено. Невменяемость представляет собой, как и прежде, совокупность двух критериев — медицинского (биологического или психиатрического) и юридического (психологического), что соответствует доктрине отечественного, и в частности современного, уголовного права²⁸⁸. При этом медицинский критерий, в свою очередь, предполагает не наличие душевной болезни и душевного расстройства, как это указывалось в УК РСФСР 1960 г., а у лица в действительности должно быть психическое расстройство. Таким образом, законодатель несколько уточнил содержание медицинского критерия, акцентируя внимание на болезненном состоянии именно психики лица, а не просто болезненном состоянии его в момент совершения преступления.

Уточнен в УК РФ 1996 г. и юридический критерий, который рассматривается как невозможность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими. По УК 1960 г. интеллектуальный момент заключался в том, что лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях. Устранены законодателем в формуле невменяемости и другие неточности, порождающие на практике ошибочное толкование закона и неправильное его применение. Итак, состояние невменяе-

²⁸⁷Уголовный кодекс Российской Федерации. СПб., 1999. С. 12.

²⁸⁸См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 132-137; Назаренко Г.В. Невменяемость в уголовном праве. С. 68-73; Советское уголовное право. Общая часть /Под ред. Г. А. Кригера, Н. Ф. Кузнецовой, Ю. М. Ткачевского. М., 1988. С. 95-96; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для юрид. вузов /Под ред. б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 206-207; Новое уголовное право России. Общая часть: Учеб. пособие /Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1996. С. 48, 49; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 79; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. И. Бойко. Ростов-на-Дону, 1996. С. 83-84; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998 С. 46; Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Морозова М., 1997. С. 43 и др.

мости по действующему уголовному законодательству определяется совокупностью или сочетанием двух критериев — медицинского и юридического. Д. Р. Лунц верно заметил, что когда решается вопрос о вменяемости или невменяемости лица, то характер и тяжесть психических расстройств всегда определяются применительно к критериям невменяемости, которые указаны в законе²⁸⁹. Следовательно, для признания лица невменяемым судебно-психиатрической экспертизе, а в дальнейшем суду, основываясь на экспертном заключении, необходимо установить наличие как медицинского, так и юридического критериев во время совершения лицом общественно опасного деяния.

Исходя из анализа рассмотренных точек зрения понятия невменяемости и уточнений, внесенных законодателем в формулу невменяемости (ч. 1 ст. 21 УК РФ), представляется целесообразным, разумеется, не претендуя на бесспорность, определить ее следующим образом.

Невменяемость представляет собой различные виды болезненных психических расстройств лица, которое во время совершения общественно опасного деяния причиняет или может причинить вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, и не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, что исключает виновность данного лица и признание его субъектом преступления, а также привлечение к уголовной ответственности и назначение ему наказания.

Теперь попытаемся рассмотреть подробнее медицинский и юридический критерии, которые, как нами уже было отмечено, нашли свое законодательное закрепление в ч. 1 ст. 21 УК РФ 1996 г., раскрывающие, по существу, формулу невменяемости.

Медицинский (биологический или психиатрический) критерий, как и в УК РСФСР 1960 г., также представлен наличием четырех групп психических болезней: 1) хронического психического расстройства; 2) временного психического расстройства; 3) слабоумия; 4) иного болезненного состояния психики. При этом, как справедливо замечает Д. Р. Лунц, основное назначение медицинского критерия

²⁸⁹См.: Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 59.

рия невменяемости состоит в том, чтобы его признаки могли охватывать самые различные формы болезненных расстройств психики больного²⁹⁰. Главное же содержание медицинского критерия, по выражению Ю. С. Богомякова, это указание на болезненный характер психических расстройств у субъекта, а не отграничение его от юридического²⁹¹.

Вместе с тем для установления медицинского критерия необходимо наличие хотя бы одного какого-либо психического заболевания любой группы, указанной в законе, которое при этом не всегда может дать основание для признания лица невменяемым, если будет отсутствовать юридический критерий. Необходимо, чтобы медицинский и юридический критерии сочетались и дополняли друг друга, составляя и образуя в совокупности невменяемость.

К первой группе хронических психических расстройств в судебной психиатрии и в уголовном праве относятся заболевания психики человека, которые носят продолжительный характер и практически неизлечимы. Данные заболевания имеют тенденцию как к прогрессированию, так и к ослаблению. Они приводят к глубоким и стойким изменениям личности больного. Такими психическими расстройствами в психиатрии принято считать: шизофрению, эпилепсию, маниакально-депрессивный психоз, сифилис мозга, прогрессивный паралич, старческое слабоумие, эпидемический энцефалит и некоторые другие трудноизлечимые или вообще не излечимые психические заболевания.

Среди психических расстройств в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике наиболее часто встречается такое заболевание, как шизофрения (болезнь Е. Блейлера) — болезнь головного мозга. Данная болезнь может протекать непрерывно и приступообразно. Шизофрения является самым распространенным психическим заболеванием. В психиатрической практике около половины обследованных лиц, признанных невменяемыми, составляют лица, болеющие шизофренией²⁹². Причем наличие этой болез-

²⁹⁰Лунц Д. Р. Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы. С. 11.

²⁹¹См.: Богомяков Ю. С. Уголовно-правовая невменяемость: критерии и признаки //Сов. государство и право. 1989. № 4. С. 107.

²⁹²Судебная психиатрия /Под ред. Г. В. Морозова. М., 1986. С. 139; Советское уголовное право. Общая часть /Под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурианова и Г. А. Кригера. С. 154-155 и др

>>>128>>>

ни не исключает вменяемости лица во время совершения им преступления.

Вопрос о вменяемости при совершении больным преступления решается с учетом также юридического критерия, если он имеет место, в каждом конкретном случае и соответствующей ситуации, а также других обстоятельств, оказавших воздействие на его психическое состояние в данный момент.

Шизофрения может иметь место в любом возрасте. Однако чаще всего этой болезнью заболевают в молодости. Санкт-Петербургским городским судом 12 июня 1999 года в открытом судебном заседании рассмотрено уголовное дело в отношении И., страдающего шизофренией, который на почве личных неприязненных отношений устроил с гражданкой К. ссору. В ходе ссоры И. причинял К. особо мучительные страдания, нанес ей не менее 34 ударов руками и ногами, а также кирпичом в область груди и правой половины плечевого пояса. Продолжая издеваться над своей жертвой, И. вновь нанес 14 ударов кирпичом в область головы и 3 удара в шею, после чего, убедившись, что потерпевшая мертва, вытащил ее труп на улицу.

Совершенное И. общественно опасное деяние содержит признаки преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ — умышленное убийство с особой жестокостью.

Согласно заключению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы И. на протяжении многих лет страдает хроническим психическим расстройством - параноидной шизофренией, и заболевание протекает с периодическими обострениями. С данным диагнозом И. длительное время состоит на учете в ПНД, а во время совершения инкриминируемого ему деяния и после него он не мог осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими.

На основании установленных и исследованных доказательств, в том числе акта судебно-психиатрической экспертизы, И. был признан Санкт-Петербургским городским судом во время совершения общественно опасного деяния и после его совершения невменяемым. В соответствии со ст. 21, 97-99, 101 УК РФ, руководствуясь ст. 408-410 УПК РСФСР, суд от уголовной ответственности И. освободил, назначив ему принудительную меру медицинского характера в виде принудительного лечения в психи-

>>>129>>>

атрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением²⁹³.

В данном случае И. не является субъектом преступления и не может нести уголовную ответственность и подвергаться уголовному наказанию.

Эпилепсия («падучая болезнь») представляет собой психическое заболевание, проявляющееся судорожными или бессудорожными припадками (пароксизмами), а также психозами и специфическими изменениями личности, которые в тяжелых случаях могут привести к слабоумию²⁹⁴.

Среди психических заболеваний данной группы эпилепсия в судебно-психиатрической практике после шизофрении по распространенности является вторым психическим заболеванием.

Частота припадков у больных, которые могут случаться внезапно в любое время и в любом месте, весьма различна: от нескольких припадков в сутки до единичных в течение жизни. Как правило, больные во время припадков теряют сознание, а очнувшись, ничего не помнят.

Вместе с тем при эпилепсии, как и при шизофрении, не исключена вменяемость данного лица в момент совершения им преступления.

Маниакально-депрессивный психоз — заболевание, которое протекает в форме маниакальных и депрессивных фаз. В первом случае маниакальная фаза характеризуется повышенным настроением и чрезмерным возбуждением, во втором случае, при депрессивной фазе, — подавленностью настроения, низкой работоспособностью, неуверенностью в себе и т. п., соматическими и вегетативными расстройствами²⁹⁵. Что же касается прогрессивного паралича, то он обычно проявляется у 1-5% болевших сифилисом спустя 10-12 лет и характеризуется, как правило, быстро нарастающим слабоумием и неврологическими расстройствами. При прогрессивном параличе наблюдается тяжелое поражение мозга, что имеет ме-

²⁹³ Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 2-203/1999.

²⁹⁴ Судебная психиатрия. М., 1997. С. 170-171; Судебная психиатрия. М., 1986. С. 154-155.

²⁹⁵ Судебная психиатрия. М., 1986. С. 167-168.

сто в несколько легкой форме при таком психическом заболевании, как сифилис мозга.²⁹⁶

Хронические психические расстройства медицинского критерия в большинстве своем неизлечимы или трудноизлечимы, носят длительный характер и имеют тенденцию, как правило, к прогрессированию, что создает дополнительные трудности в их профилактике и самом лечении.

Вторую группу заболеваний медицинского критерия образуют временные психические расстройства, протекающие, по сравнению с первой группой психических болезней, за более короткий период времени и поддающиеся излечению. В большинстве случаев эти болезни могут возникать внезапно и заканчиваться полным выздоровлением больного. К таким расстройствам относятся так называемые в психиатрии исключительные состояния, возникающие внезапно в связи с внешней ситуацией и сопровождающиеся кратковременным расстройством сознания.

Исключительные состояния возникают у лиц, которые не страдают психическими заболеваниями, и обычно могут носить эпизодический характер в жизни. К исключительным состояниям относятся: 1) патологическое опьянение, которое следует отличать от простого алкогольного опьянения; 2) патологический аффект; 3) сумеречные состояния сознания; 4) реакция короткого замыкания; 5) патологическое просоночное состояние, а также алкогольные психозы и т. п.²⁹⁷

Данная группа психических расстройств характеризуется именно кратковременным расстройством психической деятельности больного, что не исключает его вменяемости при совершении преступления в каждом конкретном случае и невменяемости при наличии юридического критерия.

Так, патологическое опьянение, относясь к группе острых кратковременно протекающих психических расстройств, характеризуется сумеречным помрачением сознания, бредом и искаженным восприятием окружающей действительности. Данное состояние может иметь место от нескольких минут до нескольких часов и отличается

²⁹⁶Судебная психиатрия. М., 1997. С. 218, 221.

²⁹⁷Судебная психиатрия. М., 1986. С. 298; Судебная психиатрия. М., 1997. С. 195, 241, 245, 247.

>>>131>>>

от простого алкогольного опьянения. Обычно оно возникает на фоне алкогольной интоксикации.

Патологический аффект, в свою очередь, характеризуется кратковременным внезапным расстройством психики, связанным с тяжелыми душевными потрясениями или переживаниями, т. е. с пси-хотравмирующими факторами (смертью близких родственников, тяжелой обидой и оскорблением, причинением имущественного вреда и т. п.).

Сумеречные состояния сознания как разновидность исключительных состояний могут повторно возникать у одного и того же лица. Характеризуются искаженным восприятием окружающего мира или дезориентированностью в окружающей обстановке. Данное психическое состояние сопровождается довольно часто бредом, галлюцинациями, злобой, яростью, что и определяет общественно опасное поведение больного. Реакция «короткого замыкания» также может иметь место в связи с затяжной психотравмирующей ситуацией. Это психическое заболевание выражается в расстройстве сознания либо резко выраженными импульсивными действиями, которые могут быть опасны для окружающих.

Что же касается алкогольных психозов, то среди них достаточно часто встречается, например, белая горячка, возникающая у лица, больного алкоголизмом, обычно от одного до трех дней после прекращения длительной интоксикации спиртными напитками. Белая горячка довольно часто сопровождается зрительными и слуховыми галлюцинациями, агрессивными действиями и сильной возбужденностью. В данный момент больной может нападать или защищаться от мнимых «врагов» или «преследователей», различных тварей, насекомых, животных и т. п., а также совершать общественно опасные действия.

Алкогольный галлюциноз при сохранности сознания у больного, как правило, отмечается наличием у него слуховых и зрительных галлюцинаций, которые постоянно преследуют данное лицо. В свою очередь, алкогольный параноид, как разновидность алкогольного психоза, характеризуется не только галлюцинациями, но и сопровождается бредом, например, преследования, отравления, ревности, мести и т. п., хотя сознание у больного сохранено.

Особо следует заметить, что вопрос о невменяемости при наличии какого-либо временного психического расстройства данной

группы решается — как и при психических болезнях первой группы медицинского критерия — с учетом всех факторов течения болезни и возможности больного правильно ориентироваться в окружающей обстановке и регулировать в ней свое поведение.

Третью группу медицинского критерия образует слабоумие (олигофрения). В психиатрии под олигофренией или врожденным слабоумием понимается патологическое состояние, обусловленное поражением мозга во время родов или приобретенное в раннем детстве в результате болезненных состояний психики ребенка. Чаще всего слабоумие характеризуется недоразвитием мышления, умственных способностей, памяти, внимания и психических функций человека, не только вследствие органических изменений мозга, но также после всякого рода травм, инфекционных и других заболеваний человека. Главным признаком слабоумия является общая психическая неполноценность.²⁹⁸

По степени глубины врожденного или приобретенного недоразвития различают три вида слабоумия: 1) дебильность (легкая форма); 2) имбецильность (менее глубокая); 3) идиотия (наиболее тяжелая форма).

Дебильность — самая легкая и самая распространенная форма слабоумия. Она в большинстве случаев не исключает вменяемости лиц при совершении ими самых различных преступных деяний, так как они могут осознавать характер своего поведения и руководить им в соответствующей обстановке. При данной форме слабоумия у лица наблюдается недостаточность интеллекта и отсутствие способностей к абстрактному мышлению либо просто примитивно само мышление.

Имбецильность представляет собой менее глубокую степень врожденного слабоумия. Среди других форм олигофрении данная болезнь составляет около 10%²⁹⁹. Страдающие этой болезнью представляют определенную опасность для окружающих и склонны в период ее обострения совершать самые различные преступления. Чаще всего эти общественно опасные действия характеризуются отсутствием их осознанности и понимания, что они носят противозаконный характер.

²⁹⁸Судебная психиатрия. М., 1997 С 351-352, Судебная психиатрия М., 1986 С 249-250.

²⁹⁹Судебная психиатрия М., 1986 С 253

Идиотия - - наиболее тяжелая форма врожденного слабоумия. При данном заболевании у лица почти полностью отсутствует речь и другие психические функции. Как правило, эти больные находятся на стационарном лечении, нуждаются в постоянном уходе. Действия больных на данной стадии олигофрении в период возбуждения и воздействия на них внешних раздражителей склонны привести к ярости по отношению к окружающим и самому себе, а также совершению преступлений. Чаще всего данная категория больных во время совершения преступлений, по заключениям судебно-психиатрических экспертиз, признается невменяемыми.

Четвертую группу психических болезней медицинского критерия образуют психические расстройства, которые в законе отнесены к иным болезненным состояниям психики. При этом под ними законодатель подразумевает не любые виды болезненных состояний, как имело место в УК РСФСР 1960 г., а только те, которые связаны с болезненным состоянием психики лица и могут быть причиной или являться основанием для признания больного лица невменяемым. Данные болезни, как правило, сопровождаются различными временными нарушениями психики, не являются хроническими или временными психическими расстройствами, но по своим психопатологическим признакам и свойствам, в зависимости от протекания болезни, могут быть приравнены к ним. К таким заболеваниям относятся: некоторые формы психопатий, характеризующиеся врожденными или приобретенными расстройствами эмоционально-волевой сферы личности при общей сохранности интеллекта; различные психические расстройства после перенесенных тяжелых инфекционных заболеваний (при сыпном или брюшном тифе); нервно-психические расстройства у наркоманов в период наркотического голодания; психические изменения личности, связанные с глухонемой или полной слепотой и др. Любое из перечисленных психических расстройств или болезней психики в отдельности может оказаться достаточным для признания наличия медицинского критерия невменяемости.

Однако наличие какого-либо психического расстройства (медицинского критерия) не всегда даст основание говорить о состоянии невменяемости. Необходимо, чтобы психическое заболевание достигло такой степени, когда при совершении преступления лицо не могло осознавать свои действия либо не могло руководить ими. В

данном случае речь идет о юридическом (психологическом) критерии невменяемости, который и определяет глубину и сущность психических болезней медицинского критерия. Юридический критерий, по утверждению Д. Р. Лунца, определяет тяжесть психических нарушений в психологических понятиях, которые исключают вменяемость лица и тем самым делают понятными суду результаты экспертной оценки³⁰⁰.

Юридический (психологический) критерий, таким образом, заключается в отсутствии у лица во время совершения преступления возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения (интеллектуальный момент) и руководить им (волевой момент). Данный критерий занимает особое место в определении невменяемости, позволяя охватывать любые расстройства в эмоциональной сфере, поскольку деятельность органов чувств и т. п. непосредственным образом связана с деятельностью как сознания, так и воли человека.

Интеллектуальный момент (юридического критерия) означает невозможность лица осознавать свои действия во время совершения преступления, т. е. неспособность лица, имеющего какое-либо психическое расстройство, в полном объеме осознавать фактический характер и общественную опасность своего преступного поведения в той или иной конкретной ситуации или обстановке. Нарушение нормальной мыслительной деятельности психически больного не позволяет и лишает его возможности правильно ориентироваться в объективной реальности и воспринимать окружающую обстановку и явления внешнего мира. Лицо с расстройством психики, в каждом конкретном случае, не только не осознает свои действия, но и не понимает, к каким последствиям они могут привести в конечном итоге. Не случайно интеллектуальный момент юридического критерия невменяемости выражен в уголовном законе (ч. 1 ст. 21 УК) словами «... не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) ...» в силу какого-либо психического расстройства.

Таким образом, для признания невменяемости уже достаточно совокупности одного из перечисленных в законе психических рас-

³⁰⁰См.: Лунц Д. Р. Критерии невменяемости в практике судебно-психиатрической экспертизы. С.20-21; Он же: Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 61.

стройств медицинского критерия и интеллектуального момента юридического критерия. При этом данная ситуация может иметь место при известной сохранности волевого момента юридического критерия, что бывает довольно часто в судебно-психиатрической и судебно-следственной практике.

Следует отметить, что на практике имеют место и случаи, когда лицо осознает свое поведение, но у него отсутствует возможность руководить своими действиями, т. е. у него поражена волевая сфера. Речь в данном случае идет о волевом моменте юридического критерия. Обычно неспособность лица осознавать свои действия, как правило, связана с наличием волевого момента — невозможностью руководить этими действиями.

Волевой критерий невменяемости, следовательно, выражается в невозможности лица в силу психического расстройства, т.е. болезненного состояния, руководить своими действиями. Психическая болезнь, оказывая разрушительное воздействие на сознание человека, приводит к расстройству и других его психических функций, в результате чего лицо не только не способно осознавать и понимать свое поведение и поступки, но и не может руководить своими действиями и, в частности, управлять своей волей. Неспособность руководить своими действиями при их осознанности может выражаться, например, у психически больных, которые испытывают непреодолимое влечение к кражам (клептомания), страсть к поджогам (пиромания), стремление к бесцельным путешествиям, чаще всего выраженном в бродяжничестве (дромомания), стремление совершить убийство или самоубийство (гомицидомания, суицидомания) и др. Данные больные при осознанности своих действий и при наличии одного из психических расстройств (психической болезни) не в состоянии противостоять этим влечениям и стремлениям, которые преследуют их постоянно и не дают им покоя.

Таким образом, состояние невменяемости, образуя совокупность медицинского и юридического критериев, допускает либо отсутствие способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (интеллектуальный момент), либо руководить ими (волевой момент) во время совершения преступления. Вместе с тем, как отмечает Д. Р. Лунц, правильное понимание юридического критерия, представляющего степень (тяжесть) болезненных расстройств, устраняет возможность разрыва между

клинической картиной и ее судебно-психиатрической оценкой, что подтверждает единство медицинского и юридического критериев³⁰¹.

На практике встречаются случаи, когда интеллектуальный и волевой моменты юридического критерия при совокупности с медицинским критерием обуславливают невменяемость лица во время совершения им общественно опасного деяния. В данном случае речь может идти, если можно так сказать, об «идеальном» состоянии невменяемости, когда при наличии какого-либо психического расстройства лицо не только не способно осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), но и руководить ими во время совершения правонарушения. Обычно это имеет место при патологическом опьянении либо хронических психических расстройствах и других болезненных состояниях.

В данном отношении характерно уголовное дело Майгиса Б. А., который 15 июля 1985 г. совершил хулиганские действия в Государственном Эрмитаже (зал № 254). В присутствии посетителей, грубо нарушив общественный порядок, он с целью уничтожения нанес порезы ножом и облил серной кислотой картину Рембрандта «Да-ная» — шедевр мирового искусства, и значительно повредил ее. Он же совершил приготовительные действия, направленные на уничтожение этой картины (государственного имущества), общеопасным способом — путем взрыва, т. е. совершил общественно опасные деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 206, ч. 2 ст. 98, ч. 1 ст. 218 УК РСФСР.

В ходе расследования уголовного дела в отношении Майгиса была проведена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, которая дала заключение о том, что Майгис страдает хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении вялотекущей. Данное заболевание лишает Майгиса способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. Возникло это психическое заболевание до совершения инкриминируемых ему преступных деяний. По заключению стационарной судебно-психиатрической экспертизы Майгис был признан невменяемым.

³⁰¹См.: ЛунцД. Р Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 64.

>>>137>>>

Дзержинский народный суд г. Ленинграда, внимательно изучив материалы уголовного дела и заключение стационарной судебно-психиатрической экспертизы, не усмотрев в нем никаких противоречий и взяв его за основу в своем определении по данному вопросу, при наличии совокупности медицинского и юридического критериев в отношении инкриминируемых Майгису деяний, признал его невменяемым, назначив ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа МВД СССР, т. е. применил к нему принудительные меры медицинского характера.³⁰²

Следовательно, невменяемость определяется сочетанием медицинского и юридического критериев, что позволяет дать всестороннюю оценку психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние, не признавая его субъектом преступления. Однако вывод (заключение) судебно-психиатрической экспертизы о невменяемости лица во время совершения преступления не посягает на право суда об окончательном решении по данному вопросу, так как сочетание критериев невменяемости дает основание не только для правовой оценки самого лица, но и для правовой оценки как содеянного, так и наступивших последствий.

Так, изучение судебной практики Санкт-Петербургского городского суда и Ленинградского областного суда 1 -й и 2-й инстанций, а также федеральных судов Ленинградской области за период 1990-1998 гг. показало, что из лиц, совершивших общественно опасные деяния, подвергнутых судебно-психиатрическим экспертизам, суды, согласно заключениям экспертов, правильно признавали невменяемыми данных лиц, указывая, как правило, совокупность двух критериев и только за редким исключением они руководствовались одним критерием (табл. 5).

Таким образом, лица, совершившие преступления, в судебном порядке признанные невменяемыми, в силу закона не подлежат уголовной ответственности и наказанию, а следовательно, не являются субъектами преступления.

³⁰² Архив Дзержинского районного народного суда г. Ленинграда Дело № 1-479/1985.

Таблица 5

Показатели судебной практики	Годы								
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Всего привлечено к суду лиц Городским судом 1-й инстанции	321	291	242	613	267	267	300	333	357
Признаны невменяемыми	4	8	8	5	12	6	5	5	12
В процентах	1,2	2,7	3,3	0,8	4,5	2,2	1,7	1,5	3,4
Всего привлечено к суду Лен. областным судом 1-й инстанции	71	93	148	213	31	148	120	132	126
Признаны невменяемыми	1	1	3	8	3	6	2	6	2
В процентах	1,4	1,8	0,02	3,7	2,3	4,0	1,7	4,5	1,6
Всего привлечено к суду Федеральными судами Лен. области	7040	7173	8096	9671	1233	1319	1378	1291	917
Признаны невменяемыми	51	54	74	84	112	118	136	124	9
В процентах	0,7	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9	0,1	0,1	0,1

Вместе с тем в случае сомнения в правильности и обоснованности заключения судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, и для уточнения других вопросов, связанных с психическим расстройством этого лица, суд для разрешения этих сомнений в соответствии со ст. 81 УПК РСФСР вправе назначить повторную экспертизу для окончательного установления вменяемости или невменяемости правонарушителя во время совершения инкриминируемого ему деяния.

Таким образом, невменяемость определяется не только самим фактом совершения преступного деяния, но и прежде всего наличием у данного лица во время его совершения хронического или временного психического расстройства, слабоумия или другого болезненного состояния психики, охватываемых не только медицинским, но и юридическим критериями, определяемыми судебно-психиатрической экспертизой. Суд же, установив фактические обстоятельства по уголовному делу и принимая во внимание заключение судебно-психиатрической экспертизы в соответствии с уголовным и уголов-

>>>139>>>

но-процессуальным законодательством, окончательно приходит к решению (выводу) о вменяемости или невменяемости того или иного лица во время совершения им инкриминируемого деяния.

В свою очередь, как мы уже отмечали, лицо, совершившее преступное деяние в состоянии невменяемости, согласно ч.1 ст. 21 УК РФ не подлежит уголовной ответственности и наказанию. Таким лицам по решению суда в соответствии со ст. 97-104 УК РФ могут быть назначены принудительные меры медицинского характера.

Анализ судебной практики за период 1990-1998 гг. по Санкт-Петербургу и Ленинградской области свидетельствует о том, что ко всем лицам, которые признаны невменяемыми, суд справедливо назначает конкретную меру медицинского воздействия, учитывая психическое расстройство и заболевание лица, а также характер и степень общественной опасности совершенного им деяния.

Вышеизложенное данного раздела позволяет сделать вывод, что состояние невменяемости лица во время совершения им общественно опасного деяния является обстоятельством, исключающим признание его субъектом преступления. В свою очередь, научное понимание невменяемости теоретиками и практиками определяет правильный их подход к этой сложной проблеме и разрешению конкретных задач по борьбе с преступностью и осуществлению правосудия в целом.

§ 2. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством

Абсолютно новым, интересным и не бесспорным для российского законодательства является положение, нашедшее свое закрепление в ч. 3 ст. 20 УК РФ. Согласно тексту закона, несовершеннолетнее лицо в возрасте от 14 до 18 лет не подлежит уголовной ответственности, если на время совершения преступления оно имело отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, и не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего преступного поведения либо руководить им. В данном случае имеет место одно из обстоятельств, исключающих уголовную ответственность в отношении

совершившего общественно опасное деяние несовершеннолетнего лица, которое не является субъектом преступления.

В уголовно-правовой литературе встречаются различные подходы и обоснования этого положения, сформулированного законодателем в ч. 3 ст. 20 УК РФ, чаще всего определяемые авторами как «возрастная невменяемость»³⁰³, «возрастная невменяемость»³⁰⁴, другие просто отождествляют эти понятия³⁰⁵. В дальнейшем, например, Г. В. Назаренко несколько уточняет положение, зафиксированное законодателем в ч. 3 ст. 20 УК РФ. С точки зрения ученого, понятию «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» более соответствует категория «возрастная незрелость», служащая для обозначения обстоятельства, исключающего уголовную ответственность несовершеннолетних.³⁰⁶

Представляется, что отмеченные утверждения являются несостоятельными и требуют своего дальнейшего изучения и уточнения, хотя, как правильно указывают Р. И. Михеев, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов и другие, речь в данном случае может идти о психическом или социальном инфантилизме.

В связи с этим следует отметить, что предлагаемые названия «возрастная невменяемость» и «возрастная невменяемость», встречающиеся в юридической литературе, по своей сути и содержанию не оправданы, так как они не вытекают из смысла и логики самого закона, а также не соответствуют понятию невменяемости, которое определено и закреплено законодателем в ч. 1 ст. 21 УК РФ, рассмотренному нами в предыдущем параграфе.

Здесь, скорее, следует говорить об ограниченной способности несовершеннолетнего лица, возникающей не в связи с каким-либо психическим расстройством, а вследствие отставания или задержки у него психического развития, обусловленных самыми различными

³⁰³См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (с коммент. Б. В. Волженкина). СПб., 1996. С. 194; Кругликов Л. Л. Комментарий к Уголовному кодексу РФ /Под ред. А. И. Бойко. С. 83; Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 187 и др.

³⁰⁴См.: Назаренко Г. В. Уголовное законодательство России: Учеб. пособие. М., 1998. С.16.

³⁰⁵См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. С. 45.

³⁰⁶См.: Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001, С. 31.

причинами, факторами, возрастными, медико-биологическими особенностями. Такими причинами, например, могут быть: общее недоразвитие всего организма, в частности психической деятельности, органические повреждения центральной нервной системы, социальная и педагогическая запущенность, различные аномалии, проявляющиеся в нарушении психического развития, и другое. Обращает на это внимание в своей монографии и Г. В. Назаренко, особо подчеркивая, что в качестве причин, детерминирующих отставание несовершеннолетних в психическом развитии, которое не связано с психическими расстройствами, как правило, выступает сочетание дефицита здоровья с дефектами воспитания. Однако попытки перенести проблему отставания в психическом развитии чаще всего в медицинскую (судебно-психиатрическую) плоскость не соответствует формуле закона (ч. 3 ст. 20 УК РФ)³⁰⁷

В теоретической модели уголовного кодекса (ч. 2 ст. 24) Р. И. Михеев отмечал, что устранение уголовной ответственности имеет место в связи не с невменяемостью лица, а с задержкой в психофизиологическом развитии несовершеннолетнего, вызванной не психической болезнью, а психической возрастной отсталостью, педагогической запущенностью, а также социальным инфантилизмом³⁰⁸. При этом в данной ситуации следует говорить с достаточной определенностью не о наличии, в соответствии с ч. 3 ст. 20, медицинского критерия невменяемости, а о его отсутствии, который законодателем, как мы уже отмечали, предусмотрен в ч. 1 ст. 21 УК РФ наряду с юридическим критерием.

В детском и подростковом возрасте от 14 до 16 лет, отмечал еще в 1968 г. О. Е. Фрейеров, головной мозг полностью не сформировался в результате физиологического недоразвития, а не болезненного состояния; противоправное действие не инкриминируется в таком возрасте, так как в этом случае надо говорить не о юридическом понятии невменяемости, которое определено уголовным законом, а о неспособности несовершеннолетнего полностью сознавать значение своих действий³⁰⁹.

³⁰⁷ Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М., 2001., С. 135.

³⁰⁸ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 69.

³⁰⁹ См.: Фрейеров О. Е. Возрастной критерий уголовной ответственности // Соц. законность. 1968. № 12. С. 39.

>>>142>>>

Возможность случаев отставания в развитии несовершеннолетних, не связанного с психическим расстройством (правда, требующих уточнений), предусмотрена и в уголовно-процессуальном законе. В ч. 2 ст. 392 УПК РСФСР законодателем указана необходимость при производстве предварительного следствия и судебного разбирательства и при наличии данных об умственной отсталости несовершеннолетнего, не связанной с психическим расстройством, выявлять, мог ли он в данном случае в полном объеме сознавать значение своих действий во время совершения преступления. Данное положение в уголовно-процессуальном законодательстве было уточнено с вступлением в силу 1 января 1997 г. Уголовного кодекса РФ.

Теперь в ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР, которая предусматривает обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, прямо закреплено, что уголовное дело подлежит прекращению в отношении несовершеннолетнего, который достиг возраста, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 ст. 20 УК РФ, однако вследствие отставания в психическом развитии, которое не связано с психическим расстройством, во время совершения преступления не мог в полной мере осознавать общественную опасность своих действий либо руководить ими.³¹⁰

Таким образом, речь в определенном смысле идет об отставании несовершеннолетнего лица в психическом развитии, которое чаще всего не соответствует паспортному возрасту на год, два и более лет. Отсюда, устанавливая возраст привлечения к уголовной ответственности, законодатель исходит из убеждения, что, достигнув предусмотренных в УК возрастных границ, несовершеннолетний может в полной мере понимать общественную опасность своего деяния и руководить им, даже если оно имеет криминальный оттенок. Сказанное позволяет согласиться с Г. Н. Борзенковым, который полагает, что, исходя из принципов уголовного права, более правильно говорить в ч. 3 ст. 20 УК РФ об отставании в психическом развитии, чем бы оно ни было вызвано, главное, что вследствие этого несовершеннолетний, совершая преступное деяние, не мог в полной мере осознавать общественную опасность своих действий или руководить ими.³¹¹

³¹⁰Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (по состоянию на 1 января 1997 г.) СПб., 1997. С. 5.

³¹¹Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М., 1999, С. 270.

При ситуации, когда у несовершеннолетнего лица имеет место отставание психического развития, не связанное с психическим расстройством, и когда во время совершения преступления оно не может полностью осознавать общественную опасность своих действий либо руководить ими, вопрос об уголовной ответственности данного лица не ставится. В этом случае отставание в развитии несовершеннолетнего лица в какой-то мере позволяет говорить о той или иной разновидности инфантилизма³¹², вследствие которого и при определенных обстоятельствах лицо совершает преступление.

Вместе с тем следует заметить, что законодатель, предусматривая в ч. 3 ст. 20 УК РФ это состояние, связанное с отставанием психического развития несовершеннолетнего, но не с психическим расстройством, при отсутствии конкретизации как бы дает повод к различному пониманию этого нововведения, а порой и неоднозначному толкованию самого закона. Данное обстоятельство в определенной степени порождает своеобразные трудности в судебно-следственной практике при решении вопросов о привлечении к уголовной ответственности данной категории лиц при совершении ими преступлений.

Представляется, что законодательную формулировку отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, зафиксированную в ч. 3 ст. 20 УК РФ, и понятие «задержка психического развития» (ЗПР), употребляемое чаще всего в педагогике (дефектологии), психологии, медицине и т. п., видимо, следует рассматривать как одинаковые понятия, несущие равнозначную

³¹²Инфантилизм, с точки зрения медицины, рассматривается как клинический синдром различного генезиса, который характеризуется задержкой развития организма при сохранении у больного лица физиологических, а также психических особенностей, как правило, характерных более раннему возрасту. Лечение должно быть направлено на основное заболевание, вызвавшее задержку развития (См.: БМЭ. Т. 9. С. 306, 308). Инфантилизм, как отмечает О. Е. Фрейеров, представляет собой общее недоразвитие всего организма, в том числе и психической деятельности. (См.: Фрейеров О. Е. Возрастной критерий уголовной ответственности. С. 40). Инфантилизм — сохранение в организме и психике человека различных особенностей, присущих раннему возрасту. Физический инфантилизм, как правило, вызван инфекционными заболеваниями, интоксикациями, а также неполноценным питанием и т. п. Психический инфантилизм представляет собой, в основном, отставание в личностном развитии. Общий гармонический инфантилизм характеризуется задержкой развития роста, веса и т. п. Существуют и другие виды инфантилизма, преимущественно обусловленные недостатками воспитания и т. п. (См.: Дефектология: Словарь-справочник / Авт.-сост. С. С. Степанов; Под ред. Б. П. Пузанова. М., 1996. С. 36 и др.).

смысловую нагрузку. Что же касается терминов «отставание» и «задержка» применительно к рассматриваемым понятиям, вероятно, о них можно говорить как о синонимах, хотя каждый из них может иметь самую различную дополнительную окраску, исходя из принадлежности предмета исследования.

Задержка психического развития представляет собой основной тип аномалии, которая проявляется в нарушении нормального темпа психического развития ребенка. Она может быть вызвана дефектами конституции ребенка (гармонический инфантилизм), соматическими заболеваниями или органическими поражениями ЦНС и т. п. При этом, в отличие от олигофрении, при которой в основном наблюдается устойчивое общее недоразвитие психики у детей с ЗПР, само недоразвитие высших психических функции имеет временный характер.³¹³

Следовательно, речь в данном случае идет о не совсем полноценном или ограниченном психическом развитии несовершеннолетнего при отсутствии расстройства психики, в результате чего он не может в полной мере осознавать преступность своего поведения либо руководить им. Вместе с тем сама возможность оценки своего поведения у данных лиц приобретается в процессе постепенного усвоения ими на разных этапах жизненного пути норм, правил, общественных и социальных ценностей в детском саду, семье, школе, трудовых коллективах и т. п., хотя и они еще не в полном объеме включены в социальную структуру общества.

Причины отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством несовершеннолетних, достаточно многообразны и, как правило, коренятся на ранней стадии развития ребенка и даже до момента его рождения, а впоследствии и после рождения.

Причины задержек психического развития, отмечают Т. А. Власова и М. С. Певзнер, могут возникнуть из-за явлений токсикоза или нарушения питания матери во время беременности, из-за недоношенности, в результате легких природных травм, дистрофии и дизентерии, перенесенных ребенком в жизни, и т. п.³¹⁴.

³¹³См.: Дефектология: Словарь-справочник. С. 32; Здесь же следует заметить, что в соответствии с международной классификацией болезней (МКБ — 10) ЗПР предлагается переименовать — нарушение психологического развития детского возраста. (См/ Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств /Под ред. Ю. Г. Нуллера, С. Ю. Циркина. СПб., 1994.)

³¹⁴См.: Власова Т. А., Певзнер М. С. Учителю о детях с отклонениями в развитии. М., 1967. С. 75.

В свою очередь, исследования, проведенные в СССР, показали, что стойкие формы задержки психического развития чаще всего связаны с органическими повреждениями центральной нервной системы. Данное обстоятельство позволяет отличать ЗПР от олигофрении, при которой преобладают не повреждения, а недоразвитие мозговых структур³¹⁵. Вместе с тем проведенное массовое обследование (около 3000) 6-летних детей позволило квалифицировать задержку психического развития у 50% воспитанников городских детских садов. Причинами же отставания в развитии этих детей являлись, как правило, слабое здоровье с раннего детства и общая педагогическая запущенность с ясельного возраста или младшего дошкольного возраста³¹⁶.

По данным психологического исследования, так называемые «трудные подростки» с ЗПР, обнаруживающие неустойчивость в психике, даже к 16-17 годам еще не имеют должного уровня развития самосознания и, следовательно, у них нет перехода к позитивной фазе подросткового возраста, в связи с чем сохраняется преимущественно незрелость эмоционально-волевой сферы³¹⁷.

Отставание в психическом развитии несовершеннолетнего может быть обусловлено и длительными физиологическими заболеваниями, неблагоприятными и неправильными условиями воспитания, длительной изоляцией ребенка от семьи, своих сверстников, ранним употреблением спиртных напитков и наркотических средств, употреблением одурманивающих веществ, личностными отклонениями и другими причинами и условиями, способствующими задержке общего темпа развития организма, а также порождающими психическую незрелость на ранней стадии формирования личности ребенка или подростка.

Причинами отставания в психическом развитии может являться как алкоголизм родителей с возможным наступлением самых неблагоприятных последствий для будущих детей, так и их сиротство, которое в последние годы приобрело широкие масштабы.

³¹⁵См.: Задержка психического развития детей и пути ее преодоления: Обзорная информация / Под ред Т. А. Власовой. М., 1976. Вып. 13. С. 10.

³¹⁶См.: Ульяновская У. В. Шестилетние дети с задержкой психического развития. М., 1990. С. 3.

³¹⁷См.: Лебединская К. С., Райская М. М., Грибанова Г. В. Подростки с нарушениями в аффективной сфере. М., 1988. С. 106.

Исследование сирот детей и подростков в возрасте от 7 до 17 лет, находящихся в школах-интернатах Москвы, показало, что практически у всех обнаруживалась задержка психического развития. Так, в 30% задержка развития была легкой и мало чем отличалась от обычной педагогической запущенности, а в 48% задержка была более выраженной и обуславливалась снижением уровня мышления и работоспособности. Многие из них обнаруживали склонности к совершению преступлений (хулиганство, кражи) и других правонарушений. Недоразвитие эмоционально-потребностной сферы, образного и абстрактного мышления в целом являлись причиной плохой успеваемости.³¹⁸ По разным оценочным данным, в конце 90-х годов у нас в стране насчитывалось от двух до четырех миллионов детей-беспризорников.³¹⁹

В свою очередь, проведенное нами изучение исследований Городской межведомственной психолого-медико-педагогической консультации, созданной в 1994 г. Комитетом по образованию Администрации Санкт-Петербурга и городской комиссии с соответствующим названием, показало, что наряду с выполнением функций высшей экспертной службы и других многочисленных обязанностей Консультация оказывает специализированную помощь детям, имеющим отставания в психофизическом развитии. При этом особое внимание специалистами обращается не только на необходимую помощь населению по своевременному выявлению, постановке на учет, обучению, диагностике и т. п. детей с различными отклонениями и ЗПР, но и на оказание квалифицированных психолого-медико-педагогических услуг, особенно детям-сиротам детских домов и школ-интернатов.

Интересны данные обследования детей с отставанием психического развития, прошедших городскую межведомственную психолого-медико-педагогическую комиссию с уточненными диагнозами, приведенные в табл. 6.

³¹⁸См.: Калинина М. А., Просвлякова М. Е. О психических последствиях воспитания детей и подростков в условиях сиротства. Социальная дезадаптация, нарушения поведения у детей и подростков // Матер, российской науч.-практич конф., 26-28 ноября 1996г. М., 1996. С 111-112

³¹⁹См.: Криминология / Под ред. А. И. Долговой. С. 690.

Таблица 6

Виды диагнозов	Годы			
	1997		1998	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Общее число обследованных детей с диагнозами	511	100	496	97,25
Специфические задержки развития	16	3,13	58	11,37
Смешанные нарушения развития	63	12,33	-	-
Задержки интеллектуального развития (включая состояние психического инфантилизма с задержкой интеллектуального развития)	86	16,83	124	24,31
Другие виды диагнозов	346		314	

Таким образом, из таблицы видно и можно констатировать тот факт, что в подавляющем большинстве у детей встречаются задержки интеллектуального развития (включая состояние психического инфантилизма с задержкой интеллектуального развития), составившие в 1997 г. 16,83 % и за аналогичный период времени в 1998 г. — 24,31 %. На втором месте обычно встречаются дети с диагнозом: смешанные нарушения развития -- 12,33 % в 1997 г. и специфические задержки развития — 11,37 % в 1998 г.

В табл. 7 приведены статистические материалы по психиатрическому обследованию детей на базе данной Консультации Санкт-Петербурга с диагнозом «смешанные специфические расстройства» по возрастным группам и полу в процентном отношении.

>>>148>>>

Из табл. 7 видно, что традиционно с диагнозом «смешанные специфические расстройства», куда входит и задержка в психическом и других видах развития, значительный процент составляют мальчики. Возрастные же характеристики показывают, что как отставания в психическом развитии, так и отставания с признаками психических расстройств характерны, как правило, для детей возрастных групп 7-10 лет и 11-13 лет и значительно реже наблюдаются в более старшем возрасте 14-17 лет.

Таким образом, причины отставания в психическом развитии у несовершеннолетних, не связанного с психическим расстройством, как мы уже отмечали, могут быть разные: клинические, хронические заболевания женщин в период их беременности, заболевания и различные травмы детей первых лет жизни, психофизиологического и личностного характера, педагогические, недостатки в воспитании, социальные и т. п.

Следовательно, в результате вышеуказанных и других причин, имеющих место в раннем детстве и в подростковом возрасте, а также под влиянием внешних неблагоприятных факторов окружающей среды, оказывающих негативное воздействие на эмоционально-волевые свойства личности, происходит отставание в психическом развитии несовершеннолетнего, которое мешает ему правильно адаптироваться в обществе и формировать индивидуальные качества, с точки зрения полной осознанности своего поведения.

В свою очередь, разнообразные причины, негативные условия социальной среды и совокупность множества отрицательных факторов способны достаточно активно влиять и, в частности, воздействовать не только на дальнейшее отставание психического развития несовершеннолетнего, но и порождать у него личностные деформации, выражающиеся в гипертрофированных интересах, потребностях, ценностных и общепольных ориентациях, которые при определенных, чаще всего неблагоприятных, ситуациях могут привести к совершению преступления.

Если же несовершеннолетнее лицо, как мы уже неоднократно отмечали, достигло минимальных и максимальных возрастных границ, предусмотренных в законе, и совершило преступление при указанных в ч. 3 ст. 20 УК РФ обстоятельствах, оно не может подлежать уголовной ответственности, так как не является субъектом общественно опасного деяния.

>>>149>>>

В результате установления данного обстоятельства, исключая привлечение несовершеннолетнего лица к уголовной ответственности, у органов дознания, предварительного следствия и суда возникает не право, а предусмотренная уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 5 УПК) обязанность прекратить уголовное дело, если оно находится в производстве.

Однако для установления отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, как на предварительном следствии, так и в суде должна в обязательном порядке проводиться комплексная психолого-медико-педагогическая экспертиза, в работе которой желательно участие эксперта-психиатра, а при необходимости целесообразно приглашение и других специалистов или консультантов.

Возможно также в отношении данной категории лиц проведение комплексной судебной психолого-медико-психиатрической экспертизы с приглашением педагога, желательно специалиста в области дефектологии.

В судебно-следственной практике решение данных вопросов в некоторых случаях осуществляется судебной психолого-психиатрической экспертизой на базе судебно-психиатрической экспертизы (в частности в Санкт-Петербурге).

Вместе с тем в связи со сложностью, а иногда и по другим причинам невозможно проводить в отношении данной категории несовершеннолетних, совершивших преступление, комплексные экспертизы как на стадии предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства. Поэтому в некоторых случаях они проводятся специалистами в какой-либо одной области знаний (медицины, педагогики или психологии).

В качестве примера можно привести уголовное дело СО Ломоносовского РУВД г. Санкт-Петербурга в отношении несовершеннолетнего А., который совершил в конце 1998 г. две кражи чужого имущества. Одна из них была совершена с проникновением в квартиру с причинением потерпевшему значительного ущерба, а другая связана с похищением личных вещей учащихся из школьного гардероба. В инкриминируемых ему деяниях, предусмотренных п. «в» и «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, данное лицо полностью призналось.

В рамках уголовного дела на стадии предварительного следствия в отношении обвиняемого следователем была проведена психо-

>>>150>>>

логическая экспертиза. Согласно заключению данной экспертизы, у несовершеннолетнего были установлены признаки отставания в развитии, выразившиеся в недостаточном развитии познавательных функций, а это давало возможность судить о том, что к моменту совершения преступления он по своему умственному развитию не достиг уровня 14-летнего возраста.

Принимая во внимание обстоятельства уголовного дела и основываясь на заключении психологической экспертизы, что несовершеннолетнее лицо вследствие отставания в психическом развитии не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими, в соответствии с п. 5 ч. 1, ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 20 УК РФ следователем уголовное дело было прекращено, а данное лицо освобождено от уголовной ответственности³²⁰.

При этом следует отметить, что случаи расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних, совершивших преступления, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, без проведения комплексных соответствующих экспертиз в судебно-следственной практике не единичны. В конечном счете данное обстоятельство не способствует полному и объективному рассмотрению существа вопроса по уголовному делу, а от ответственности освобождается лицо, которое обладает признаками субъекта преступления.

Вместе с тем в судебно-следственной и прокурорской практике имеют место случаи необъективного и необоснованного решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, когда во время совершения общественно опасного деяния они не могут в полной мере осознавать преступность своих действий либо руководить ими.

Так, органами следствия несовершеннолетнему Бабушанову было предъявлено обвинение в совершении изнасилования малолетней с угрозой убийства. Данные действия следователем были квалифицированы по ч. 4 ст. 117 УК РСФСР.

³²⁰Материалы уголовного дела следственного отдела Ломоносовского РУВД г. Санкт-Петербурга. 1998г.

>>>151>>>

Судебной коллегией по уголовным делам Смоленского областного суда установлено, что Бабушановым совершено покушение на изнасилование, предусмотренное ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ; несовершеннолетний от уголовной ответственности на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ был освобожден.

Однако прокурор в частном протесте поставил вопрос об отмене определения в связи с неправильной квалификацией судом действий Бабушанова, а также необоснованным освобождением его от уголовной ответственности. Сославшись на материалы уголовного дела, государственный обвинитель утверждал, что, по его мнению, Бабушанов совершил оконченное преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 131 УК РФ, сам обвиняемый достиг 14-летнего возраста, а по заключению эксперта-психиатра является вменяемым, что не вызывает сомнений.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 1998 г., в свою очередь, протест прокурора оставила без удовлетворения, справедливо указав на его полную необъективность и несостоятельность приводимых в нем доводов.

При этом Судебная коллегия совершенно справедливо не согласилась с доводами прокурора о привлечении Бабушанова к уголовной ответственности за изнасилование, которое не подтверждено в этой части заключением судебно-медицинской экспертизы о совершении насильственного полового акта с потерпевшей. Кроме того, по заключению экспертов, проводивших стационарную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, у несовершеннолетнего обнаружены признаки врожденного умственного недоразвития в форме олигофрении в легкой степени дебильности с эмоционально-волевыми нарушениями.

В результате личностных особенностей его развития и поведения Бабушанов не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность совершенных им противоправных действий, а также не мог в полной мере руководить ими. Из материалов уголовного дела усматривается и такое обстоятельство, что Бабушанов по своему умственному развитию значительно отставал от своих сверстников, т. е., обучаясь в школе, он не научился писать и считать.

С учетом указанных и других данных материалов дела суд обоснованно пришел к выводу, что Бабушанов по своему психиче-

>>>152>>>

скому развитию не соответствует 14-летнему возрасту. И на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ правильно освободил его от уголовной ответственности.³²¹

В настоящее время, в связи с новым положением в уголовном законе (ч. 3 ст. 20 УК РФ), вряд ли можно говорить о четко налаженной в стране системе и организации проведения экспертиз в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, а также о безошибочных решениях в судебной-следственной практике работников суда, прокуратуры и следствия. Вместе с тем сама законодательная формулировка (ч. 3 ст. 20) требует конкретизации и уточнения, а также комплексного подхода к изучению этого психического состояния как в теории, так и на практике.

В связи с этим и на основании вышеизложенного, а также в целях конкретизации формулы уголовного закона (ч. 3 ст. 20 УК РФ) и его эффективности на концептуальном и законодательном уровнях представляется целесообразным предложить следующие рекомендации:

1. Для более четкого отграничения положений, зафиксированных в ч. 3 ст. 20 и ч. 1 ст. 22 УК РФ, предлагается включить в Уголовный кодекс РФ самостоятельную норму — ст. 20' с названием «Лица, не подлежащие уголовной ответственности» в следующей редакции: «Если несовершеннолетнее лицо достигло возраста, предусмотренного ст. 20 настоящего Кодекса, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могло полностью осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, оно не подлежит уголовной ответственности».

2. Существенным моментом для улучшения работы по проведению медицинского, психологического и психиатрического обследований несовершеннолетних с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, совершивших различные преступления, представляется важным в наиболее крупных городах страны создать комплексные стационарные и амбулаторные

³²¹См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 9-10.

>>>153>>>

психолого-медико-педагогические или судебно-психолого-медико-психиатрические экспертизы с приглашением на них в первом варианте эксперта-психиатра, а во втором — специалиста в области педагогики.

3. С учетом того, что в настоящее время судебно-следственная практика испытывает значительные трудности в решении вопросов, охватываемых ч. 3 ст. 20 УК РФ, возникает настоятельная необходимость в принятии специального постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором бы имели место подробные разъяснения и рекомендации в практике правильного и единообразного понимания и применения как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства в отношении рассматриваемых лиц.

В принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г. вопросы, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних по ч. 3 ст. 20 УК РФ, несколько уточнены, но не решены полностью³²². В свою очередь, принятие такого постановления при соответствующем обобщении судебно-следственной практики позволит избежать в дальнейшем не только имеющих место многочисленных трудностей, но и устранить встречающиеся недостатки и ошибки, связанные с рассмотрением этой категории уголовных дел.

Реализация данных предложений и рекомендаций может создать положительные предпосылки и необходимую базу не только для совершенствования уголовного законодательства в рамках анализируемой статьи УК РФ, но и обратить внимание правоохранительных органов и указанных специалистов на предупреждение преступлений со стороны рассматриваемой категории несовершеннолетних.

³²²См : Бюллетень Верховного Суда РФ 2000 № 4 С. 10.

Глава IV. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ И ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

§ 1. Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости

При рассмотрении проблем, связанных с субъектом преступления, одним из малоисследованных вопросов, решение которого представляет большое теоретическое и практическое значение, является изучение преступного поведения лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Впервые в отечественном уголовном законодательстве, наряду с понятиями вменяемости и невменяемости, нашла свое отражение новая норма (ст. 22 УК РФ 1996 г.). Суть данной законодательной новеллы состоит в том, что если вменяемое лицо во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего деяния либо руководить им, оно подлежит уголовной ответственности.

В свою очередь, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом не только при назначении наказания, но и служит основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Степень же влияния различных внешних обстоятельств и окружающей среды на уголовное наказание, как правило, определяется наличием той или иной психической болезни,

>>>155>>>

глубиной расстройства психики лица, совершившего преступление, и возможностью им осознавать и понимать свое поведение и руководить им.

Несмотря на то, что способность осознавать общественно опасный характер своих действий и возможность руководить ими в силу психического расстройства у данных лиц несколько ограничены по отношению к правонарушителям, которые совершили преступное деяние, не страдая психическими расстройствами, т. е. были полностью вменяемыми, это обстоятельство не устраняет установления их виновности и привлечения к уголовной ответственности и наказания, а это значит, что они являются субъектами того или иного совершенного ими преступления.

Вместе с тем при применении данного института на практике возникает много трудностей и проблем, объясняемых его новизной и противоречивостью некоторых положений, требующих дополнений и уточнений.

В юридической, медицинской и другой литературе институт «уменьшенной»³²³, «ограниченной»³²⁴, «пограничной»³²⁵, «относительной»³²⁶ и т. п. вменяемости всегда вызывал самые оживленные споры и дискуссии среди отечественных и зарубежных юристов, ученых и практиков, а также представителей других наук, в частности судебной психиатрии и психологии.

Русскому уголовному законодательству этот институт известен не был³²⁷, хотя в научной литературе о нем велись дискуссии.

Например, против уменьшенной (ограниченной) и т. п. вменяемости в различные периоды времени выступали такие известные

³²³См.: Жижиленко А. А. Спорные вопросы уменьшенной вменяемости в Уголовном кодексе РСФСР // Право и жизнь 1924 Кн. 7-8. С. 41-47; Трахтеров В С Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве // Право и жизнь. 1925. Кн 9-10. С 75-77; Тихенко С И Указ, соч С. 27-35; Орлов В С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С 58-68; Пуни, Д. Р Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии С 199-219; Карпец И.И. Уголовное право и этика С 153-155 и др

³²⁴См.: Богомягков Ю С К вопросу об ограниченной (уменьшенной) вменяемости в теории советского уголовного права. Уфа, 1980, Кудрявцев И. А Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995 № 5; Назаренко Г В. Невменяемость в уголовном праве С 47-59 и др

³²⁵См.: Антонин Ю М., Бородин С. В Указ соч. С. 148.

³²⁶См Фарбер И М К вопросу об «относительной» вменяемости // Современная психоневрология 1928 Т. 5 С 246 и др

³²⁷См Антонян Ю М, Бородин С В Указ соч С 125.

>>>156>>>

юристы, как Н. С. Таганцев (1902 г.) и С. В. Познышев (1912 г.).

Так, Н. С. Таганцев в принципе не отрицал положения, что вменяемость допускает весьма различные оттенки, изменяющиеся как качественно, так и количественно. Однако он считал, что внесение в уголовный закон понятия уменьшенной вменяемости в обязательном порядке повлияет на уменьшение ответственности, а это уже представляется не только излишним из-за общего права суда признавать преступника заслуживающим снисхождения, но и нежелательным как по своей неопределенности, так и однородности³²⁸.

Отсутствовало понятие уменьшенной вменяемости и в советском уголовном законодательстве³²⁹ при наличии сторонников и противников, которые пытались доказать его отсутствие либо существование наряду с вменяемостью и невменяемостью.

В советский период против уменьшенной вменяемости выступали В. С. Орлов (1958 г.), В. Н. Кудрявцев (1965 г.), Р. И. Михеев (1983 г.), И. И. Карпец (1985 г.) и другие ученые-юристы. Так, по этому поводу В. С. Орлов писал, что понятия относительно уменьшенной вменяемости и частичной невменяемости в равной степени несостоятельны в научном отношении и абсолютно неприемлемы и вредны с практической точки зрения³³⁰.

Аналогичного мнения в этом вопросе придерживался и Р. И. Михеев, который в то время писал, что советской правовой науке необходимо без всякого сожаления расстаться с юридически неточными и практически бесполезными понятиями «частичной», «уменьшенной», «ограниченной» и т. п. вменяемости. Следует найти взаимно приемлемое решение с точки зрения уголовного права и судебной психиатрии³³¹.

Не менее жесткую позицию в этом отношении занимал и И. И. Карпец, отмечавший, что точка зрения советского уголовного права и законодательства, не придерживающаяся «уменьшенной вменяемости», является юридически обоснованной и нравственно оправ-

³²⁸См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. С. 154.

³²⁹См.: Пунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 211.

³³⁰См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 68.

³³¹См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 92.

данной, не позволяет без достаточных оснований и аргументов относить людей к наполовину больным или к наполовину здоровым³³².

Вместе с тем данную позицию занимали и известные ученые в области отечественной психиатрии В.Х.Кандинский (1890г.),

В. П. Сербский (1896 г.), а также некоторая часть советских ученых-психиатров: Е. К. Краснушкин, Д. Р. Лунц, Г. В. Морозов и др.

Сторонники, отрицавшие существование уменьшенной (ограниченной) вменяемости и необходимость закрепления ее в уголовном законодательстве, указывали на расплывчатость этого института, который не может обеспечить эффективность его применения к лицам, страдающим психическими расстройствами. Однако наиболее существенные возражения, с их точки зрения, обосновывались как невозможностью, так и трудностями определения критериев уменьшенной вменяемости³³³, что характерно и в наши дни. Вместе с тем в защиту института уменьшенной вменяемости в своих научных исследованиях и трудах выступали видные юристы и психиатры на различных этапах развития нашего государства: А. А. Жижиленко (1924), В. С. Трах-теров (1925), С. И. Тихенко (1927), Г. А. Злобин, Б.С.Никифоров, И. Б. Михайловская (1965), Ю. С. Богомягков (1980), Ю. М. Антонян, С. В. Бородин (пограничная вменяемость) (1987) и др.

По их мнению, закрепление в уголовном законе института уменьшенной (ограниченной) и т. п. вменяемости в конечном счете позволит более дифференцированно и правильно подходить к лицам с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, совершившим преступные деяния, когда ставится вопрос о применении к ним уголовного наказания. В свою очередь отсутствие в законе данного института не дает возможности суду в полном объеме учитывать психические аномалии при назначении наказания субъекту преступления. Необходимо выделить уменьшенную вменяемость и дать ей в законе особую обрисовку, писал по этому поводу В. С. Трахтеров, так как уменьшенная вменяемость уже не есть «каучуковое», растяжимое понятие, каким оно совсем недавно еще признавалось³³⁴. Были у сторонников и другие аргументы, однако

³³²См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 154.

³³³См. Халецкий А. А. О проблемах правоповедения и психиатрии //Сов. государство и право. 1965. №9. С 135-136; Антонян Ю. М., Бородине. В. Указ соч. С.140; Наза-ренко Г В. Невменяемость в уголовном праве С. 54 и др.

³³⁴Трахтеров В. С. Уменьшенная вменяемость в советском уголовном праве. С. 74.

>>>158>>>

все они сходились во мнении о необходимости существования в нашем уголовном праве и законодательстве самостоятельного института уменьшенной (ограниченной) вменяемости.

Заметим, что институт уменьшенной вменяемости давно имел место в уголовном законодательстве зарубежных государств, хотя и трактовался по-разному. Так, уменьшенная (ограниченная) вменяемость предусмотрена, например, в Австрии, Венгрии, Дании, Италии, Польше, Финляндии, ФРГ, Франции, Швейцарии, Югославии, Японии и других странах³³⁵, которая, как правило, является основанием для снижения субъекту преступления уголовного наказания.

В УК Франции 1992 г. законодателем в ст. 122-1 предусмотрен институт уменьшенной вменяемости, согласно которому лицо, находившееся в момент совершения преступления в состоянии психического или нервно-психического расстройства, снизившем его способность осознавать, а также контролировать свои действия, не освобождается от уголовной ответственности, но это обстоятельство учитывается судом при назначении ему наказания³³⁶.

Институт уменьшенной вменяемости нашел свое законодательное закрепление и в УК ФРГ в редакции от 10 марта 1987 г. (с изменениями на 1 апреля 1998 г.). В § 21 нового УК зафиксировано: если вследствие какого-либо психического расстройства способность лица осознавать противоправность своего деяния или действовать в соответствии с этим была в значительной степени уменьшена, то в случае совершения преступления назначаемое наказание может быть смягчено³³⁷.

Согласно УК Австрии лицо, имеющее психические отклонения, не освобождается от уголовной ответственности, а несет наказание как вменяемое лицо, совершившее преступление. Однако наличие аномалий дает возможность суду смягчить наказание³³⁸.

Несколько уточнен законодателем институт уменьшенной

³³⁵См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 76; Анто-нян Ю. М., Бородине. В. Указ соч. С. 133; Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): Сб. законодат. матер. С. 187, 237; Павлов В. Г. Субъект преступления в уголовном праве. С. 93 и др.

³³⁶Новый Уголовный кодекс Франции. С. 10-11.

³³⁷Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии). С. 256.

³³⁸Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления. М., 1998. С. 157.

>>>159>>>

вменяемости также и в УК 1997 г. Республики Польша, который вступил в силу с 1 января 1998 г. (ст. 31, § 2)³³⁹.

А вот в ныне действующем уголовном законодательстве Финляндии, основу которого составляет УК 1894 г., с внесенными в него многочисленными изменениями, институт уменьшенной вменяемости сформулирован несколько иначе, чем в УК Германии. Так, в гл. 3 § 4 УК Финляндии говорится: если судом будет установлено, что при совершении преступления лицо не вполне владело своим рассудком, хотя и не могло считаться вменяемым согласно § 3, то ему должно быть определено наказание общего вида по правилам § 2 (ч. I)³⁴⁰.

Достаточно полно вопросы, связанные с уменьшенной вменяемостью, представлены в УК Швейцарии 1937 г. В ст. 11 данного УК записано: если вследствие расстройства душевной деятельности, а также сознания или недостаточного умственного развития лицо в момент совершения преступления не обладало полной способностью оценивать противоправность своего поведения и руководствоваться данной оценкой, суд по своему усмотрению данному лицу смягчает уголовное наказание³⁴¹.

Однако в США и Англии, как отмечают Н. Е. Крылова и А. В. Серебренникова, в уголовном законодательстве отсутствуют нормы, в которых бы прямо говорилось об уменьшенной вменяемости, хотя английское право фактически ввело это понятие, но в несколько усеченном виде. Что же касается США, то в некоторых североамериканских штатах в необходимых случаях суды довольно часто используют институт уменьшенной вменяемости³⁴².

Таким образом, институт уменьшенной (ограниченной) вменяемости в зарубежном уголовном законодательстве некоторых стран развивался не одинаково. По-разному он сформулирован и представлен в новых уголовных кодексах различных государств. Опыт зарубежного уголовного законодательства и судебно-психиатрической практика были учтены российскими юристами и психиатрами, а также представителями других наук в изучении и осмыслении

³³⁹Уголовный кодекс Республики Польша. Минск, 1998. С. 15.

³⁴⁰См.: Ключанова Т. М. Уголовное право зарубежных стран: Германии, Франции, Финляндии. СПб., 1996. С. 57.

³⁴¹См.: Антонян Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 133.

³⁴²См.- Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). С. 92.

института уменьшенной вменяемости, который имеет свой достаточно сложный путь до окончательного становления и закрепления в ст. 22 УК РФ 1996г.

Рассмотрим более подробно проблемы уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в действующем уголовном законодательстве и судебно-следственной практике.

Особо следует заметить, что в юридической и медицинской литературе рассматриваемые психические расстройства, не исключающие вменяемости, отождествляются с психическими аномалиями³⁴³, в связи с тем, что данные понятия представлены как равнозначные и не противоречащие друг другу, когда речь идет о лице, совершающем общественно опасное деяние и являющемся субъектом преступления. При психических аномалиях, не исключающих вменяемости, сохраняется не только связь с внешним миром, но и детерминация всей психической деятельности и поступков человека, хотя и имеют место определенные искажения³⁴⁴.

Уголовно-правовая оценка психических аномалий и психические особенности лица, совершившего преступление, отмечает Р. И. Михеев, представляют довольно большую сложность в правоприменительной практике, так как лица с психическими расстройствами вследствие снижения сознательно-волевой регуляции совершают неадекватные ошибочные действия³⁴⁵.

В юридической и другой литературе можно встретить разные подходы к определению и самому понятию психических аномалий, не исключающих вменяемости, однако их суть и внутреннее содержание во многом сходны и имеют много общих признаков.

³⁴³См.: Голумб Ц. А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 5; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 87-88.; Печерникова Т. П. Психические аномалии в судеб-но-психиатрической практике // Психические расстройства, не исключающие вменяемости. М., 1984. С. 11-19; Антонян Ю. М., Бородине. В Указ. соч. М., 1987. С. 9; Бородин С. В. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 74; Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 94-104, 123-150; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред А. И. Бойко. С. 87 и др.

³⁴⁴См.: Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Генетика, поведение, ответственность (О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982. С. 243.

³⁴⁵См.: Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 87.

Так, по мнению Ц. А. Голумба, под психическими аномалиями не исключаящими вменяемости, следует понимать некоторые психические заболевания и патологические состояния психики либо другие расстройства нервно-психической деятельности, которые не достигли степени душевной болезни, лишаящей данное лицо возможности отдавать себе отчет в своих действиях и в силу эмоционально-волевой или интеллектуальной патологии руководить ими в период совершения преступления³⁴⁶.

В свою очередь, Н. Г. Иванов считает, что под психическими аномалиями в широком смысле понимаются все психические процессы, характеризующиеся дисбалансом сил возбуждения и сил торможения³⁴⁷.

Вместе с тем, по мнению Ю. М. Антоняна и С. В. Бородина, под психическими аномалиями понимаются все расстройства психической деятельности, которые не достигли психотического уровня и не исключают вменяемости, однако влекущие личностные изменения, приводящие в некоторых случаях к отклоняющемуся поведению³⁴⁸. Следовательно, если лицо во время совершения общественно опасного деяния вследствие психических аномалий, не исключаящих вменяемости, могло осознавать хотя бы частично фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также не полностью руководить ими, оно является субъектом преступления и подлежит привлечению к уголовной ответственности и наказанию.

Далее следует отметить, что институт уменьшенной (ограниченной) вменяемости некоторыми учеными-юристами предлагалось заменить термином «пограничная вменяемость», имеющим аналогичное уголовно-правовое значение для ответственности за совершенное преступление.

Например, по утверждению Ю. М. Антоняна и С. В. Бородина, пограничная вменяемость представляет собой такое состояние лица, не исключающее уголовной ответственности и наказания, если во время совершения преступления ограничена способность субъекта отдавать себе отчет в своих действиях, бездействии (осознавая общественную опасность деяния) или руководить ими по причинам

³⁴⁶См.: Голумб Ц. А. Указ. соч. С. 5.

³⁴⁷Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 20.

³⁴⁸Антонин Ю. М., Бородин С. В. Указ. соч. С. 9.

>>>162>>>

расстройств психической деятельности (психических аномалий)³⁴⁹.

При определении формулы ограниченной вменяемости или ее понятия, которые во многом совпадали с предыдущими, некоторые правоведы предлагали законодательно закрепить этот институт в уголовном законе³⁵⁰.

Однако в УК РФ 1996 г. термины «уменьшенная», «ограниченная», «пограничная» и т. п. вменяемость не используются. По существу ст. 22 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, раскрывает институт так называемой уменьшенной (ограниченной) и другой вменяемости. Таким образом, в данной статье речь идет о психических аномалиях, не исключаяющих вменяемости субъекта преступления, что не устраняет установления его вины в совершении им общественно опасного деяния. Само же лицо с психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, которое в силу данного болезненного состояния не могло в полном объеме осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими, представляя и определенную опасность для общества и граждан, подлежит уголовной ответственности и наказанию за совершенное преступление.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в нашем уголовном праве и законодательстве в определенном смысле в настоящее время, по существу, разрешился довольно продолжительный спор между сторонниками и противниками института уменьшенной (ограниченной) вменяемости, который нашел свое законодательное закрепление в ст. 22 УК РФ 1996 г.

Попытаемся рассмотреть и проанализировать существо вопроса, а также раскрыть, что подразумевает законодатель под психическим расстройством, не исключаяющим вменяемости, применительно к состоянию лица во время совершения ими преступления. Психические аномалии в определенных условиях ослабляют механизм внутреннего контроля, облегчают совершение случайных, непродуманных, в том числе противоправных, поступков, что довольно часто может привести к совершению преступления³⁵¹.

³⁴⁹Там же. С. 148.

³⁵⁰См.: Бородин С. В. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 74; Назаренко Г. В. Невменяемость в уголовном праве. С. 59 и др.

³⁵¹Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 243-244.

При этом психические отклонения с болезненной патологией повышают не только опасность аномального субъекта преступления, но в то же время ограничивают его способность сознавать свои действия и руководить ими правильно и с определенным значением³⁵². В некоторых случаях такие психические расстройства, как олигофрения или иное болезненное состояние, например психопатия, хотя и не свидетельствуют о полной невменяемости субъекта преступления, вместе с тем играют важную роль в этимологии самого общественно опасного деяния³⁵³.

Лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, совершая преступление, предполагает виновное отношение к своему поведению, так как оно способно, хотя и не в полной мере, осознавать и понимать характер своих действий и конкретную ситуацию, в которой оно находится, а также контролировать свое противоправное поведение. Не случайно при доказанности вины и при наличии признаков субъекта преступления, а также самого состава уголовная ответственность таких лиц наступает на общих основаниях, как например в тех случаях, когда совершает общественно опасное деяние вменяемое лицо.

Ст. 22 УК РФ прежде всего имеет в виду наиболее распространенные психические расстройства, не исключающие вменяемости: олигофрения (легкой степени), различные формы неврозов (неврастения, истерия, психастения), психозы, например алкогольные, психопатии, органическое поражение центральной нервной системы и другие психические аномалии. Эти психические расстройства существенно уменьшают способность лица контролировать свое поведение, ведут к резкому снижению общего интеллекта и волевой сферы, а также затрудняют, хотя полностью не исключают, мыслительный процесс и волю лица во время совершения им преступления.

В медицинской и юридической литературе, а также судебно-следственной практике отмечается преобладание лиц, болеющих различными неврозами, которые представляют группу психических расстройств, возникают в результате психических травм и сопрово-

³⁵²См.: Луни, Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 98-99; Михеев Р. И. Проблемы вменяемости и невменяемости в советском уголовном праве. С. 87-88 и др.

³⁵³См.: Ковалев М. И., Алмазов Б. Н. Оценка психического здоровья человека уголовным законодательством. Свердловск, 1987. С. 36-37

ждаются нарушением общего самочувствия и различных соматове-гетативных функций, эмоциональной неустойчивостью, повышенной психической истощаемостью при достаточной оценке окружающего и осознании своего болезненного состояния³⁵⁴.

Неврастения, например, в клинической картине представляет собой вид невроза и условно делится на три стадии: 1) гиперстеническую; 2) раздражительной слабости; 3) гипостеническую. Она характеризуется истощаемостью всех психических процессов у лиц, болеющих ею, их легкой возбудимостью до состояния аффекта и реакциями раздражительности³⁵⁵.

Истерический невроз (диссоциативные расстройства), в свою очередь, включает в себя сенсорные, вегетативные и двигательные расстройства, а также психические, которые обусловлены психопатиями и конфликтными переживаниями, нередко приводящими к истерическим припадкам³⁵⁶.

Психопатии, характеризуемые как расстройства личности, занимают одно из основных мест в судебно-психиатрической и судеб-но-следственной практике. Психопатии представляют собой стойкие врожденные и приобретенные характерологические расстройства, которые при общей сохранности интеллекта приводят к нарушениям межличностных отношений, а также адаптации к окружающим. При этом данные распространенности психопатий колеблются в пределах от 2 до 15% среди населения, а на учете в психоневрологическом диспансере состоит лиц с патологическим характером 5%³⁵⁷.

В судебной психиатрии выделяются следующие формы психопатии: астеническая, возбудимая, паранойяльная, психастеническая, истерическая, аффективная, шизоидная и ряд других, которые четко классифицируются достаточно сложно и в чистом виде встречаются довольно редко. Чаще наблюдаются их смешанные формы³⁵⁸. Не случайно в психиатрии существуют различные точки зрения и подходы к пониманию, определению и описанию психопатий, которые занимают значительное место среди психических аномалий, не ис-

³⁵⁴См.: Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Морозова. С. 316; Иванов Н. Г. Указ, соч С. 104-105 и др

³⁵⁵См.: Судебная психиатрия: Учебник для вузов / Под ред. Г. В. Морозова. С. 319.

³⁵⁶Там же. С. 22.

³⁵⁷Там же. С. 329-330.

³⁵⁸Там же. С. 334-342.

ключающих вменяемости лица при совершении им конкретного преступления.

Неврозоподобные и психопатоподобные состояния, как отмечает Н. Г. Иванов, обычно возникают в результате воздействия на головной мозг различного рода факторов, к которым относятся: черепно-мозговые травмы или тяжелые инфекции, интоксикации, сосудистые и эндокринные заболевания, а также другие расстройства, приводящие к нарушениям психики, памяти, снижению мышления, ослаблению личности, негативным явлениям, связанным с психической деятельностью человека³⁵⁹. Вместе с тем, как показывают более поздние исследования, наряду с неврозами и психопатиями, сопутствующими совершению преступлений разной степени общественной опасности, достаточно распространенными являются и различные поражения центральной нервной системы, составившие среди обследованных аномальных преступников, например: органическое поражение центральной нервной системы — 18,7%, а травматическое поражение ЦНС — 18% и др.³⁶⁰

В свою очередь, отрицательное состояние психического здоровья населения России в настоящее время создает определенные условия для совершения лицами с аномальными отклонениями на фоне общего роста преступности самых различных общественно опасных деяний.

Так, в докладе Уполномоченного по правам человека в РФ указано, что за последнее десятилетие в нашей стране отмечается рост зарегистрированных нервно-психических расстройств среди различных слоев населения. При этом возросло число инвалидов с психическими расстройствами более чем на треть, что составляет около 700 тыс. человек. В 1998 г. в медицинских учреждениях, т. е. на диспансерном учете, состояло около 4 миллионов человек, а, по информации независимых экспертов, примерно 4,5% детей в России страдают психическими расстройствами³⁶¹.

Особый интерес представляют сведения о преступном поведении лиц с психическими расстройствами. В докладе особо от-

³⁵⁹См.: Иванов Н. Г. Указ соч. С. 108.

³⁶⁰См.: Антонин Ю. М., Виноградов М. В., Голумб Ц. А. Преступность и психические аномалии // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 100.

³⁶¹Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами»// Российская газета. 1999 2 авг.

мечалось, что за последние годы более чем в 2 раза возросло число лиц, страдающих самыми различными психическими расстройствами, совершивших преступления: убийства, умышленные причинения вреда здоровью, изнасилования и др. Среди же лиц, виновных в совершении убийств с особой жестокостью, подавляющее большинство имело самые разнообразные психические нарушения и болезни³⁶². Обращается внимание в докладе и на порочную практику призыва в войска лиц с ярко выраженными психическими заболеваниями, сведения о которых находятся в личных делах призывников³⁶³. Не случайно в настоящее время имеет место тенденция роста общественно опасных деяний среди военнослужащих, а также совершение преступлений такими лицами с расстройством психической деятельности, не исключающей вменяемости.

Свидетельством совершения преступлений лицами с психическими отклонениями могут служить и другие самые разные исследования, проводимые в нашей стране. Так, среди лиц, совершивших убийства при отягчающих обстоятельствах, субъекты преступления с такими психическими расстройствами, как психопатия и психопатоподобные состояния, образуют 49%³⁶⁴.

Другое исследование показывает, что по результатам судебно-психиатрических экспертиз 68,7% осужденных обнаруживали нервно-психические расстройства, а среди убийц, которые были практически все охвачены экспертизой, 71,5% преступников — это лица, в основном, с психическими аномалиями. При этом наиболее криминогенными группами являлись лица, болеющие психопатиями и органическим поражением центральной нервной системы, значительно реже — болеющие неврозами³⁶⁵. В свою очередь, следующее исследование показывает, что 65-70% тяжких и особо тяжких преступлений против личности совершается именно лицами, страдающими психическими аномалиями³⁶⁶.

³⁶²О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

³⁶³Там же

³⁶⁴См.- Кузнецова Н. Ф., Лейкина Н. С. Криминологический аспект соотношения социального и биологического //Сов. государство и право. 1977 . № 9. С. 110.

³⁶⁵См.. Голумб Ц. А. Насильственные преступления, совершенные лицами с психическими аномалиями, и профилактика этих преступлений. С. 6.

³⁶⁶Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Наумова. С. 81.

Вместе с тем судебно-психиатрическая и судебно-следственная практика, а также проведенные исследования данной категории лиц, как мы уже упоминали, свидетельствуют о значительном преобладании ряда психических расстройств, не исключающих вменяемости, которые представляют большую сложность и в части, касающейся их определения и установления.

Однако можно констатировать тот факт, что результаты различных исследований могут в значительной степени расходиться также и в связи с различными оценками и подходами к этой проблеме юристов, экспертов-психиатров и других исследователей.

Так, по данным Н. Г. Иванова, психические аномалии у лиц, совершивших преступления, преобладали в следующем порядке: психопато-подобные черты характера составили 31%, с признаками неврастения— 20,6%, психастении— 10,4%, олигофрены (дебильность) — 10,3% и истерики— 6,9%. При этом субъекты преступления с диагнозом психопатия или, например, психопатоподобное состояние наиболее часто совершали умышленные причинения тяжких телесных повреждений (ч. 1. ст. 108)— 11%, хулиганство (ч. 3. ст. 206)— 19%, изнасилование (ст. 117) — 9% и другие насильственные преступные деяния, предусмотренные УК РСФСР 1960 г.³⁶⁷

Интересны и результаты исследования, проведенного, Н. Д. Го-моновым, о противоправном поведении лиц с психическими аномалиями, показавшие, что данные субъекты преступления чаще всего страдают: неврозами — 27,5%, психопатиями — 17,8%, олигофренией (в различной степени дебильности)— 14,2%, а также некоторые имеют органическое поражение центральной нервной системы — 7,7% и другие психические расстройства. Чаще всего указанные лица совершают насильственные преступления и хулиганство в общественных местах³⁶⁸.

Таким образом, из приведенных исследований видно, что среди лиц, совершивших самые различные общественно опасные деяния и привлеченных к уголовной ответственности, достаточно большой процент составляют субъекты, страдающие психическими расстройствами, не исключающими вменяемости. Данный вывод подтверждается и исследованиями, проведенными на региональном уровне

³⁶⁷См.: Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 137-138.

³⁶⁸См.: Гомонов Н. Д. Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями: Автореф. дис.... канд. юрид. наук СПб., 1999. С. 15.

>>>168>>>

в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в различные периоды времени. Так, по результатам одного исследования из 1447 лиц, направленных в 1967 г. на судебно-психиатрическую экспертизу в Ленинграде, вменяемыми были признаны 1253 правонарушителя. Вместе с тем у 757 из них были обнаружены психические расстройства (аномалии) в виде: хронического алкоголизма, психопатии, органического поражения головного мозга, а также олигофрении³⁶⁹.

В свою очередь, изучение нами материалов практики о состоянии заболеваемости психическими расстройствами в Санкт-Петербурге за период с 1991 по 1996 гг. свидетельствует о том, что социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране и в исследуемом регионе, ведут к росту негативных факторов и условий, способствующих возникновению и более быстрой распространенности психических расстройств у населения города. Так, в последние годы резко возросло число больных с острыми алкогольными психозами (с 2744 в 1992 г. до 5575 в 1996 г.).

При этом, как видно из табл. 8, заболеваемость психическими расстройствами имеет тенденцию к увеличению среди населения города.

Данные показатели отражают неутешительную картину, так как увеличение количества лиц с психическими расстройствами как бы условно образует своеобразный криминальный резерв аномальных правонарушителей, которые под воздействием негативных обстоятельств и окружающей среды могут совершить какие-либо преступления различной опасности.

Свидетельством тому может служить и проведенное нами изучение материалов в отношении данной категории лиц, прошедших стационарную и амбулаторную судебно-психиатрические экспертизы за период 1994-1998 гг. в Территориальном медицинском объединении по психиатрии № 2 Санкт-Петербурга³⁷⁰.

³⁶⁹См.: Авербух И. Е., Голубева Е. А. К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц // Вопросы экспертизы в работе защитника: Сб ст. / Под ред. И. Ф. Крылова. П., 1970. С. 92-93.

³⁷⁰В Территориальное медицинское объединение по психиатрии № 2 входят:
1) отделение по проведению амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы;
2) отделение по проведению стационарной судебно-психиатрической экспертизы лиц, находящихся под стражей; 3) отделение по проведению стационарной судебно-психиатрической экспертизы лиц, не находящихся под стражей.

Таблица 8

Показатели заболеваемости		Годы					
		1991	1992	1993	1994	1995	1996
Всего больных		5209	4407	5042	5688	5712	5611
На 1 000 чел. населения, в %		1,04	0,88	1,02	1,18	1,19	1,18
	Больных	2565	2373	2687	2785	2623	2753
В том числе психозы							
	На 1000 человек населения, %	0,51	0,48	0,54	0,58	0,55	0,58
Из них шизофрения	Больных	761	755	832	924	891	1016
	На 1000 человек населения, %	0,15	0,15	0,17	0,19	0,19	0,21
Неврозы и психозы	Больных	1168	1543	1689	2307	2523	2253
	На 1000 человек населения, %	0,33	0,31	0,34	0,48	0,52	0,47
Олигофрении	Больных	976	491	666	596	536	605
	На 1000 человек населения	0,19	0,10	0,13	0,12	0,11	0,13
Состоит на учете на конец года с диагнозом алкогольные психозы на 100 тысяч человек населения, %		31,2	35,6	78,9	117,0	124,9	91,3

Из табл. 9 видно, что в подавляющем большинстве обследованные лица, совершившие преступления, судебно-психиатрическими экспертизами были признаны вменяемыми (в среднем 91,04%). При этом часть из них (примерно от 10 до 13%) в различные периоды времени имела самые различные психические расстройства: психозы, неврозы, психопатии, олигофрении, шизофрению и другие психические аномалии, не исключаящие вменяемости. Некоторые субъекты преступления, согласно заключениям экспертов, были признаны здоровыми при отсутствии психических расстройств. Из общего числа обследуемого контингента, по заключению судебно-психиатрических экспертиз, были признаны невменяемыми —

>>>170>>>

взрослые от 7 до 9%, несовершеннолетние в среднем 0,5-1%, они не являлись субъектами преступления. Данные о наличии психических расстройств у аномальных субъектов преступления подвержены определенным колебаниям в сторону незначительного увеличения, что вызывает тревогу, как и возросшее в России за последние годы в два раза число лиц, страдающих психическими отклонениями и совершивших различные общественно опасные деяния.

Таблица 9

Лица, прошедшие экспертизу		Годы				
		1994	1995	1996	1997	1998
Общее количество обследуемого контингента судебно-психиатрической экспертизой, в%		100	100	100	100	100
Признаны вменяемыми		92,65	91,6	91,37	90,0	89,58
Из них признаны невменяемыми	Взрослые	6,8	7,9	8,2	9,0	9,4
	Несовершеннолетние	0,55	0,5	0,46	1,0	1,01
Имеющие психические расстройства (неврозы, психопатии)		1,45	1,5	2,07	1,71	2,5
Шизофрению		3,88	2,41	4,04	4,46	5,0
Психозы, в том числе алкогольные		3,51	1,79	4,22	7,49	4,36
Олигофрении		0,69	0,7	0,78	0,84	0,8
Другие психические расстройства		90,47	93,62	88,9	85,5	87,34

Указанное обстоятельство не только беспокоит, но и требует приложения дополнительных усилий со стороны государства, ученых юристов и психиатров, а также практиков по дальнейшему его изучению и осмыслению с позиций науки уголовного права и судебной психиатрии, более углубленного исследования лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, и вопросов уголовной ответственности в связи с совершением ими преступлений. При этом психические расстройства у аномальных субъектов преступления приобретают не только уголовно-правовое значение, поскольку не отрицается их связь с преступным поведением лица в той или иной конкретной ситуации или обстановке, но в

>>>171>>>

настоящее время, с точки зрения медицины (судебной психиатрии), требуют своего дальнейшего уточнения.

Особенно большая сложность для теории и практики представляет разработка и определение критериев психических расстройств аномальных субъектов преступления. В этой связи нельзя не согласиться с Д. Р. Лунцем, который еще в 1966 г. писал, что неопределенность критериев уменьшенной вменяемости отмечается практически всеми авторами независимо от того, являются они ее противниками или сторонниками³⁷¹. Вместе с тем позиция С. В. Бородина, что ограниченная вменяемость представляет собой вменяемость, а ее медицинский и юридический критерии вполне определимы, так как они относительно пограничных состояний достаточно исследованы как в общей, так и судебной психиатрии³⁷², на наш взгляд, применительно к действующей норме (ст. 22 УК РФ) вряд ли состоятельна. В данном случае следует согласиться с Н. Г. Ивановым о необходимости комплексной разработки критериев концептуального уровня, чтобы определить границы психических аномалий, не исключающих вменяемости лиц, совершивших преступление³⁷³. На необходимость разработки критериев уменьшенной вменяемости обращает внимание и А. В. Хрящев, который по результатам исследования аномальных субъектов преступления делает вывод, что сегодня эксперты, стараясь избежать ошибок, максимально сужают «ограниченно вменяемых» лиц, а это является следствием неразработанности критериев такого рода экспертных решений.³⁷⁴

Представляется целесообразным для решения этой сложной проблемы разработать и законодательно закрепить в УК РФ критерии вменяемости, а затем с позиции медицины (судебной психиатрии), науки уголовного права, психологии и других наук на комплексной основе, с учетом критериев вменяемости и невменяемости, определить медицинский и юридический критерии психического

³⁷¹См.: Лунц Д. Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. С. 206-207.

³⁷²Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 78.

³⁷³См.: Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 21.

³⁷⁴См.: Хрящев А. В. Некоторые критерии применения ст. 22 УК РФ в судебно-психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3. С. 46; Горинов В. В., Пережогин Л. О. Клинико-социальная характеристика испытуемых с расстройствами личности, к которым была применена ст. 22 УК РФ // Российский психиатрический журнал. 1999. № 4. С. 35.

расстройства, не исключающего вменяемости, в отношении лиц, являющихся субъектами совершенных преступлений.

Определенные попытки разработать критерии уменьшенной вменяемости со стороны ученых предпринимались неоднократно, имеют место они и в последние годы. Интересны в этом отношении исследования, которые были проведены на базе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского с 1997г. по июнь-август 1999г. Например, А. В. Хрящевым были разработаны некоторые критерии «ограниченной вменяемости», которая рассматривается им в различных вариантах³⁷⁵. При изучении аномальных субъектов преступления Л. О. Пережогин определил алгоритм дифференцированной экспертной оценки расстройств личности с учетом норм ст. 22 УК РФ.³⁷⁶

При этом данные критерии в более полной форме, как и критерии невменяемости, должны найти свое законодательное закрепление в ст. 22 УК РФ с четкой формулировкой психических аномалий как нового института в отечественном уголовном праве.

Все это позволяет говорить, исходя из буквы закона (ст. 22 УК РФ), об уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, совершивших преступления, которая наступает при установлении их виновности. Данная категория лиц привлекается к уголовной ответственности, в принципе, на общих основаниях, как и абсолютно вменяемые правонарушители, хотя психические расстройства не позволяют указанным субъектам полностью осознавать происходящее в объективной реальности при совершении ими какого-либо преступления. Само привлечение к уголовной ответственности как реакция государства на совершенное преступление в отношении виновного вменяемого лица, нарушившего уголовно-правовые запреты и противопоставившего свои интересы общественным, таким образом, касается лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, которые не могли в полной мере осознавать характер и общественную опасность своего поведения или руководить им.

³⁷⁵См.: Хрящев А. В. Указ. соч. С. 47.

³⁷⁶Пережогин Л. О. Клинические критерии применения ст. 22 УК РФ при судебно-психиатрической оценке расстройств личности // Российский психиатрический журнал. 2000. № 3. С. 40.

>>>173>>>

В свою очередь, каждое лицо, совершившее преступное деяние, должно получить от имени государства не только соответствующую общественно-политическую, но, в первую очередь, уголовно-правовую оценку в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления и причиненного вреда (ущерба) общественным отношениям. Не исключением в данном случае является и аномальный субъект преступления, разумеется, при доказанности его вины в совершении преступного деяния.

Таким образом, уголовная ответственность в отношении лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, как и при полной вменяемости, наступает, когда лицом совершается конкретное общественно опасное деяние, так как и в первом, и во втором случаях налицо субъект преступления, который отсутствует при совершении уголовного деяния невменяемым лицом при наступлении или отсутствии вредных последствий.

Вместе с тем психическое расстройство, не исключающее вменяемости, хотя и снижает возможность осознанно оценивать лицом общественную опасность своих действий либо руководить ими, однако данное обстоятельство не препятствует следствию и суду в каждом конкретном случае устанавливать его виновность, которая является и может служить условием для наступления уголовной ответственности. Поэтому при наличии признаков правонарушителя — возраста и вменяемости — можно говорить об аномальном субъекте преступления, совершившем общественно опасное деяние, и установлении его виновности с последующим привлечением к уголовной ответственности, а в дальнейшем и к наказанию.

Вопрос об уголовной ответственности в рассматриваемом нами случае возникает только тогда, когда есть субъект преступления, в отношении которого установлена вина по поводу инкриминируемого ему общественно опасного деяния. Вина же, в свою очередь, устанавливается только в том случае, если лицо, совершившее преступление, вменяемо, на чем делает акцент законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 22 УК РФ.

Следовательно, вменяемость рассматриваемого субъекта преступления предполагает, несмотря на психические отклонения, в то же время и определенную сумму психических и психологических возможностей осознанно совершать правонарушения различной степени общественной опасности, что и составляет ее внутреннее

>>>174>>>

содержание. Даже наличие у такого лица психических расстройств, которые не дают ему возможности, как мы уже отмечали, в полной мере осознавать и понимать фактическую сторону, социальную значимость и общественную опасность своих преступных действий либо руководить ими, в отличие от невменяемого, позволяет говорить об установлении его виновности.

Определенную специфику в отношении аномальных субъектов преступления наряду с уголовной ответственностью имеет правильное применение к ним наказания, которое должно быть определено судом в соответствии с принципом справедливости (ст. 6) и общих начал его назначения (ст. 60) по УК РФ. В этом случае, хотя данная категория субъектов преступления и представляет определенную опасность для общества и его граждан, они вряд ли могут нести уголовное наказание наравне с психически здоровыми преступниками. Данное обстоятельство не исключает дифференцированного подхода к аномальному правонарушителю с учетом его психических отклонений и совершенного им общественно опасного деяния в каждом конкретном случае.

Вместе с тем в судебной практике допускаются грубые ошибки, связанные с нарушением требования, регламентированного ч. 2 ст. 22 УК РФ. В качестве примера можно привести следующее уголовное дело.

Тверским областным судом 7 августа 1997 г. Лебедев был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ к лишению свободы сроком на 6 лет. Он признан виновным в умышленном причинении десятилетнему Янину вреда здоровью, опасного для его жизни. Вечером нетрезвый Лебедев поднимался на 9-й этаж своего дома, чтобы вернуть соседу деньги, взятые в долг. В это время к нему подошел подросток, который проживал в этом же доме, и стал просить у него деньги на жевательную резинку. Когда Лебедев отказал Янину, тот стал обзывать его обидной кличкой. Желая наказать мальчика, Лебедев спустил с Янина штаны и собирался его отшлепать, но так как ребенок продолжал его оскорблять и дальше, он с целью причинения тяжкого вреда здоровью стал душить подростка, сжимая ему горло рукой. Увидев, что Янин захрипел и потерял сознание, Лебедев начал оказывать ему первую помощь, но в это время прибежали соседи по дому.

Судебной коллегией Верховного Суда РФ данный приговор в отношении Лебедева оставлен без изменения. Однако заместитель

>>>175>>>

председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об изменении судебных решений и смягчении назначенного Лебедеву уголовного наказания до трех лет лишения свободы. В свою очередь Президиум Верховного Суда РФ этот протест совершенно справедливо удовлетворил, указав на ряд важных обстоятельств, которые не были учтены судами обеих инстанций.

В результате совершенного преступления Лебедевым — а инициатором конфликта был Янин — у потерпевшего длительного нарушения здоровья не наступило. При этом Лебедев свою вину признал полностью и глубоко раскаялся в содеянном. Вместе с тем из материалов уголовного дела усматривается, что у Лебедева обнаружены признаки умственного недоразвития (олигофрении) в степени легкой дебильности. Данное заболевание, отраженное в заключении судебно-психиатрической экспертизы, не исключает для Лебедева возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, что дает основания считать его вменяемым в отношении инкриминируемого ему преступного деяния.

Однако при назначении наказания все эти обстоятельства и, в частности, то, что Лебедев страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости, и требования ч. 2 ст. 22 УК РФ указанными судами не были учтены.

Поэтому Президиум Верховного Суда РФ вынес абсолютно правильное решение: приговор Тверского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении Лебедева изменить, а меру наказания ему снизить до трех лет лишения свободы³⁷⁷.

Таким образом, совершение лицом с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, преступления влечет как уголовную ответственность, так и отбывание наказания, а само психическое отклонение учитывается судом и может служить основанием, согласно ч. 2 ст. 22 и ст. 97 УК РФ, для назначения, как было отмечено, принудительных мер медицинского характера.

Проведенное исследование нового института в нашем уголовном законодательстве в рамках ст. 22 УК РФ, а также изучение судебно-психиатрической и судебно-следственной практики позволи-

³⁷⁷См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 2. С. 10-11.

>>>176>>>

ли прийти к выводу о необходимости проведения дальнейших комплексных исследований по изучению субъекта преступления с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, а также вопросов уголовной ответственности и наказания в отношении данной категории лиц.

Не последнее место в этой связи должно занимать и совершенствование уголовного закона, который требует своего принципиального уточнения и дополнения, а также закрепления в нем пограничного понятия между вменяемостью и невменяемостью, т. е. так называемого условно института «уменьшенной (ограниченной) вменяемости» и его критериев.

В целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего уголовную ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, представляется целесообразным Пленуму Верховного Суда РФ обобщить судебную практику и дать судам разъяснения и рекомендации по применению ст. 22 УК РФ.

Реализация данных предложений и ранее указанных, в свою очередь, позволит в судебно-следственной практике избежать имеющихся ошибок, а также более всесторонне, полнее и объективнее исследовать все обстоятельства дела в отношении лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, как субъектов преступления, которые при доказанности вины подлежат уголовной ответственности и наказанию в соответствии со ст. 22 УК РФ.

§ 2. Уголовная ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения

Для исследования субъекта преступления в современном российском уголовном праве большое теоретическое и практическое значение имеет изучение вопросов уголовной ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии опьянения. Положение об ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения в отечественном уголовном законодательстве нашло свое конкретное разрешение не сразу. По существу длительное время уголовная ответственность была предусмотрена за совершение преступного деяния в состоянии алкогольного опьянения,

>>>177>>>

которое по усмотрению суда могло быть признано отягчающим обстоятельством .

Вместе с тем, согласно ст. 23 УК России 1996 г., уголовная ответственность наступает за совершение преступления не только в состоянии алкогольного опьянения, но также вызванного употреблением наркотических средств и одурманивающих веществ. Следовательно, любой вид опьянения по действующему законодательству не освобождает лицо, совершившее преступление, от уголовной ответственности и наказания.

Данное положение, которое в дальнейшем будет рассмотрено подробно, в принципе не вызывает особых возражений как в теории уголовного права, так и на практике, хотя, несомненно, требует и в дальнейшем изучения и исследования, так как имеет прямое отношение к проблеме субъекта преступления и различным уголовно-правовым институтам.

Среди многообразных видов антиобщественного (девиантного) поведения наиболее распространенным и достаточно живучим является пьянство, выражающееся в злоупотреблении спиртными напитками, которое особенно в последние годы приобрело широкие масштабы и которое, как правило, заканчивается болезненным состоянием — алкоголизмом, как злоупотребление наркотическими средствами — - наркоманией, а одурманивающими веществами — токсикоманией. Следовательно, совершение преступления в состоянии любого опьянения представляет серьезную опасность как для всего общества, так и для граждан.

Не случайно этим социально негативным явлениям (пьянству, наркотизму, токсикотизму) и болезненным состояниям (алкоголизму, наркомании, токсикомании) посвящены многочисленные научные труды, криминологические и социологические исследования на различных этапах развития нашего государства³⁷⁸.

³⁷⁸См.: Лейкина Н. С К вопросу об основании ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. 1958. № 11; Смирнов В. Г. Основания уголовной ответственности и наказания за преступление, совершенное в состоянии опьянения // Вестник ЛГУ. 1964. №11; Бейсенов Б. С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1981; Антонов-Романовский Г. В. Пьянство под запрет закона. М., 1985; Миньковский Г. М., Побегайло Э. Ф., Ре-вин В. П. Уголовно-правовые средства борьбы с пьянством, алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. М., 1990; Габиани А. А. На краю пропасти: наркомания и наркоманы. М., 1990; Ткачевский Ю. М. Правовые аспекты борьбы с наркоманией и алкоголизмом М , 1990; Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д. Наркомании и токсикомании Л., 1991; Заиграев Г. Г. Общество и алкоголь М., 1992; Гришко А. Я Правовые и криминологические проблемы социальной реабилитации хронических алкоголиков и наркоманов. Рязань, 1993; Петрова Ф. Н. Антиалкогольная политика в России: история и современность СПб , 1996; Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, В. С. Степашина. СПб., 1999 и др.

>>>178>>>

Однако, несколько сузив проблему нашего исследования, обратимся к истории вопроса, нашедшего свое отражение в отечественном уголовном законодательстве.

Если говорить о Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919г., то в них не предусматривалась ответственность за совершение преступления в состоянии опьянения, хотя такого рода вопросы на практике возникали.

Первый УК РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 17 не предусматривал состояние опьянения обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, если лицо привело себя в такое состояние для совершения преступления. В свою очередь, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г., как и Руководящие начала 1919г., не решали вопроса об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения.

Вместе с тем принципиально важные положения данного вопроса, нашедшие отражение в УК РСФСР 1922 г., получили свое дальнейшее развитие в ст. 11 УК РСФСР 1926 г., в которой отмечалось, что лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, освобождаются от уголовной ответственности. При этом в примечании к данной статье особо указывалось, что действие настоящей нормы не распространяется на лиц, совершивших преступное деяние в состоянии опьянения³⁷⁹.

Тем не менее, проблема обоснования ответственности за преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения, получила свое более конкретное выражение и закрепление в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а в дальнейшем— в уголовных кодексах соответствующих субъектов советского государства.

Согласно ст. 12 Основ и ст. 12 УК РСФСР 1960 г. лица, которые совершили преступление в состоянии опьянения, не освобождались от уголовной ответственности. В данном случае речь шла об уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоя-

³⁷⁹Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. С. 6-7.

нии алкогольного опьянения. Согласно п. 10 ст. 39 УК 1960г. совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, с учетом всех обстоятельств дела и характера самого преступного деяния могло быть по усмотрению суда признано как отягчающее обстоятельство. Однако это не предусмотрено в действующем УК РФ 1996 г.

В свою очередь, положение действующего закона, что совершение преступления лицом в состоянии опьянения, которое вызвано употреблением не только алкоголя, но и наркотических средств, а также одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности, является новизной для нашего уголовного законодательства, требующей ее осмысления как теорией, так и практикой.

В связи с этим представляется целесообразным в первую очередь раскрыть смысл, вкладываемый законодателем в понятие «алкогольное опьянение», так как именно в данном состоянии лица чаще всего совершают самые различные общественно опасные деяния, что имеет принципиальное значение не только для привлечения субъекта преступления к уголовной ответственности, но и тогда, когда она отсутствует, если речь идет о патологическом опьянении, которое необходимо отличать от физиологического (простого) опьянения.

Решая вопросы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения, необходимо исходить из влияния и воздействия алкогольных напитков на общее состояние и психику лица, их употребившего. Алкоголь, воздействуя на организм человека, поражает его сознание и волю тем сильнее, чем тяжелее степень опьянения. Не случайно некоторые лица, совершившие преступления в состоянии алкогольного опьянения, часто ссылаются на то, что они в данный момент ничего не понимали и не осознавали случившегося.

Физиологическое (простое) опьянение, разумеется, не может служить основанием для утверждения, что субъект преступления не осознавал своих противоправных действий и наступления вредных последствий. Обычно физиологическое опьянение наступает постепенно, а лицо, принимающее алкогольные напитки, осознает и понимает, что, употребляя их по своей воле при отсутствии насильственного принуждения, приводит себя в такое состояние. Поэтому в тех случаях, когда преступление совершает пьяный, как справедливо подметила Н. С. Лейкина, не исключается его вменяемость, так как в

>>>180>>>

состоянии опьянения, как правило, налицо объективные и субъективные основания для уголовной ответственности, которая ни при каких условиях не может быть исключена при обычном опьянении.³⁸⁰

Вместе с тем при решении вопроса об уголовной ответственности, когда алкогольное опьянение, а также наркотическое и токсическое, наступило в результате насильственного, т. е. физического принуждения, произошедшего против воли лица, то в некоторых случаях, при отсутствии вины в его действиях, может иметь место освобождение от уголовной ответственности. Правда, подобное положение действующим уголовным законодательством не регламентировано, хотя требует своего законодательного разрешения.

В состоянии физиологического опьянения полностью не искажается восприятие окружающего мира и объективной реальности, так как происходит лишь некоторое временное нарушение психической деятельности, которое прямо противоположно патологическому опьянению. Следовательно, при физиологическом опьянении, хотя и ослабляется функционирование тормозных процессов, происходящих в организме, и теряется контроль над своим поведением, однако у пьяного субъекта сохраняется непосредственный контакт не только с окружающей средой, но и его действия и поступки, как у любого нормального и трезвого человека, носят мотивированный характер.

Основное действие алкоголя — опьянение. Само же влияние и действие алкоголя на организм определяется не только количеством принятого спиртного, но и его крепостью. В судебно-психиатрической практике обычно принято различать простое алкогольное опьянение и патологическое опьянение. При этом простое алкогольное опьянение условно подразделяется на степени опьянения: 1) легкую; 2) среднюю и 3) тяжелую.³⁸¹

При физиологическом (простом) опьянении хотя и появляются некоторые нарушения психики в зависимости от степени опьянения, однако они не влекут, как было отмечено, утраты способности понимать совершаемые действия и руководить ими не только в повседневном поведении при употреблении алкоголя, но и в момент совершения преступления, что не освобождает лицо от уголовной ответственности.

Для легкой степени опьянения, как описывается в литературе,

³⁸⁰См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 55

³⁸¹Судебная психиатрия. М., 1997. С. 230.

характерно понижение восприятия окружающей среды, нарушение интеллектуальной сферы деятельности, расстройство внимания, замедленность реакции и процесса мышления, а также неустойчивость настроения и другие нарушения.

При средней степени опьянения, как правило, быстро нарушается внимание, отсутствует четкость восприятия и замедляется мыслительный процесс. Лица в данной степени опьянения довольно часто бывают злобными и агрессивными, что приводит к дракам, скандалам, совершению различных преступлений.

При тяжелой степени опьянения имеют место более серьезные нарушения функций головного мозга. В данном состоянии пьяный человек утрачивает способность к разумным поступкам и рассуждениям, появляется склонность к агрессивным разрушительным действиям. Тяжелая степень опьянения чаще всего выражается клинической картиной с последующим глубоким сном опьяневшего, засыпающего в самых различных местах. Воспоминания об опьянении, как правило, носят отрывочный характер³⁸².

Особо следует обратить внимание, что при любой степени опьянения, даже при тяжелой, как отмечается в юридической литературе, и с этим следует согласиться, отсутствует медицинский критерий невменяемости, т. е. какое-либо психическое расстройство. Наряду с этим при физиологическом опьянении любой степени, как правило, отсутствует и юридический критерий невменяемости, так как опьянение не приводит к полному отсутствию контроля над сознанием и возможности руководить своими действиями³⁸³.

Следовательно, лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии физиологического опьянения любой степени, является субъектом преступления и не освобождается от уголовной ответственности, так как в его действиях отсутствуют как медицинский, так и юридический критерии невменяемости, хотя у лица и нарушаются психические процессы, которые не являются болезненным состоянием, как при патологическом опьянении. При

³⁸²См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 52-53; Бейсенов Б. С. Указ. соч. С. 91; Судебная психиатрия. М., 1997. С. 230 и др.

³⁸³См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 78; Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г. А. Кригера и др. С. 99-100; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. С. 84; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. С. 232 и др.

>>>182>>>

этом лицо, находящееся в состоянии алкогольного опьянения, может совершить самые различные правонарушения, вплоть до тяжкого и особо тяжкого преступления.

Так, в апреле 1998 г. около 22 часов гражданка А. после совместного распития спиртных напитков со своим сожителем Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры, возникшей между ними на почве личных отношений, умышленно, с целью убийства нанесла потерпевшему четыре ножевых удара в различные части тела. Подсудимая вину свою полностью признала, показав, что она в течение дня вместе с Б. употребляла спиртные напитки. В процессе возникшей между ними ссоры на почве ревности Б. несколько раз ударил ее кулаком по голове и телу. Не выдержав такого к ней отношения, она схватила со стола нож и три раза ударила обидчика ножом в грудь, а когда он нагнулся вперед — нанесла потерпевшему четвертый удар ножом в область правого предплечья.

От полученных колото-резаных повреждений, которые согласно заключению судебно-медицинской экспертизы были нанесены со значительной силой, Б. скончался утром на следующий день. Таким образом, А. совершила убийство, т. е. умышленное причинение смерти другому человеку, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Вместе с тем при проведении предварительного расследования и в суде в период инкриминируемых ей действий установлено, что А. не находилась в состоянии аффекта, а также не обнаруживала признаков хронического психического заболевания и временного расстройства психической деятельности.

Не пребывала она и в состоянии патологического опьянения, в связи с чем могла в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Приняв во внимание все обстоятельства совершенного преступления, а также противоправное поведение самого потерпевшего, суд справедливо признал гражданку А. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, т. е. в убийстве³⁸⁴.

Итак, как мы уже ранее отмечали, состояние физиологического опьянения необходимо отличать от патологического, которое является кратковременным психическим расстройством, возникшим на

³⁸⁴ Архив Федерального суда Кировского района Санкт-Петербурга. Дело № 1-2076/1998.

почве злоупотребления алкоголем. Вместе с тем патологическое опьянение должно отграничиваться от тяжелой степени физиологического опьянения, которое качественно отличается от кратковременного психического расстройства.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для решения вопросов о привлечении лиц, совершивших самые разные преступления в состоянии опьянения, к уголовной ответственности или освобождении от нее, когда речь идет о состоянии невменяемости при патологическом опьянении.

В психиатрии патологическое опьянение относится к группе острых кратковременно протекающих психических расстройств. Оно возникает в результате приема не только значительных, но и малых доз алкоголя. Для данного состояния характерно внезапно наступающее изменение сознания. В клинической картине патологического опьянения сочетаются, как правило, признаки сумеречного помрачения сознания и галлюцинаторно-бредовые переживания, в результате чего возникает искаженное восприятие окружающего. Совершаемые в состоянии патологического опьянения преступные действия не являются реакцией на какие-либо имеющие место реальные события. Заканчивается патологическое опьянение обычно внезапно, так же как и начинается. Иногда оно переходит в сон, после которого чаще всего наступает полная амнезия, но могут сохраняться отрывочные воспоминания о пережитом³⁸⁵.

Такое поведение лица, находящегося в состоянии патологического опьянения, объясняется, прежде всего, болезненным искаженным восприятием окружающей среды, в которой находится данное лицо, немотивированным и довольно часто агрессивным поведением. Таким образом, в судебно-психиатрической практике, на что уже обращалось внимание, патологическое опьянение рассматривается как кратковременный психоз, а лица, совершившие общественно опасное деяние, в данном состоянии признаются невменяемыми, если имеет место совокупность медицинского и юридического критериев. В этом случае лицо не признается субъектом преступления.

Следовательно, если лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии физиологического опьянения, как мы уже ранее

³⁸⁵См.: Калашник Я. М. Судебная психиатрия. М., 1961. С. 279; Судебная психиатрия. М., 1997. С. 231-239

отмечали, является субъектом преступления и несет уголовную ответственность, так как оно признается вменяемым, то в состоянии патологического опьянения при установлении судом его невменяемости уголовная ответственность в отношении данного лица исключается.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что совершение преступлений в состоянии алкогольного опьянения представляет большую общественную опасность как для государства, так и его граждан. Не случайно между пьянством и преступностью существует тесная связь, хотя число лиц, совершающих самые различные преступления в состоянии алкогольного опьянения, из года в год постепенно уменьшается, что может быть подтверждено официальными данными уголовной статистики и результатами криминологических исследований последних лет по России и на региональном уровне.

Так, в 1993 г. из 1 262 700 преступников 41,4% совершили преступные деяния в состоянии опьянения³⁸⁶. В 1994г. из 1 441 588 человек, совершивших преступления, данная категория лиц составила 593 375 (24,4%) правонарушителей; в 1995 г. от общего числа преступников 1 595 501 человек совершили общественно опасные деяния в пьяном виде 622 632 человека (25,6%)³⁸⁷; в 1996 г. количество лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, составило 36,4% от общего числа преступников 1 618 394³⁸⁸. Прослеживается устойчивая связь пьянства с преступностью и в последние годы.

Так, в 1997 г. из общего числа лиц, совершивших преступления, 1 372 161, в состоянии алкогольного опьянения было 463 502 правонарушителя (33,8%)³⁸⁹; в 1998г. от общего числа преступников — 1 481 503 человека — в аналогичном состоянии совершили преступные деяния 437 881 человек (29,6%)³⁹⁰.

За 6 месяцев 1999 г. в состоянии алкогольного опьянения в России совершено 248,5 тысячи преступлений, что составляет 23% в

³⁸⁶Состояние преступности в России за 1993 г. М., 1994. С. 14.

³⁸⁷Преступность и правонарушения (1991-1995 гг.): Статистич. сб. М., 1996. С. 23.

³⁸⁸Состояние преступности в России за январь-декабрь 1996 г. М., 1997. С. 20.

³⁸⁹Сведения о состоянии преступности в Российской Федерации и результаты деятельности органов внутренних дел по раскрытию преступлений за 1997 г.: Статистич. сб. М., 1998. С. 20.

³⁹⁰Сведения о состоянии преступности в Российской Федерации и результаты деятельности органов внутренних дел по раскрытию преступлений за 1998 г.: Статистич. сб. М., 1999. С. 19.

>>>185>>>

общем числе расследованных общественно опасных посягательств³⁹¹.

Криминальная напряженность в обществе усугубляется не только с общей алкоголизацией населения, в частности преступного элемента, она напрямую связана и с совершением лицами в состоянии алкогольного опьянения тяжких и особо тяжких преступлений. Данные уголовной статистики свидетельствуют, что в России указанной категорией лиц совершено умышленных убийств и покушений на убийство в 1994 г. — 18 701, в 1995 г. — 17 891; причинений тяжких телесных повреждений в 1994 г. — 36 149, в 1995 г. — 34 276; изнасилований и покушений на изнасилование в 1994 г. — 10 083, в 1995 г. — 8 652; разбоев в 1994 г. — 20 066, в 1995 г. — 18 663; краж в 1994 г. — 223 921, в 1995 г. — 238 897 преступлений. При этом из 924 574 осужденных в 1994 г. за различные преступления по решению суда применено принудительное лечение от алкоголизма к 47 126 лицам, а в 1995 г. из 1 035 807 человек к 48 775³⁹². Результаты исследования В. В. Вандышева показывают, что особую роль в механизме насильственного преступного поведения прежде всего играет нахождение лица во время причинения вреда в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. В таком состоянии совершается 4 из 5-ти умышленных убийств и телесных повреждений, 3 из 4-х изнасилований, а также 7 из 10-ти хулиганств³⁹³. Наиболее распространенным преступлением, совершаемым в пьяном виде, является хулиганство (ст. 213 УК РФ). Так, в 1995 г. из 170 567 лиц, совершивших указанное преступление, 119 136 находились в состоянии алкогольного опьянения³⁹⁴.

В последние годы резко участились случаи управления транспортом лицами в состоянии алкогольного опьянения. Они — виновники каждого четвертого дорожно-транспортного происшествия. Так, в 1998 г. из 70 867 преступлений, имевших место на транспорте, по вине пьяных водителей было совершено 6256 правонарушений.³⁹⁵

Неблагополучная картина в этом отношении сложилась в России в первом полугодии 1999 г. Из 44 659 преступлений 3322 были

³⁹¹Состояние преступности в России за первое полугодие 1999 г. М., 1999. С. 37.

³⁹²См.: Преступность и правонарушения. М., 1996.

³⁹³Криминология: Учебник для юрид. вузов /Под ред. В. Н. Бурлакова и др. С. 281.

³⁹⁴Преступность и правонарушения (1991-1995): Статистич. сб. М., 1996. С. 8.

³⁹⁵Состояние преступности в России за 1998 г. М., 1999. С. 14-15.

>>>186>>>

совершены водителями, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, а из зарегистрированных 63,1 тысячи ДТП по вине нетрезвых водителей произошло 90 000 (+3,8%) указанных происшествий. При этом в авариях погибло 11 000 (+8,9%) и ранено 72,2 тысячи (+5,8%) человек. В этом числе 630 детей и 9,6 тысячи несовершеннолетних в возрасте до 16 лет³⁹⁶.

Вместе с тем изучение статистических данных и материалов практики ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области по борьбе с пьянством и алкоголизмом за последние годы показывает, что в состоянии опьянения совершается и на региональном уровне значительное количество преступлений, о чем могут свидетельствовать показатели за период с 1995 по 1999 гг. в представленной табл. 10.

Таблица 10

Показатели практики	Период									
	1995	1996	1997	1998	9мес 1999	1995	1996	1997	1998	9мес 1999
Регион	Санкт-Петербург					Ленинградская область				
Всего зарегистрировано преступлений	101398	84097	78680	89946	72239	41699	36869	35633	37465	30442
Выявлено лиц, совершивших преступления	42600	41045	28626	35159	29799	23744	21701	17449	18522	14731
Совершили преступления в состоянии алкогольного опьянения	14877	14759	8521	8530	5941	10619	9174	7519	6945	4504

Из таблицы видно, что хотя и наблюдается устойчивая тенденция на улучшение оперативной обстановки, и в частности на снижение совершения преступлений в состоянии алкогольного опьянения, в указанных регионах, тем не менее криминогенное состояние оставляет желать лучшего, так как количество преступлений, которые

³⁹⁶Состояние преступности в России за 1-е полугодие 1999 г М., 1999. С. 12, 38.

>>>187>>>

совершаются в пьяном виде, еще значительно.

Рост транспортных правонарушений в какой-то степени объясняется и отменой в свое время уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 211-1), которая была исключена из УК РСФСР 1960 г. Отсутствует специальная норма и в действующем УК РФ 1996 г. Данное обстоятельство порождает в сознании правонарушителей чувство безнаказанности за указанное деяние, способствует совершению, наряду с другими причинами, дорожно-транспортных происшествий и транспортных преступлений.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что правоохранительными органами не в полной мере применяется уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, в частности в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ и т. п. (ст. 151 УК РФ), где субъектом преступления является вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста. Само же преступное деяние предполагает склонение несовершеннолетнего к употреблению алкоголя и одурманивающих веществ не менее трех раз в течение непродолжительного периода.

В этой связи следует заметить, что в результате широкого распространения пьянства среди молодежи многие учащиеся среднеоб-разовательных учебных заведений начинают употреблять спиртные напитки уже в 15-16 лет, затем часть из них бросает учебу, не проявляя какого-либо интереса и к общественно полезному труду. Несмотря на снижение числа детей, употребивших спиртные напитки и принявших участие в совершении преступлений, на 29,4%, количество несовершеннолетних, к которым применены меры воздействия за распитие спиртных напитков или появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, возросло за пятилетие на 87,4% (со 162,2 до 303,9 тысячи)³⁹⁷.

Нельзя не отметить, что отсутствие в УК РФ специальных норм, предусматривавших по УК РСФСР 1960 г. уголовную ответственность за нарушение правил торговли спиртными напитками

³⁹⁷Преступность несовершеннолетних в России (1993-1997 гг.): Статистич. сб. М., 1998. С 5.

>>>188>>>

(ст. 156-1), а также за изготовление, сбыт, хранение крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158) и других преступлений, связанных с пьянством, порождает бесконтрольность и пассивность со стороны правоохранительных органов в предупреждении пьянства и алкоголизма на современном этапе борьбы с преступностью.

Изложенное настоятельно указывает на необходимость укрепления законодательной базы в предупреждении и искоренении пьянства не только на общесоциальном, но и специально-криминологическом уровнях, так как данное социально негативное явление, тесно связанное с преступностью, в свою очередь, является питательной средой для нее, и здесь не последнюю роль играет алкогольное опьянение. Вместе с тем уголовная ответственность за совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения, нашедшая свое законодательное закрепление, требует более четкого уголовно-правового оформления, а также дальнейшего изучения и исследования специалистами самых различных направлений наряду с криминалистами и представителями медицины.

Однако под опьянением в ст. 23 УК РФ понимается не только состояние, вызванное употреблением алкоголя, но и потреблением наркотических средств или одурманивающих веществ. Последние виды опьянения, как мы уже отмечали, представляют собой новшество для отечественного уголовного законодательства и имеют принципиальное отличие, с точки зрения медицины, от алкогольного опьянения.

Следовательно, согласно ст. 23 УК РФ лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии наркотического опьянения, если оно является субъектом преступления, от уголовной ответственности не освобождается.

Состояние наркотического опьянения обычно наступает при употреблении лицом или воздействии на организм наркотических средств, которые могут являться как лекарственными, так и нелекарственными. Поэтому данное опьянение связано с потреблением внутрь в виде таблеток, порошка, путем инъекций, вдыхания порошка через нос, курения и т. п. наркотических средств, которыми признаются вещества растительного и синтетического происхождения, а также лекарственные препараты, содержащие наркотики.

Согласно Федеральному закону «О наркотических средствах и психотропных веществах» от 10 декабря 1997 г. под наркотически-

ми средствами понимаются вещества синтетического или естественного происхождения, а также препараты и растения, включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и т. п., которые подлежат контролю в России в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами³⁹⁸.

К наиболее распространенным наркотическим средствам, согласно списку, который содержит три перечня, в настоящее время, например, относятся: гашиш (анаша), героин, каннабис (марихуана), кодеин, кокаин, концентрат из маковой соломы, эфедрин, морфин, тебаин, опий, промедол, амфетамин, метаквалон, проперидин и др.³⁹⁹, которые имеют стимулирующее или возбуждающее воздействие на организм, в частности, на центральную нервную систему.

К наркосодержащим растениям, что общеизвестно, относятся: опийный мак, конопля южночуйская, южноманьчжурская, южно-архонская, индийская и другие разновидности конопли и наркосодержащих растений, используемых для приготовления наркотических средств и их употребления⁴⁰⁰.

В свою очередь, наркотические лекарственные препараты в основном используются в лечебных целях и отпускаются больным гражданам по рецептам врачей в индивидуальном порядке.

Наркотическое опьянение имеет свои особенности, в отличие от алкогольного, и по внешним проявлениям чаще всего может быть определено как эйфорическое. Оно также характеризуется вялостью и сонливостью, часто бессмысленным выражением лица, монотонной и неясной речью. Картина поведения в целом, как отмечается в специальной литературе, напоминает и похожа на поведение лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, однако запах алкоголя изо рта отсутствует. Сам субъект становится вялым и малоподвижным, отгороженным от окружающего. Субъективно данные лица испытывают или переживают блаженство, так как все окружающее представляется им далеким и нереальным, не имеющим к ним отношения. Нередко наркотическое опьянение сопровождается галлюцинаторными переживаниями⁴⁰¹.

³⁹⁸Криминальный вестник 1998. № 3-4.

³⁹⁹Законодательство о незаконном обороте наркотиков. СПб., 1998 С 93, 98.

⁴⁰⁰Законодательство о незаконном обороте наркотиков. С. 93, 98.

⁴⁰¹Судебная психиатрия М., 1986 С 245; Дунаевский В. В, Стяжкин В. Д. Указ. соч. С. 109-110.

Следует также отметить, что, как и при алкогольном опьянении, осознанность своего поведения и контролируемость поступков у лица, находящегося в данном состоянии, сохраняется. Вместе с тем, как отмечает И. Н. Пятницкая, характер и сила состояния эйфории находятся, как правило, в прямой зависимости от вида и дозы наркотического средства и продолжительности и частоты его приема, а также индивидуальных психических особенностей личности и ее отношения к тому или иному наркотику. Например, внутренний прием опия и морфина сопровождается почти мгновенным ощущением тепловой волны, которая длится в течение минуты, а затем состоянием эйфории⁴⁰².

Состояние эйфории, т. е. наркотическое опьянение, может также наступать и в результате курения гашиша, марихуаны и других наркотических средств. Обычно через несколько минут после приема указанных наркотиков путем курения, как свидетельствует практика, наступает довольно сильное возбуждение, лицо не в состоянии всегда контролировать себя, свои поступки, оно весело, суетливо, беспрестанно двигается, произносит непонятные речи, у него искажается чувство времени и пространства. В данном состоянии лицо становится опасным для окружающих и может совершить какое-либо преступление⁴⁰³.

При этом лицо, совершившее преступление в состоянии наркотического опьянения, как мы уже неоднократно отмечали, в связи с указанием закона (ст. 23 УК РФ) не освобождается от уголовной ответственности. Оно в данном случае является субъектом преступления, как и при физиологическом алкогольном опьянении.

Вместе с тем вопросы уголовной ответственности за совершение преступления в состоянии наркотического, как и алкогольного опьянения, вызванного насильственным, против воли лица, потреблением наркотических средств, действующим УК РФ не регламентированы.

Далее следует отметить, что немедицинское потребление наркотических средств и злоупотребление ими принимает характер заболевания, которое называется наркоманией. Специфика наркомании как заболевания, проявляющегося в постоянном влечении к приему нар-

⁴⁰²См.: Пятницкая И. Н. Клиническая наркомания. С. 19, 60.

⁴⁰³См.: Федотов Д. Д. Современное состояние и перспективы разработки проблемы лечения и профилактики неалкогольных токсикоманий //Алкоголизм и токсикомания. М., 1968. С. 178.

>>>191>>>

котиков, а также психической и физической зависимости от них, как и алкоголизм, приводит к глубоким изменениям личности и истощению функций организма. При этом особенность наркомании позволяет рассматривать ее не только как болезнь, но и как своеобразную проблему, причиняющую огромный вред личности и обществу.

Следовательно, наркомания представляет собой болезнь, которая требует медицинского вмешательства, а в отношении лица, злоупотребляющего наркотическими средствами, совершившего преступление, наряду с уголовным наказанием в соответствии со ст. 97 УК РФ суд может применить принудительную меру медицинского характера в виде принудительного лечения от наркомании.

Показательно в этом отношении уголовное дело по обвинению гражданина Д. в совершении им в 1996 г. преступлений, предусмотренных УК РСФСР ч. 2 ст. 145 — грабеж и ч. 3 ст. 224 — незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств.

Подсудимый Д. вину свою в совершении инкриминируемых ему деяний признал полностью, пояснив, что данные преступления совершил, так как находился в наркотической зависимости и готов понести наказание и пройти курс лечения от наркомании. Проведенной судебно-психиатрической экспертизой было установлено, что Д. психическим заболеванием не страдает, однако обнаруживает психотические черты характера, а также признаки наркомании.

В период совершения преступления Д. не обнаруживал признаков временного психического расстройства, связанного с употреблением наркотиков, а потому мог осознавать свои действия и руководить ими, являясь, таким образом, вменяемым.

На основании ст. 10 УК РФ, переквалифицировав действия Д. с ч. 2 ст. 145 УК РСФСР на п. «а» и п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ по признакам совершения грабежа группой лиц по предварительному сговору и с незаконным проникновением в жилище, суд наряду с наказанием в виде лишения свободы условно, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ применил к Д. принудительные меры медицинского характера, обязав его пройти курс лечения от наркомании в наркологическом диспансере по месту жительства.⁴⁰⁴

⁴⁰⁴Архив Федерального суда Кировского района Санкт-Петербурга. Дело № 1-150/1998.

Как показывают исследования, среди лиц, злоупотребляющих наркотиками, почти 2/3 наркоманов — молодежь, из которых несовершеннолетние составляют 43%⁴⁰⁵, и эти показатели из года в год увеличиваются, представляя серьезную угрозу для общества и государства в целом.

Вместе с тем ст. 23 УК РФ, на что мы уже обращали внимание, предусматривает уголовную ответственность не только за совершение преступления в состоянии физиологического и наркотического опьянения, но и за состояние, которое может быть достигнуто и при воздействии на организм человека одурманивающих веществ.

К одурманивающим веществам относятся лекарственные препараты, не являющиеся наркотическими средствами: димедрол, тилоль-фен, эфир, эфрин, теофедрин, седуксен, триоксазин, элениум, фназе-пам, хлороформ и другие, которые при приеме без разрешения врача и в недозволенных дозах могут оказать одурманивающее воздействие на организм человека и вызвать состояние опьянения.

Следует также отметить, что достаточно большую группу влекущих одурманивание веществ, которые не относятся к медицинским (лекарственным) препаратам, образуют, в частности, средства хозяйственно-бытового назначения, токсичные вещества и различные летучие растворители: ацетон, бензин, бензол, толуол, дихло-фос, карбофос, хлорэтил и средства бытовой химии, а также различные лаки, краски, клеи и т. п. вещества, обладающие повышенными одурманивающими свойствами.

При их вдыхании перечисленные вещества воздействуют на организм человека и вызывают одурманивающее состояние. При этом к подобному состоянию может привести не только вдыхание паров различных растворителей, ацетона, бензина, выхлопного газа от работающего двигателя автомашины, клея «Момент», летучих ароматических веществ и самых различных жидкостей, используемых в промышленности, и других химических соединений, но и употребление лекарственных средств вместе со спиртными напитками. В последнем случае речь идет о смесях, например димедрола с алкоголем, барбитурато-алкогольной смеси, клофелине, т. е. ал-

⁴⁰⁵Шабский В. А. Наркотизм несовершеннолетних (правовой и криминологический аспекты): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1999. С. 2-3

когольных смесей любой концентрации, употребляемых для усиления состояния одурманивания (опьянения).

Так, картина опьянения, вызванная барбитуратами (снотворными средствами), как отмечается в медицинской литературе, чаще всего напоминает по внешним признакам алкогольное опьянение, а лицо испытывает приятное состояние эйфории, а также общего соматического благополучия. Оно становится расторможенным, довольно развязным, многословным, грубым и навязчивым⁴⁰⁶.

В состоянии наркотического и токсического (одурманивающего) опьянения совершается определенное количество самых различных преступлений.

Так, в подобном состоянии в 1996 г. в России было совершено 11,3 тыс. преступлений, или 0,6% в общем числе расследованных общественно опасных деяний⁴⁰⁷. В свою очередь, содержание преступлений, совершенных в состоянии наркотического и токсического опьянения, в 1998 г. уже составило 1%, тогда как из выявленных 1 481 503 лиц, совершивших преступные деяния, в указанном состоянии находилось 12 487 человек⁴⁰⁸. Тенденция роста преступлений, совершаемых в наркотическом и токсическом опьянении, наблюдалась и в первой половине 1999 г. Содержание общественно опасных деяний, совершенных в таком состоянии, составило 0,9%, а темпы их прироста возросли на 13,3%⁴⁰⁹. Особенно продолжает расти совершение преступлений в состоянии наркотического и одурманивающего (токсического) опьянения среди несовершеннолетних, о чем могут свидетельствовать следующие данные: в 1993 г. их совершено 1093, в 1994 г. — 777, в 1995 г. — 857, в 1996 г. — 1124, в 1997 г. — 1321⁴¹⁰.

Изучение статистических данных и материалов практики деятельности органов внутренних дел по выявлению лиц, совершивших преступления в состоянии наркотического или токсического опьянения, показывают следующую картину. Так, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 1995 г. из выявленных 66 344 лиц, совер-

⁴⁰⁶См.: Дунаевский В. В., Стяжкин В. Д. Указ. соч. С. 140; Судебная психиатрия. М., 1997. С. 253 и др.

⁴⁰⁷Состояние преступности в России за январь-декабрь 1996 г. М., 1997. С. 33.

⁴⁰⁸Состояние преступности в России за январь-декабрь 1998 г. М., 1999. С. 20, 34.

⁴⁰⁹Состояние преступности в России за 1-е полугодие 1999 г. М., 1999. С. 37.

⁴¹⁰Преступность несовершеннолетних в России (1993-1997 гг.). С. 19.

>>>194>>>

шивших преступления, 302 человека находились в указанном состоянии, в 1996 г. из 62 746 преступников 310 человек совершили общественно опасное деяние в рассматриваемом состоянии, в 1997г. из 46075 правонарушителей 318 человек преступление совершили в состоянии наркотического и токсического опьянения, в 1998 г. из 53 681 субъекта преступления 133 совершили общественно опасное деяние в аналогичном состоянии. Несколько меньше было совершено преступлений — 68 — в состоянии наркотического и токсического опьянения за 8 месяцев 1999 г.

Далее следует отметить, что частое использование одурманивающих веществ может привести человека к токсикомании, как злоупотребление спиртными напитками приводит к алкоголизму, а наркотическими средствами — к наркомании. Следовательно, токсикомания представляет собой также заболевание, но уже вызванное злоупотреблением одурманивающими лекарственными или нелекарственными веществами различной природы, которые не являются наркотическими средствами, но обуславливают привыкание (зависимость).

Как показывают исследования, токсикоманы в среднем моложе наркоманов, а 80% среди них составляют несовершеннолетние⁴¹¹.

Распространение наркомании и токсикомании среди детей и молодежи в России происходит нарастающими темпами. Так, в 1997 г. число подростков, состоящих на учете в органах внутренних дел за употребление наркотических средств, составило 14,6 тыс. Особую озабоченность вызывает и такой факт, что за период с 1993 по 1996 гг. наблюдается почти трехкратное (с 3,2 до 9,3 тыс.) возрастание количества детей, которые имеют официально установленные диагнозы «наркомания» или «токсикомания»⁴¹².

В свою очередь, на начало 1998 г. только на учете в медицинских учреждениях состояло около 37 тыс. несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства и психотропные вещества, в числе которых 20 тыс. больных наркоманией. За период с 1988 по 1998 гг. количество больных наркоманией, как детей, так и молодежи, выросло в 10 раз, а в некоторых регионах России даже в 14 раз. При этом за последние 10 лет смертность в результате потребления

⁴¹¹См.: Омигов В. И. Криминологические и правовые проблемы борьбы с наркоманией и наркотизмом. М., 1992. С. 26.

⁴¹²Преступность несовершеннолетних в России (1993-1997 гг.). С. 5.

>>>195>>>

наркотиков среди взрослых увеличилась в 12 раз, тогда как среди детей и молодежи — в 42 раза⁴¹³.

Акцентируем еще раз внимание на том, что, как при физиологическом и наркотическом опьянении, так и при одурманивающем состоянии (опьянении), виновное лицо согласно закону не освобождается от уголовной ответственности за совершенное преступление. При установлении вменяемости и соответствия закону возраста лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии токсического опьянения, оно признается субъектом преступления.

Далее следует отметить, что в судебной практике в настоящее время при вынесении приговоров (в Новосибирской, Астраханской и других областях) имеют место случаи расширенного толкования судами отягчающих обстоятельств, в частности относительно совершения преступления в состоянии опьянения. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснение судам, исходя из положения ч. 3 ст. 60 УК РФ, что указанные обстоятельства (алкогольное, наркотическое и токсическое опьянение) могут учитываться судом, как правило, при оценке данных, характеризующих личность.⁴¹⁴

Само указание закона (ст. 23 УК РФ) об уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, и отсутствие его в перечне обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63), скорее, носит превентивный, а не репрессивный характер. Вместе с тем, как свидетельствует уголовная статистика и судебно-следственная практика, за последние годы в России и на региональных уровнях количество совершаемых преступлений в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, а также связанного с употреблением одурманивающих веществ, особенно среди несовершеннолетних, из года в год увеличивается. Данное обстоятельство представляет серьезную угрозу не только для нашего общества и государства, но и для всех граждан России, в частности для детей и молодежи, т. е. когда речь идет о преступности несовершеннолетних и молодежной преступности.

⁴¹³Постановление Государственной Думы «О неотложных мерах по предупреждению распространения в России наркомании и токсикомании среди детей и молодежи» от 16 декабря 1998 г // Наркомания и закон: Сб. СПб., 1999 С 40-41.

⁴¹⁴См.: Лебедева М О некоторых вопросах назначения судами наказания // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 9 С. 4.

>>>196>>>

Вышеизложенное позволяет сделать предложение, направленное на совершенствование уголовного законодательства и эффективность его применения в рамках рассматриваемой проблемы, об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

В связи с этим представляется целесообразным в перечень обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), включить пункт в следующей редакции: «Совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения. Суд вправе, в зависимости от характера совершенного преступления, не признать это обстоятельство отягчающим наказание».

Глава V. ВИДЫ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Понятие и сущность специального субъекта преступления в уголовном праве

Наряду с существованием в уголовном праве общего понятия «субъект преступления», признаки которого нашли законодательное закрепление в ст.ст. 19, 20, 22 УК РФ (физическое лицо, возраст, вменяемость), существует понятие «специальный субъект преступления», обладающий дополнительными свойствами, присущими определенной категории лиц, совершивших общественно опасное деяние.

В действующем уголовном законодательстве отсутствует понятие специального субъекта преступления. Не было его и в Уголовных кодексах РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г.

Даже в юридической литературе, в частности уголовно-правового характера, проблеме специального субъекта отводилось мало внимания. В науке отечественного уголовного права, как справедливо отмечает В. В. Устименко, разработка понятия специального субъекта преступления наиболее активно началась только с конца 50-х годов⁴¹⁵.

В последующем важный вклад в исследование этой проблемы внесли ученые-юристы В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, Ш. С. Раш-ковская, А. М. Лазарев, Г. Н. Борзенков, Р. Орымбаев, В. В. Устименко и др. Вместе с тем, несмотря уже на определенный интерес к этой проблеме, в науке уголовного права довольно крупных иссле-

⁴¹⁵См. Устименко В В Специальный субъект преступления. Харьков, 1989 С 7-8.

дований специального субъекта преступления практически не имеется, за исключением монографий Р. Орымбаева (1977) и В. В. Устименко (1989)⁴¹⁶.

На одну из сторон этой проблемы было обращено внимание И. И. Карпецом, который отмечал, что, когда с особой остротой возникает вопрос о профессиональной пригодности людей, работающих с техникой, в уголовном праве проблема о специальном субъекте преступления рассматривается весьма ограниченно.⁴¹⁷

Специфика совершения отдельных видов преступлений предполагает, что в соответствии с положениями закона субъект в каждом конкретном случае должен обладать дополнительными признаками, или свойствами, для выполнения объективной стороны преступления.

Данное обстоятельство дает возможность определить специальный субъект преступления и играет существенную роль для более правильной квалификации общественно опасных деяний. Само же уяснение понятия специального субъекта преступления имеет важное как теоретическое, так и практическое значение в деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Так, при квалификации преступлений против государственной власти, преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, преступлений, направленных против военной службы и других, существенно установление, или выявление, в первую очередь специальных признаков субъектов, совершивших эти преступления.

Однако по определению специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе нет единого мнения. Одни ученые специальным субъектом считают лицо, не только обладающее свойствами общего субъекта, но и наделенное дополнительными, присущими только ему качествами (В. С. Орлов, А. А. Пионтковский, А. М. Лазарев, Г. Н. Борзенков)⁴¹⁸. Другие главный акцент делают на

⁴¹⁶См.: Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. Алма-Ата, 1977; Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 7.

⁴¹⁷См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 150.

⁴¹⁸См.: Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. С. 138; Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: В 6 т. Т. 2. М., 1970. С. 208; Лазарев А.М. Субъект преступления. М., 1981. С. 9; Ермакова Л. Д. Специальный субъект преступления // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть' Учебник для юрид вузов / Под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 214; Борзенков Г. Н. Специальный субъект преступления // Курс уголовного права. С. 284 и др.

>>>199>>>

более характерных особенностях специального субъекта, нашедших отражение в диспозициях соответствующих статей Уголовного кодекса. Так, по мнению Н. С. Лейкиной и Н. П. Грабовской, специальными называются такие субъекты, которые обладают конкретными особенностями, указанными в диспозиции статьи. При этом признание некоторых лиц специальными субъектами обусловлено, прежде всего, тем, что вследствие занимаемого ими положения они уже могут совершать преступления, которые не могут быть совершены иными лицами⁴¹⁹.

Имеет место в юридической литературе при определении специального субъекта и другая точка зрения — ограничительного характера, когда значительно суживается круг лиц, подлежащих уголовной ответственности, при наличии тех или иных дополнительных признаков субъекта преступления. Так, по утверждению Ш. С. Рашковской и Р. Орымбаева, специальным субъектом преступления является лицо, которое кроме необходимых признаков общего субъекта (возраст и вменяемость), предусмотренных в законе, должно еще обладать особыми дополнительными признаками, дающими возможность привлечь данное лицо к уголовной ответственности за совершение преступления⁴²⁰.

При этом следует сказать, что, несмотря на неоднозначный подход в определении понятия специального субъекта, в уголовном праве большинство авторов едины в том, что кроме общих признаков, предусмотренных в законе, лицо, совершившее преступление, должно еще обладать и дополнительными, присущими только ему признаками (свойствами). Следует согласиться с В. В. Устименко, который справедливо отмечает, что разное понимание в определении составов преступлений со специальным субъектом вызвано не только возрастанием количества таких составов, но и различиями в трактовке самого понятия специального субъекта и его признаков⁴²¹.

Разное понимание специального субъекта преступления обусловлено, на наш взгляд, еще и тем, что в теории многие ученые,

⁴¹⁹См.: Лейкина Н. С., Грабовская Н. П. Субъект преступления // Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 1. Л., 1968. С. 389-390; Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 8 и др.

⁴²⁰См.: Рашковская Ш. С. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1972. С. 202; Орымбаев Р. Указ. соч. С. 46.

⁴²¹См.: Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 7.

занимающиеся данной проблемой, вкладывают в его содержание большое количество признаков, которые, по существу, и порождают многообразие взглядов в определении самого понятия данного субъекта. Такое положение, напрямую связанное с вопросами квалификации и ответственности, вызывает определенные трудности в судебно-следственной практике. При этом классификация дополнительных признаков специального субъекта преступления в уголовно-правовой литературе представлена самая разнообразная.

Так, раскрывая природу специального субъекта преступления, Р. Орымбаев подразделяет его признаки на следующие группы:

- 1) признаки, которые характеризуют правовое положение лица;
- 2) демографические признаки, определяющие физические свойства личности преступника;
- 3) признаки, указывающие на должностное положение, характер выполняемой работы и какую-либо профессию лица;
- 4) признаки, характеризующие лицо, занимавшееся в прошлом антисоциальной деятельностью, а также наличие повторности преступления⁴²².

В этой связи представляется, что, указывая повторность как признак специального субъекта (по действующему законодательству — неоднократность, ст. 16 УК РФ), позиция Р. Орымбаева вызывает возражения. Более правильную точку зрения в этом вопросе занимают Н. Ф. Кузнецова и Г. Н. Борзенков, которые полагают, что повторность (неоднократность) относится к признакам объективной стороны преступления, а не является признаком специального субъекта⁴²³.

Действительно, неоднократность, скорее, характеризует общественную опасность преступного деяния и само лицо, его совершившее, но ни в коей мере не выступает специфическим признаком (свойством) субъекта преступления.

Впрочем, и сам Р. Орымбаев не отрицает, что повторность обычно свидетельствует о более высокой степени общественной опасности лица, совершившего преступление⁴²⁴.

⁴²²См.: Орымбаев Р. Указ, соч С 49-59 Данную точку зрения автора в этом вопросе разделяют В В Труфанов и С Ф Милюков (См рецензию на монографию Р. Орымбаева «Специальный субъект преступления»//Правоведение 1980 № 3 С. 109-110).

⁴²³См : Кузнецова Н Ф Преступление и преступность С 66; Борзенков Г Н. Специальный субъект преступлений // Курс уголовного права Т 1 / Под ред Н. Ф Кузнецовой, И М Тяжковой С 286

⁴²⁴См : Орымбаев Р Указ соч С 46.

>>>201>>>

Классификация признаков специального субъекта преступления, предложенная Л. Д. Ермаковой, также условна и не является исчерпывающей. Так, основные признаки специального субъекта она группирует: по государственно-правовому положению; демографическому признаку; семейно-родственным отношениям; должностному положению; характеру выполняемой работы; отношению к военной службе; характеру обязанностей граждан в отношении государства; особому положению лица, связанного с совершением какого-либо преступления, и другим признакам⁴²⁵.

В свою очередь, Г. Н. Борзенков подразделяет признаки специального субъекта преступления на три большие группы, характеризующие: 1) социальную роль, а также правовое положение субъекта;

2) физические свойства лица, совершившего преступление, а также

3) взаимоотношение субъекта с потерпевшим⁴²⁶.

Наиболее многочисленной из представленных групп, как и во многих других классификациях, является первая группа, объединяющая специальных субъектов по следующим признакам: гражданство (гражданин РФ, иностранец, лицо без гражданства); должностное положение лица, профессия (врач, водитель, педагог); род занятий; разновидность представителя власти (следователь, судья, прокурор, депутат); участник судебного процесса (свидетель, потерпевший, переводчик, эксперт); отношение к военной службе (военнослужащий); отношение лица к судимости и т. п.

Вторую, значительно меньшую, группу образуют признаки специального субъекта, которые характеризуют его социально-демографические данные (пол, возраст, состояние здоровья и т. п.).

Третья группа признаков специального субъекта, как уже было отмечено, содержит и отражает особенности, характеризующие отношение данного лица с потерпевшим и другими лицами⁴²⁷.

Данная классификация признаков специального субъекта, разумеется, как и предыдущая, также условна и не бесспорна. Так, к многочисленным признакам специального субъекта Г. Н. Борзенков относит судимость за однородное преступление, а также судимость

⁴²⁵См: Ермакова Л. Д. Специальный субъект преступления // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Б. В. Здравомыслова С. 217

⁴²⁶См : Борзенков Г Н Указ соч С 286.

⁴²⁷Там же.

за неоднократное хищение.⁴²⁸ Представляется, что с этим утверждением вряд ли можно согласиться, так как судимость лица не является дополнительным признаком субъекта преступления. Судимость правильнее рассматривать как признак или особенность уголовно-правовой характеристики личности преступника, которая в большинстве своем свидетельствует о его повышенной общественной опасности. В данном случае следует говорить о свойствах личности преступника, так как судимость, как правило, определяет устойчивую антиобщественную направленность лица, которое вновь совершает преступное деяние. При этом существование в уголовном праве понятия специального субъекта, прежде всего, обусловлено спецификой совершения отдельных видов преступлений и самого субъекта, наделенного дополнительными признаками.

Давая понятие специального субъекта, В. В. Устименко особо отмечает, что специальный субъект преступления — это такое лицо, которое обладает наряду с вменяемостью и возрастом еще и иным, дополнительным признаком, предусмотренным в уголовном законе или прямо вытекающим из него, ограничивающим круг лиц, несущих ответственность по данному закону⁴²⁹.

Вызывает определенный интерес классификация признаков специального субъекта в УК Франции 1992 г., которые по своему содержанию весьма разнообразны и могут быть подразделены на три группы.

К первой группе относятся признаки, характеризующие правовое положение лица, а также выполняемые им функции (гражданство, служебное или должностное положение, профессия или род занятий, лицо, участвующее в судебном процессе, лицо, которое осуждено или заключено под стражу и т. п.).

Ко второй группе относятся признаки субъекта, отражающие его демографические особенности (пол, возраст и другие).

К третьей группе признаков относятся особенности субъекта, характеризующие его отношения с потерпевшим (брачно-семейные, родственные и другие отношения)⁴³⁰.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ См.: Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 23.

⁴³⁰ См.: Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. М., 1996. С. 47.

Следует отметить, что некоторые признаки специального субъекта данной классификации и ранее рассмотренных в какой-то степени перекликаются, что свидетельствует об общих подходах в исследовании данной проблемы как отечественных, так и зарубежных ученых.

Однако в большинстве случаев (примерно около 60%), как отмечает В. В. Устименко, признаки специальных субъектов преступления достаточно четко сформулированы законодателем в основных составах преступлений, которые описаны в Особенной части Уголовного кодекса РФ⁴³¹.

Таким образом, подавляющее большинство исследователей в определении понятия специального субъекта преступления делают акцент на наличии в нем дополнительных признаков, позволяющих отграничивать его от общего субъекта.

По данным нашего исследования, в действующем УК РФ 1996 г. содержится 43% статей со специальным субъектом преступления. Из них 32% преступлений законодателем сконструированы как основные составы, а 11% можно отнести к квалифицированным.

Наиболее характерны разделы с ярко выраженными признаками специального субъекта, например: преступления, направленные против государственной власти — 11%; преступления против личности — 9%; преступления, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок — 8%; а также группа преступлений, направленных против военной службы — 8%.

По данным другого исследования, количество статей Особенной части УК РФ 1996 г. со специальным субъектом составляет около 40%⁴³², что также свидетельствует о сложном и неоднозначном подходе в его определении.

⁴³¹См.: Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 16

⁴³²См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для юрид. вузов / Под ред. Б. В. Здравомыслова. С. 241. Как отмечает В. В. Устименко, в УК РСФСР 1960г., по данным П. Ф. Тельнова, из 232 статей насчитывалось 80 (34,5%) преступлений со специальным субъектом, а, по данным С. П. Бузыновой, признаки специальных субъектов содержались в 46% основных составов. В свою очередь, П. С. Дагель выделял 88, а Н. Ф. Кузнецова — 55 основных составов преступлений со специальным субъектом. Н. С. Лейкина и Н. П. Грабовская, наряду с должностными и воинскими преступлениями, указывали еще на 55 составов, в которых имел место специальный субъект преступления (См.: Устименко В. В. Специальный субъект преступления. С. 7).

Особо следует отметить, что в УК РФ имеется много норм, в которых специальным субъектом преступления является должностное лицо. Признаки его определены в примечании к ст. 285 УК. Так, основные традиционные составы со специальным субъектом следующие: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290), служебный подлог (ст. 292) и др. Хотя понятие должностного лица более детализировано, по сравнению с понятием, которое имело место в примечании к ст. 170 УК РСФСР 1960 г., тем не менее, и оно требует некоторого уточнения в части, касающейся признаков должностного лица (о чем более подробно пойдет речь в следующем параграфе).

К новым составам со специальным субъектом преступления относятся следующие преступные деяния: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140), воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169), отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287), фальсификация доказательств (ст. 303), планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353) и другие.

Специальными субъектами преступлений нередко бывают представители власти, правоохранительных или контролирующих органов, являющиеся должностными лицами. Представители власти в установленном законом порядке от имени государства по отношению к другим гражданам наделены определенными функциями и полномочиями. Так, к данной категории лиц относятся: депутаты любого уровня, главы администраций, мэры городов, работники органов надзора в различных сферах деятельности и т. п.

К представителям власти, согласно закону (примечание к ст. 318— применение насилия в отношении представителя власти), относятся: прокурор, следователь или лицо, производящее дознание, когда речь идет о привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299) или незаконном освобождении от уголовной ответственности (ст. 300), а также судья, который вынес заведомо неправосудный приговор, решение или иной судебный акт (ст. 305 УК РФ).

Специальными субъектами согласно ст. 307, предусматривающей ответственность за дачу заведомо ложных показаний, являются

>>>205>>>

свидетели, потерпевшие, эксперт и переводчик. Достаточно яркими признаками специального субъекта преступления обладают лица, осужденные по приговору суда к уголовному наказанию и совершившие преступление по месту их отбытия, например побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313), дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию заключенных от общества (ст. 321 УК РФ), и др.

Иногда закон не указывает прямо на специального субъекта преступления, обладающего дополнительными признаками, и тогда это лицо следует устанавливать по характерным особенностям профессии, роду работы, занимаемого положения в социальном плане, его обязанностей, полномочий и по другим признакам, о которых мы уже частично упоминали.

Так, специальным субъектом преступления по ст. 263 УК — нарушение Правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта — может быть лицо, которое в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязано соблюдать правила безопасности и эксплуатации указанных видов транспорта.

Специальным субъектом будет и лицо, обязанное по закону оказывать помощь больным. Как правило, ими являются врачи, в отношении которых наступает уголовная ответственность по ст. 124 за неоказание помощи больному, а также за преступление, предусмотренное ст. 128 УК — незаконное помещение в психиатрический стационар.

В основе определения специального субъекта преступления могут иметь место социально-демографические особенности, вытекающие из смысла самого закона. Например, при изнасиловании (ст. 131 УК) специальным субъектом преступления является лицо мужского пола, совершившее половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей либо к другим лицам, а также использованием им беспомощного состояния потерпевшей.

Признаки специального субъекта вытекают из смысла закона и тогда, когда имеет место вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150) и вовлечение указанного лица в совершение антиобщественных действий (ст. 151) УК РФ. В этих составах специальным субъектом может быть только лицо, достигшее 18-летнего возраста. В свою очередь, ч. 1 ст. 157, о которой пойдет

речь ниже, предусматривает ответственность за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, где специальным субъектом являются родители.

С установлением впервые в отечественном уголовном законодательстве ответственности за преступления в среде компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) возникает необходимость уточнения субъекта данного общественно опасного деяния. Речь в этом случае идет о разграничении общего и специальных субъектов преступлений, предусмотренных ст. 272, 273, 274 УК РФ, путем определения их признаков, так как в теории и практике этот вопрос решается неоднозначно. В свою очередь, правильное установление признаков лиц, совершающих компьютерные преступления, позволит избежать в судебной-следственной практике ошибок при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности.

При применении ч. 1 ст. 272, предусматривающей ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, где субъект преступления общий, т. е. любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, определение субъекта преступления не вызывает особых затруднений.

Однако при квалифицированном составе преступления (ч. 2, ст. 272), которое совершается лицом с использованием своего служебного положения и имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, скорее, следует говорить о специальном субъекте преступления, так как лица, о которых идет речь, обладают дополнительными признаками. Это, как правило, лица государственной или другой организации, пользующиеся информацией на законном основании и непосредственно решающие задачи в режиме эксплуатации или обработки баз данных, а также по специфике своей деятельности имеющие право работы на компьютерах и знакомства с хранящейся в них информацией⁴³³.

Что же касается двух других квалифицированных видов неправомерного доступа к компьютерной информации, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272, — совершение группой лиц по предварительному сговору

⁴³³См.: Павлов В. Г. Субъект преступления в сфере совершения компьютерных общественно опасных деяний // Компьютерная преступность: состояние, тенденции и превентивные меры ее профилактики: Матер, междунар. научно-практич. конф. Санкт-Петербург, 12-13 февр., 1999 г. СПб., 1999. С. 194-195.

>>>207>>>

или организованной группой, то здесь необходимо говорить об общем субъекте преступления.

Относительно общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 273 УК РФ, следует заметить, что уголовная ответственность лица за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ в теории и практике в подавляющем большинстве решается одинаково.

Субъектом данного преступления может быть только вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Таким образом, уголовный закон не требует, чтобы это лицо занималось определенной деятельностью или занимало какую-либо должность, а также получило специальное образование или навыки работы на ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Значит, и в данном случае мы можем говорить не о специальном, а об общем субъекте преступления⁴³⁴.

В свою очередь, ст. 274 УК предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. В теории и практике можно встретить по поводу данного субъекта преступления разные точки зрения. Предпочтительна позиция Н. Ф. Кузнецовой, Ю. И. Ляпунова, А. В. Наумова, А. И. Рарога и других, которые утверждают, что в указанном общественно опасном деянии субъект преступления специальный, т. е. лицо, имеющее доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети. Ими могут быть программисты, операторы ЭВМ, техники-наладчики, другие лица, имеющие для работы на них соответствующую квалификацию и доступ, т. е. законные их пользователи.

Противоположной точки зрения придерживаются в этом вопросе А. И. Бойко, Ю. И. Скуратов и др. По их мнению, в этом случае имеют место признаки общего субъекта преступления. Это лицо, достигшее возраста 16 лет, получившее фактическую возможность вмешиваться в эксплуатацию указанных электронных устройств, их систем или сети. Думается, их позиция требует более веской аргументации.

Далее следует отметить, что исходя из государственно-правового положения лиц, проживающих у нас в стране, специальным субъектом государственной измены (ст. 275) может быть толь-

⁴³⁴Павлов В. Г. Субъект преступления в сфере совершения компьютерных общественно опасных деяний. С. 195-196.

>>>208>>>

ко гражданин РФ, достигший 16-летнего возраста, а специальным субъектом шпионажа (ст. 276) могут являться представители иностранного государства или лица без гражданства в возрасте от 16 лет.

Особую и многочисленную группу уголовно-правовых норм со специальным субъектом, как и в УК РСФСР 1960 г., составляют преступления против военной службы, объединенные законодателем в самостоятельный 11-й раздел, которому соответствует и название 33-й главы (ст.ст. 331-352 УК РФ).

Специальными субъектами воинских преступлений, в соответствии со ст. 331 УК, являются военнослужащие, а также граждане, находящиеся в запасе и проходящие военные сборы. На последних распространяется уголовная ответственность за совершение ими воинских преступлений по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ.

В Законе РФ «Об обороне» (1996 г.) дан исчерпывающий перечень вооруженных формирований, личный состав которых признается военнослужащими, а их служба является военной. Нарушение военнослужащими и военнообязанными уголовно-правовых норм, как правило, связано с посягательством на установленный порядок прохождения военной службы и другие общественные отношения. Преступления против военной службы могут быть совершены только специальным субъектом, о чем подробно будет идти речь в четвертом параграфе данной главы.

С учетом изложенного и уточнения специального субъекта преступления в российском уголовном праве представляется целесообразным его понятие определить следующим образом: «Специальным субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, наделенное или обладающее дополнительными признаками, присущими ему на момент совершения общественно опасного деяния, и способное нести уголовную ответственность за преступление». Данное понятие, на наш взгляд, наиболее полно выражает внутреннее содержание специального субъекта преступления, исходя из действующего уголовного законодательства в нашей стране.

Таким образом, проблема специального субъекта преступления и в настоящее время требует со стороны ученых и практических работников более внимательного рассмотрения, а изучение и глубокое исследование понятия, признаков, видов специального субъекта тесно связано с вопросами правильной квалификации преступлений и с

уголовной ответственностью. Успешное решение этой проблемы будет способствовать также неукоснительному исполнению уголовного закона в борьбе с преступностью и при осуществлении правосудия, где главенствующую роль должен играть принцип законности.

§ 2. Уголовно-правовой анализ специального субъекта преступления с признаками должностного лица

Проблема борьбы с должностными преступлениями в нашем государстве на различных этапах его развития была достаточно актуальна. Это, прежде всего, обусловлено тем, что она неразрывно связана с должностным лицом, являющимся специальным субъектом преступления, с одной стороны, а с другой — общественная опасность должностных преступлений, связанных со спецификой субъекта преступления и использованием должностным лицом своего служебного положения, причиняет значительный вред обществу, государству и гражданам. Поэтому проблему специального субъекта должностных преступлений необходимо рассматривать как с позиций развития отечественного уголовного права, так и анализа данных совершения этих преступлений и их взаимосвязи с другими общественно опасными деяниями, посягающими на различные общественные отношения.

В связи с этим важное значение приобретают труды советских и современных ученых-юристов, в которых исследуются вопросы ответственности за должностные преступления (А. В. Галахова, Б. В. Волженкин, Б. В. Здравомыслов, М. Д. Лысов, А. Я. Светлов и др.).⁴³⁵ Вместе с тем, как отмечается в юридической литературе, большой вклад в изучение должностных преступлений сделали: А. А. Жижиленко, А. Я. Эстрин, А. Н. Трайнин, Б. С. Утевский, В. Ф. Кириченко, В. И. Соловьев, С. И. Тихенко и др. А по утверждению Б. В. Вол-

⁴³⁵См.: Лысов М. Д. Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву. Казань, 1972; Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М., 1975; Галахова А. В. Превышение власти или служебных полномочий. Вопросы уголовно-правовой квалификации. М., 1978; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. Киев, 1978; Волженкин Б. В., Кеашис В. Э., Цаги-кян С. Ш. Ответственность за взяточничество: социально-правовые и криминологические проблемы Ереван, 1988; Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999 и др.

женкина, в научных спорах 30-х-40-х годов, вплоть до наших дней, понятие должностного лица как специального субъекта преступления обсуждалось в работах ученых-криминалистов В. Ф. Кириченко, Н. С. Лейкиной, В. Д. Меньшагина, А. Б. Сахарова и др.⁴³⁶

Продолжается активная научно-исследовательская работа в этом направлении с учетом изменений в уголовном законодательстве и в настоящее время, так как большие преобразования во всех сферах жизнедеятельности общества в современных условиях борьбы с преступностью выдвигают на передний план важную задачу — предупреждения преступлений, посягающих на нормальную деятельность государственного аппарата при реализации гражданами своих конституционных прав и свобод.

Должностные преступления наносят государству большой вред, так как их количество из года в год возрастает. По данным уголовной статистики, должностных преступлений было совершено в 1994 г. — 85,7 тыс.; в 1995 г. — 88,9 тыс.; в 1996 г. — 99,3 тыс.; в 1997 г. — 105 тыс.; в 1998 г. — 109,8 тыс.⁴³⁷ Наблюдается устойчивая тенденция и роста числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за должностные преступления.

Если рассматривать все виды должностных преступлений, отмечает Б. В. Волженкин, не исключая, разумеется, взяточничество, то по вступившим в законную силу приговорам число осужденных за период с 1993 г. по 1997 г. будет выглядеть следующим образом: 1993г.- 1968 чел., 1994г.-- 2251 чел., 1995г.-- 2524 чел., 1996 г. — 2890 чел., 1997 г. — 2794 чел.⁴³⁸

Однако несмотря на то, что в общей структуре преступности должностные преступления занимают незначительный удельный вес, тем не менее для общества, государства и граждан они представляют большую опасность⁴³⁹, а количество их, в частности пре-

⁴³⁶См.: Волженкин Б. В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений //Сов. государство и право. 1991. № 11. С. 76.

⁴³⁷См.: Щит и меч. 1999. 11 марта.

⁴³⁸См.: Волженкин Б. В. Коррупция: Сер. Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998. С. 15; Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под ред. Б. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб., 1999. С. 410.

⁴³⁹В криминологической литературе в более ранние годы отмечалось, что должностные преступления составляли лишь 2-3% в общей структуре преступности (См.: Криминология / Под ред. А. П. Герцензона, В. К. Звирбуля, И. И. Карпеца, Г. М. Минь-ковскогидр. М., 1968. С. 119.).

>>>211>>>

ступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, увеличивается. Так, в 1997г. из 2397311 преступлений, совершенных в России, 16441, в том числе взяточничество— 5624, составили должностные преступные деяния, охватываемые гл. 30 УК РФ⁴⁴⁰. В 1998 г. из 2 млн. 582 тыс. общественно опасных деяний выявлено 18,1 тыс. преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (+10,3%), в том числе 5,8 тыс. фактов взяточничества (+3,3%)⁴⁴¹. Неутешительная картина в этом отношении имеет место и в 1999 году.

Таким образом, как свидетельствует уголовная статистика за последние годы, в целом на фоне общего роста преступности в России наблюдается тенденция роста должностных преступлений, в которых, как правило, специальным субъектом является должностное лицо.

Подтверждаются данные роста должностных преступлений и числа осужденных лиц за эти правонарушения проведенным нами исследованием, а также изучением материалов судебной статистики на региональном уровне с 1997 по 1999 г. по делам, рассмотренным районными судами Санкт-Петербурга и районными судами Ленинградской области со времени действия УК РФ 1996 г. (табл. 11).

Таблица 11⁴⁴²

Лица, осужденные за различные преступления	Годы		
	1997	1998	1999
Всего осуждено	20155/12910	23625/13412	25719/15859
Ст. 160 УК РФ	65/-	67/-	68/-
Ст.ст. 204, 290, 291 УК РФ	39/12	44/16	40/6
Ст.ст. 201-203, 285-289, 292, 293 УК РФ	31/19	45/19	27/7
Ст.ст. 143, 215-219 УК РФ	9/2	14/4	4/6
Ст.ст. 246-262 УК РФ	-/24	-/20	-/80

>>>212>>>

Разумеется, указанные показатели не дают полной и объективной картины совершения должностных преступлений, но в них можно усмотреть некоторую тенденцию к увеличению числа осужденных лиц за общественно опасные деяния, охватываемые гл. 30 УК РФ, в частности взяточничество (ст.ст. 290, 291), служебный подлог (ст. 292), халатность (ст. 293) и другие должностные преступления. При этом некоторые преступления, например против общественной безопасности (гл. 24 ст.ст. 215-219) и экологические (гл. 26 ст.ст. 246-262), могут совершаться как должностными лицами, так и другими гражданами, не обладающими признаками специального субъекта.

Важным и дискуссионным остается как в теории, так и на практике вопрос, связанный с установлением уголовной ответственности в отношении лица, совершившего должностное преступление. В данном случае речь идет, как правило, о специальном субъекте преступления, наделенном должностными признаками по отношению к общему субъекту.

Однако, если обратиться к истории и эволюции понятия специального субъекта должностных преступлений, то в качестве примера можно привести Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Как справедливо отмечает Е. В. Тарасова,

⁴⁴⁰См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 1997 г. С. 7.

⁴⁴¹См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 1998 г. С. 7, 33.

⁴⁴²В представленной таблице в числителе указаны данные осужденных лиц районными судами 1-й инстанции Санкт-Петербурга, а в знаменателе — районными судами Ленинградской области.

в основу 5-го раздела был положен статус специального субъекта, так как раздел включал в себя преступления: превышение власти, бездействие власти, мздоимство и лихоимство⁴⁴³. Если говорить об Уложении 1903 г., то должностные преступления также совершались специальным субъектом, хотя относились к преступным деяниям, посягающим на другие общественные отношения (порядок управления).

В советском уголовном законодательстве, по утверждению Б. В. Волженкина, впервые был обозначен круг лиц, ответственных за должностные преступления, в частности за получение взятки, в Декрете СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве», и этот круг ответственных лиц был значительно шире, чем в дореволюционном уголовном законодательстве⁴⁴⁴.

⁴⁴³См.: Тарасова Е. В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 11.

⁴⁴⁴См.: Волженкин Б. В. К вопросу о понятии должностного лица как субъекта должностных преступлений // Сов. государство и право. 1991. № 11.

>>>213>>>

Первый УК РСФСР 1922 г. законодательно сформулировал определение должностного лица как специального субъекта преступления, исходя из характера функций. Понятие должностного лица аналогичного содержания имело место и в УК РСФСР 1926г. (в примечании к ст. 109)⁴⁴⁵.

В УК 1960 г. в определении понятия должностного лица законодателем была использована также специфика его должностных функциональных обязанностей и правомочий. Так, в примечании к ст. 170 УК субъектами должностных преступлений признавались лица, выполнявшие в связи с занимаемой должностью организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции либо являющиеся представителями власти. Следовательно, в уголовном законе были предусмотрены три категории лиц, которые должны быть отнесены к числу специальных субъектов должностного преступления.

В специальной главе «Должностные преступления» УК 1960 г. законодателем были указаны общие преступные деяния, совершаемые, в основном, должностными лицами. К таким уголовно-правовым нормам относились: злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), халатность (ст. 172), получение взятки (ст. 173), дача взятки (ст. 174), посредничество во взяточничестве (ст. 1741) и должностной подлог (ст. 175).

Однако наряду с вышеуказанными преступлениями УК РСФСР предусматривал и другие общественно опасные деяния, которые могли совершаться только должностными лицами в силу занимаемой должности, например: ст.ст. 92, 138, 140, 152 и др. Некоторые преступления могли быть совершены как должностными, так и недолжностными лицами (ст.ст. 132, 134- 137, 142 и др.).

Данное положение не удалось устранить законодателю и в УК РФ 1996 г. Рассмотрим данное обстоятельство подробнее.

В УК РФ 1996 г. общие должностные преступления со специальным субъектом помещены законодателем в гл. 30 с новым названием — «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». В этой главе рассматриваются должностные преступления,

⁴⁴⁵Там же.

>>>214>>>

посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальную деятельность аппаратов государственной власти и органов местного самоуправления, совершаемые работниками этих аппаратов с использованием своего служебного положения.

К общим должностным преступлениям со специальным субъектом указанной главы законодатель относит: злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст. 287), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289), получение взятки (ст. 290) и халатность (ст. 293).

Преступления, предусмотренные ст. 288 — присвоение полномочий должностного лица, и служебный подлог (ст. 292), могут быть совершены не только должностными лицами, но и обычными служащими государственных и муниципальных органов. Данное положение относится и к преступлению, предусмотренному ст. 291 — дача взятки, которую может дать должностному лицу как общий, так и специальный субъект преступления, обладающий признаками, предусмотренными в примечании к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, общие составы должностных преступлений со специальным субъектом в гл. 30 УК РФ предусмотрены статьями 285, 286, 287, 289, 290 и 293.

В юридической литературе в этом вопросе имеют место другие точки зрения. Например, А. Я. Светлов к числу общих должностных преступлений относит только три состава должностных преступлений - злоупотребление властью или служебным положением (ст. 170), превышение власти или служебных полномочий (ст. 171), а также халатность (ст. 172) УК РСФСР. Другие должностные преступления— получение взятки (ст. 173) и служебный подлог (ст. 175) он считает специальными составами злоупотребления властью или служебным положением⁴⁴⁶.

На наш взгляд, более правильной точки зрения придерживается в этом вопросе Б. В. Здравомыслов, утверждающий, что получение взятки (ст. 173) и должностной подлог (ст. 175) УК РСФСР представляют собой специфические виды должностного злоупотребле-

⁴⁴⁶См.: Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. С. 16; Он же. Теоретические проблемы уголовной ответственности за должностные преступления: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. Киев, 1980. С. 7.

>>>215>>>

ния. Вместе с тем помещение их в главу, в которой сгруппированы общие виды должностных преступлений законодателем осуществлено верно⁴⁴⁷.

Как было отмечено выше, по данным нашего исследования, в Особенной части УК РФ содержится 43% статей со специальным субъектом преступления. При проведенном анализе составов со специальным субъектом с признаками должностного лица их было выявлено 72,7%, не считая воинских преступлений. При этом общие виды должностных преступлений со специальным субъектом составили от всех должностных преступлений 7,5%.

Значительная часть уголовно-правовых норм с признаками должностного лица как специального субъекта преступления содержится также в гл. 31 УК РФ, предусматривающей ответственность за преступные деяния против правосудия. По существу, это специальные составы преступлений, которые могут совершать должностные лица, в частности представители власти при отправлении правосудия.

В таких, например, преступлениях, как: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305) УК РФ, специальными субъектами выступают представители власти, являющиеся должностными лицами.

Должностные преступления, в которых имеет место специальный субъект, находятся и в других главах Особенной части УК РФ. К таким преступлениям, где специальным субъектом выступает должностное лицо, могут быть отнесены, например, общественно опасные деяния, посягающие на конституционные права и свободы человека и гражданина (гл. 19). К ним относятся: отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140), фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов (ст. 142), нарушение правил охраны труда (ст. 143), необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в

⁴⁴⁷См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. С. 51.

>>>216>>>

возрасте до трех лет (ст. 145), невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145-1) и др.

К должностным преступлениям в сфере экономической деятельности (гл. 22), могут относиться следующие составы: воспрепятствование законной предпринимательской деятельности (ст. 169), регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170), злоупотребления при выпуске ценных бумаг (ст. 185).

В качестве примера можно привести и такое должностное преступление, совершаемое специальным субъектом, как планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 гл. 34, предусматривающей ответственность за преступления против мира и безопасности человечества).

Наконец, некоторые преступления, которые образуют достаточно большую группу в Особенной части УК РФ, могут совершаться как должностными, так и недолжностными лицами. Если говорить о специальном субъекте, то эти преступления чаще всего совершаются должностными лицами с использованием своего служебного положения и занимаемой должности в системе государственных и местных органов власти и управления и самого аппарата этих органов.

Следовательно, при определенных условиях некоторые преступления, предусмотренные различными главами Особенной части УК, могут быть совершены должностными лицами исключительно и благодаря занимаемому ими должностному положению, а в других случаях те же преступления совершаются недолжностными лицами.

При совершении таких преступлений должностными лицами они будут считаться должностными и здесь будет иметь место специальный субъект преступления — должностное лицо. В случаях совершения данных преступлений недолжностными лицами, последние обладают признаками общего субъекта, преступное деяние не относится к разновидности должностного преступления.

В теории уголовного права такие преступления выделяют в группу с условным названием — альтернативно-должностные преступления⁴⁴⁸. При этом в некоторых преступлениях квалифицирующим признаком или обстоятельством является использование спе-

⁴⁴⁸См.: Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятия и квалификация. С. 53; Светлов А. Я. Ответственность за должностные преступления. С. 17; Асланов Р. М. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Философия, политология, социология, психология, право. 1994. Вып. 3. № 20. С. 84.

>>>217>>>

циальным субъектом своего служебного положения, а в других указанный признак отсутствует.

К таким преступлениям, например, могут быть отнесены общественно опасные деяния, предусмотренные следующими нормами УК: незаконное помещение в психиатрический стационар (ч. 2 ст. 128), нарушение равноправия граждан (ч. 2 ст. 136), нарушение неприкосновенности частной жизни (ч. 2 ст. 137), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ч. 2 ст. 138), нарушение неприкосновенности жилища (ч. 3 ст. 139), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «б» ч. 2 ст. 141), воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ч. 2 ст. 144), торговля несовершеннолетними (п. «г» ч. 2 ст. 152), мошенничество (п. «в» ч. 2 ст. 159), присвоение или растрата (п. «в» ст. 160), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем (п. «в» ч. 2 ст. 174), приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 3 ст. 175), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177), монополистические действия и ограничение конкуренции (ст. 178), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ч. 2 ст. 183), контрабанда (п. «б» ч. 3 ст. 188), незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружений и военной техники (ст. 189), невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте (ст. 193), уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации (ст. 199), бандитизм (ч. 3 ст. 209), организация преступного сообщества (преступной организации) (ч. 3 ст. 210), нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215), прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215), нарушение правил безопасности при проведении горных, строительных или иных работ (ст. 216), нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217), нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219), хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ (п. «в» ч. 2 ст. 221), ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и

>>>218>>>

взрывных устройств (ст. 225), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (п. «в» ч. 3 ст. 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (п. «в» ч. 2 ст. 229), сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей (ч. 2 ст. 237), производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238), нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246), загрязнение вод (ст. 250), загрязнение атмосферы (ст. 251), загрязнение морской среды (ст. 252), нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255), незаконная добыча водных животных и растений (ч. 3 ст. 256), нарушение правил охраны рыбных запасов (ст. 257), незаконная охота (ч. 2 ст. 258), незаконная порубка деревьев и кустарников (п. «б» ч. 2 ст. 260), возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (п. «б» ч. 2 ст. 282), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288), дача взятки (ст. 291), служебный подлог (ст. 292), воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ч. 3 ст. 294), неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ч. 2 ст. 354), производство или распространение оружия массового поражения (ст. 355), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356), геноцид (ст. 357), наемничество (ч. 2 ст. 359).

Таким образом, количество альтернативно-должностных преступлений от общего количества уголовно-правовых норм Особенной части УК, без учета воинских преступлений, составляет примерно 57 (24,3%) общественно опасных деяний как с признаками общего субъекта, так и с характерными особенностями специального субъекта преступления в виде должностного лица.

Вместе с тем системно-структурный анализ уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ позволил условно выделить по признакам виновного лица три разновидности (группы) общественно опасных деяний, в которых специальным субъектом преступления является или может быть должностное лицо. Такие преступления предлагается классифицировать на: 1) общие должностные преступления, 2) специальные должностные преступления и 3) альтернативно-должностные преступления.

>>>219>>>

Основным критерием данной классификации наряду с другими (объектом и объективной стороной) являлись признаки или характерные особенности лица, совершающего должностное преступление, что дает основание говорить о специальном субъекте, который нашел свое законодательное закрепление в примечании к ст. 285 УК РФ.

Однако следует отметить, что данная классификация условна и не претендует на бесспорность. Вместе с тем она позволяет более четко обозначить круг специальных субъектов преступления с признаками должностного лица, что имеет важное значение для квалификации преступлений и решения вопросов уголовной ответственности и наказания.

Остановимся подробнее на признаках специального субъекта должностных преступлений, так как их определение в судебно-следственной практике вызывает особую трудность. Неоднозначно решался этот вопрос и в науке отечественного уголовного права, о чем мы упоминали в начале параграфа, по-разному эта проблема решается и сейчас.

Еще в УК РСФСР 1960 г. законодатель, формулируя составы об ответственности должностных лиц при определении субъекта этих преступлений, заметил Р. М. Асланов, использует три приема законодательной техники: описывая признаки состава преступления, он не указывает конкретных должностных лиц, ответственных за данные деяния, затем, определяя состав преступления, законодатель очерчивает примерные служебный статус и полномочия субъекта преступления и, наконец, в диспозиции статьи перечисляет субъектов ответственности.⁴⁴⁹

Если законодатель в УК РСФСР 1960 г. связывал выполнение лицом организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций с занятием какой-либо должности, то в УК РФ такое положение отсутствует. При этом важным моментом является и то обстоятельство, что указанные выше функции выполняются должностным лицом в государственных органах, органах самоуправления, муниципальных учреждениях, в Вооруженных Силах, но не в общественных или других организациях.

В связи с этим в соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ

⁴⁴⁹См.: Асланов Р. М. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности. С. 83.

>>>220>>>

субъектами преступлений, предусмотренных главой 30, могут быть следующие категории правонарушителей: 1) должностные лица, 2) должностные лица, занимающие государственные должности Российской Федерации, 3) должностные лица, занимающие государственные должности субъектов Российской Федерации, 4) государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, не относящиеся к числу должностных лиц, которые несут ответственность в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями главы 30 УК РФ.

При этом специальными субъектами в соответствии с анализируемым законом, согласно примечанию 1 к ст. 285, признаются должностные лица, которые постоянно или временно, а также по специальному полномочию осуществляют функции представителя власти, либо лица, выполняющие организационно-распорядительные, а также административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления или государственных и муниципальных учреждениях и, наконец, в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Содержание функций названных категорий субъектов должностных преступлений применительно к УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. раскрывалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге», в которое по вопросу о субъекте должностного преступления постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» внесены существенные изменения⁴⁵⁰.

В судебно-следственной практике возникает немало трудностей о признании субъектом должностных преступлений лиц, выполняющих постоянно или временно либо по специальному полномочию организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, а также осуществляющие функции представителя власти.

В связи с этим представляет особую значимость разъяснение указанных функций должностного лица постановлением Пленума

⁴⁵⁰Например, п.п. 2-5 были вообще отменены.

>>>221>>>

Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». В п. 3 данного Постановления отмечается, что организационно-распорядительные функции, как правило, включают в себя руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, а также организацию труда или службы подчиненных, поддержание трудовой дисциплины и т. п. К административно-хозяйственным функциям Пленум относит полномочия по управлению и распоряжению каким-либо имуществом и денежными средствами, которые находятся на балансе и банковских счетах организаций, учреждений и других юридических лиц, а также совершение иных действий.⁴⁵¹ Важное значение при осуществлении указанных функций должностным лицом имеет положение закона (примечание 1 к ст. 285 УК), указывающее на то, что эти обязанности должны быть возложены в установленном законом порядке (постоянно, временно или по специальному полномочию). Поэтому для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности всегда необходимо иметь в виду, что, выполняя те или иные полномочия и функциональные обязанности, оно может быть признано специальным субъектом должностного преступления при условии, если данное лицо эти обязанности выполняло в соответствии с требованием закона.

На данное обстоятельство ориентирует в своем постановлении и Пленум Верховного Суда от 10 февраля 2000 г., который поясняет, что выполнение перечисленных функций по специальному полномочию есть исполнение лицом определенных функций, возложенных на него законом, нормативным актом, приказом или распоряжением вышестоящего какого-либо должностного лица, а также правомочным на то органом. При этом эти функции могут осуществляться как в течение определенного времени, так и один раз⁴⁵².

Далее необходимо отметить, что, хотя в законодательном порядке признаки должностного лица как специального субъекта преступления и закреплены в примечании 1 к ст. 285 УК, тем не менее в судебно-следственной практике возникают ошибки в квалификации деяний даже Верховным Судом РФ. Чаще всего трудности могут иметь место, когда речь идет об уголовной ответственности лиц с

⁴⁵¹См : Российская газета 2000. 23 февр

⁴⁵²Там же.

>>>222>>>

признаками субъекта должностных преступлений таких категорий работников, как преподавателей различных учебных заведений, медицинских, торговых работников, представителей различных строительных профессий и других сфер деятельности и специальностей.

В качестве примера можно привести следующее конкретное уголовное дело. Курганским областным судом в 1998 г. Макаров, работавший доцентом Курганского государственного университета, был осужден по п. «б» ч. 4 ст. 290 и ст. 292 УК РФ. Макаров признан виновным в неоднократном получении взяток от студентов заочного факультета и служебном подлоге.

В кассационных жалобах осужденный и адвокат справедливо просили об отмене приговора и прекращении производства по делу за отсутствием события и состава преступления. По их мнению, и совершенно обоснованно, преподаватель университета не являлся должностным лицом, т. е. специальным субъектом должностного преступления.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в марте 1999 г. жалобу Макарова оставила без удовлетворения, а приговор частично изменила, признав его виновным только в получении взятки (п. «б» ст. 290 УК РФ). Свое решение Коллегия мотивировала тем, что Макаров, работая доцентом, как преподаватель был наделен правом принятия экзаменов у студентов, а несдача ими экзамена влекла определенные правовые последствия, в результате которых студенты, не выполнившие учебный план, не допускались к следующей сессии, не получали официального вызова на сессию и, таким образом, не имели права на получение оплачиваемого учебного отпуска, а также могли быть отчислены из учебного заведения.

При этом Судебная коллегия неправильно указала, что поскольку Макаров выполнял свои профессиональные обязанности в государственном вузе, то он является должностным лицом, которое наделено организационно-распорядительными функциями, а значит, является субъектом должностного преступления⁴⁵³.

Однако, если следовать логике Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, то необходимо всех преподавателей государственных высших учебных заведений, выполняющих свои профессиональные обязанности в осуществлении учебного

⁴⁵³Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2000. № 2. С. 12.

процесса, приравнивать к должностным лицам, наделенным организационно-распорядительными функциями. Действительно, в некоторых случаях преподаватель вуза может быть наделен признаками должностного лица и выполнять указанные функции, являясь заведующим кафедрой, деканом, заведующим учебным отделом или структурным подразделением учебного заведения. Преподаватель вуза также может временно по специальному приказу или распоряжению выполнять функции должностного лица в его отсутствие, а в других случаях быть членом государственной, аттестационной или квалификационной комиссии на период их работы.

В основном же преподаватели, доценты, профессора и т. п., если они не наделены и не обладают функциями, предусмотренными в примечании 1 к ст. 285 УК, а выполняют профессиональные функциональные обязанности: читают лекции, проводят семинарские и практические занятия, принимают зачеты и экзамены, проверяют контрольные, курсовые и дипломные работы, участвуют в различных мероприятиях, связанных с учебным процессом, то они не являются должностными лицами, так как не обладают признаками специального субъекта должностного преступления.

В данном случае Макаров, являвшийся преподавателем государственного вуза, был неправильно осужден судом первой инстанции. Ошибочное решение приняла и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, признав Макарова субъектом должностного преступления. С доводами Курганского областного суда и высшей кассационной инстанцией согласиться нельзя, так как Макаров не является субъектом должностного преступления.

Вообще дискуссия о правовом положении преподавателя высшего и среднего образования в уголовно-правовой литературе занимает не последнее место, и мнения ученых на этот счет расходятся. Так, Р. Орымбаев считает, что преподаватель института должен признаваться должностным лицом, так как от его оценки на экзамене может зависеть получение студентом стипендии, зачисление абитуриента в вуз, и у этих лиц изменяются права и обязанности⁴⁵⁴.

Противоположной точки зрения в этом вопросе, с которой следует согласиться, придерживается А. Я. Светлов, указывающий, что преподаватели всех учебных заведений, в том числе и специальных,

⁴⁵⁴См.: Орымбаев Р. Указ. соч. С. 102

>>>224>>>

подлежат уголовной ответственности при условии, если совершенное ими преступное деяние связано с использованием служебного положения, но не с выполнением своих непосредственных функций преподавателя⁴⁵⁵.

В судебно-следственной практике достаточно часто возникают трудности при привлечении к уголовной ответственности как должностных лиц (специальных субъектов преступления) медицинских работников. Довольно часто указанные лица, как и преподаватели вузов и других учебных заведений, просто выполняют свои профессиональные функции и обязанности по работе, осуществляя лечение граждан, и они не являются должностными лицами, так как не обладают дополнительными признаками специального субъекта.

Вместе с тем в случаях, когда врач является должностным лицом (заведующий отделением, главврач госпиталя, больницы, поликлиники, санатория, какого-либо лечебного центра и иного медицинского учреждения), он признается специальным субъектом должностного преступления. Должностными лицами также признаются врачи, состоящие членами военно-врачебных комиссий или ВТЭК и исполняющие по приказу или распоряжению временно функции должностного лица, предусмотренные в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, в частности организационно-распорядительные или административно-хозяйственные. Следовательно, при совершении этой категорией лиц должностных преступлений, даже при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей, они признаются специальными субъектами данных общественно опасных деяний.

Особо следует отметить, что, исходя из буквы закона (примечание 1 к ст. 285), посягательство осуществляется на общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственных органов власти, на интересы государственной службы. Сама же государственная служба регулируется Законом РФ «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 5 июля 1995 г., под которой понимается всякая профессиональная деятельность, связанная с обеспечением полномочий государственных органов⁴⁵⁶. В свою очередь, деятельность органов местного самоуправления регулируется федеральным законом «Об общих принципах организации местного

⁴⁵⁵См.: Светлов А. Я. Теоретические проблемы уголовной ответственности за должностные преступления. С. 25.

⁴⁵⁶Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 31. Ст. 2990.

самоуправления в Российской Федерации» от 22 августа 1995 г. При этом, согласно данному закону, под органами местного самоуправления следует понимать как выборные, так и другие органы, наделенные различными полномочиями для решения вопросов местного значения которые не входят в систему органов государственной власти⁴⁵⁷.

Однако не признаются субъектами должностных преступлений лица, выполняющие функции аналогичного характера (управленческие, организационно-распорядительные и административно-хозяйственные) постоянно или временно в коммерческой, а также другой организации, независимо от формы собственности. Данные лица подлежат уголовной ответственности по ст.ст. 201, 202, 203, 204 главы 23 УК РФ, охватывающей преступления, совершаемые против интересов службы в коммерческих или других организациях.

Таким образом, частное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой, а также другой организации, согласно примечанию 1 к ст. 201 УК РФ, не может быть специальным субъектом должностного преступления. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября 1998 г. говорится, что в случаях, когда виновным в совершении экологического преступления признается должностное лицо какого-либо государственного предприятия, учреждения, организации, а также лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или другой организации, оно должно нести ответственность по соответствующей статье за совершение экологического преступления. Вместе с тем при наличии в действиях признаков злоупотребления должностными полномочиями или полномочиями лица, которое выполняет управленческие функции в коммерческой или иной организации, оно также несет ответственность соответственно по ст. 285 либо по ст. 201 УК РФ⁴⁵⁸.

Не бесспорной в теории и практике является проблема определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за должностные преступления, в системе торговли, бытового обслуживания и производственной сфере. В частности, это относится к продавцам, кассирам, шоферам, кладовщикам, рабочим и техникам различных

⁴⁵⁷Там же. № 35. Ст. 3506.

⁴⁵⁸Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 1. С. 3.

специальностей, а также другим рядовым работникам с материальной ответственностью в силу специфики выполняемой ими работы. Признание данных лиц субъектами должностных преступлений не вытекает из смысла закона (примечание 1 к ст. 285 УК РФ), а, напротив, противоречит ему, так как указанные лица должны выполнять (постоянно или временно) на основании приказа или распоряжения организационно-распорядительные либо административно-хозяйственные функции непосредственно в самих государственных органах, органах местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях.

Другой разновидностью специального субъекта должностных преступлений, предусмотренных в главе 30, будут являться, согласно примечанию 2 к ст. 285 УК РФ, а также Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» от 5 июля 1995 г.⁴⁵⁹ и Указу Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» лица, занимающие государственные должности Российской Федерации⁴⁶⁰. Такие должности устанавливаются Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

К данной категории закон относит, в частности, лиц, занимающих должности: Президента РФ, Председателя Правительства РФ, Председателя палат Федерального Собрания РФ, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации РФ, Генерального прокурора РФ, Председателя Счетной палаты, Секретаря Совета безопасности и других лиц, занимающих государственные должности.

Третью категорию специальных субъектов должностных преступлений, в соответствии с примечанием 3 к ст. 285 УК РФ, составляют лица, занимающие государственные должности субъектов Российской Федерации, под которыми, согласно закону, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями, а также уставами субъектов России для непосредственного исполнения различных полномочий государственных органов. К таким лицам, например, могут быть отнесены: президенты республик, губернаторы (краев, областей, Москвы и Санкт-Петербурга), руководители органов

⁴⁵⁹СЗ РФ 1995. № 31. Ст. 2990

⁴⁶⁰Там же Ст 173.

>>>227>>>

законодательной и исполнительной власти субъектов федерации, депутаты представительных органов субъектов федерации и т. п.

Далее следует отметить, что государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, согласно примечанию 4 к ст. 285 УК, не относятся к числу должностных лиц и, обладая признаками общего субъекта преступления, подлежат уголовной ответственности за присвоение полномочий должностного лица (ст. 288) и служебный подлог (ст. 292) УК РФ. В данных случаях речь о специальном субъекте преступления не идет.

В свою очередь, проблема уголовной ответственности лиц, совершающих должностные преступления, не менее актуальна и в зарубежных государствах самых различных ориентации. Вместе с тем вопросы специального субъекта должностных преступлений в зарубежном уголовном праве изучены недостаточно и толкуются в различных странах по-разному, а распространенность этих преступлений и коррумпированность государственного аппарата многих стран заставляют законодателей значительно усилить борьбу с данной категорией преступлений.

Однако с позиций научного и практического интереса и с учетом действующего российского уголовного законодательства по рассматриваемым вопросам проанализируем кратко специальный субъект должностных преступлений в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран.

Например, уголовные законодательства стран европейской континентальной системы права (Франции, Италии, ФРГ) вопросам ответственности за должностные преступления придают важное значение.

Так, УК Франции 1992 г. предусматривает различные виды должностных преступлений: взяточничество, злоупотребление властью, торговля влиянием, разглашение профессиональной тайны и покушение на нее, должностные злоупотребления, посягающие на личную свободу, равенство граждан, неприкосновенность жилища и другие преступные деяния. К достоинствам УК Франции 1992 г., как отмечает Н. Е. Крылова, следует отнести статьи, предусматривающие ответственность за самые различные корыстные злоупотребления властью со стороны должностных лиц⁴⁶¹. А вот к уголовной ответственности за подлог (ст. 441-1) привлекаются наряду с

⁴⁶¹См.: Крылова Н. Е. Основные черты нового уголовного кодекса Франции. С. 117.

должностными лицами и частные, однако к специальному субъекту преступления, согласно ст. 441-2, применяется более строгое наказание, чем к частному лицу⁴⁶².

Что же касается уголовной ответственности должностных лиц по УК ФРГ (в редакции 1987 г.), то 29-й раздел Особенной части данного закона полностью посвящен должностным преступлениям. К таким преступлениям, например, относят: получение и дачу взятки, злоупотребление властью, ложное засвидетельствование документов, злоупотребления при взимании вознаграждений и сборов, разглашение служебной тайны, разглашение налоговой тайны и др. При этом следует обратить внимание на интересную деталь относительно субъекта преступлений, связанных со взяточничеством. Так, из всех категорий должностных лиц, наказание которым повышается в случае как получения, так и предложения им взятки, в германском праве выделены только судьи и третейские судьи. Никакие другие должностные лица, занимающие даже самое высокое и ответственное положение и способные причинить существенный вред государству и гражданам, в разделе о должностных преступлениях УК ФРГ не упомянуты⁴⁶³.

В Италии уголовная ответственность за должностные преступления определяется УК 1930 г. Итальянский УК в действующей редакции в гл. 1 «О преступлениях должностных лиц» предусматривает: присвоение, взяточничество, злоупотребление служебным положением, разглашение и использование служебных секретов, отказ от выполнения служебных обязанностей, подстрекательство к совершению подкупа, нарушение прав граждан и др. Уголовной ответственности за самые различные должностные преступления, в которых имеет место специальный субъект, могут также подлежать лица, исполняющие обязанности должностных лиц, даже иностранцы, когда для занятия должности специально не требуется итальянское гражданство⁴⁶⁴.

Если говорить об уголовной ответственности за должностные преступления в странах англосаксонской системы права, то она наи-

⁴⁶²См.: уголовный кодекс Франции. М., 1993 С. 193.

⁴⁶³См.: Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах / Под ред. Ф. М. Решетникова. М., 1994. С. 44; Малиновский А. А. Уголовное право зарубежных государств: Учеб. пособие. М., 1998. С. 56-57.

⁴⁶⁴См.: Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. С. 9,11.

более характерно представлена уголовным законодательством США и Великобритании. В частности, в США ответственность должностных лиц регулируется как федеральным законодательством, так и уголовными кодексами штатов.

Так, в Примерном уголовном кодексе США (1962 г.) в ст. 240.0 дается определение специального субъекта должностных преступлений, под которым понимается «публичный служащий», т. е. любое должностное лицо или служащий государства, включая законодателей и судей, а также любое лицо, которое принимает участие в осуществлении государственной функции как в качестве присяжного заседателя, советника или консультанта, так и в каком-либо ином качестве⁴⁶⁵. Ответственность по данному Кодексу предусмотрена за самые разные должностные преступления, например: за взяточничество (ст. 240.1), вознаграждение за осуществленное в прошлом поведение по должности (ст. 240.3), подарки публичным служащим со стороны лиц, находящихся в их юрисдикции (ст. 240.5), притеснение со стороны должностного лица (ст. 243.1), спекуляция или пари по поводу официальных акций или сведений (ст. 243.2) и т. п.

Последние два преступления охватываются разделом 243 «Злоупотребление по должности»⁴⁶⁶, где специальными субъектами являются «публичные служащие», т. е. должностные лица.

По уголовному неcodифицированному законодательству Великобритании количество должностных преступлений несколько ограничено. Специальными субъектами должностных преступлений, в основном, являются так называемые публичные должностные лица, но могут быть служащие и частные лица. Как правило, к преступлениям, совершаемым должностными лицами, относятся: взяточничество, злоупотребление властью, нарушение доверия и обман, небрежность при исполнении обязанностей, неуполномоченное распространение информации, продажа публичных должностей и другие⁴⁶⁷ преступные деяния, предусмотренные в отдельных многочисленных законодательных актах английского уголовного права.

Уголовно-правовой анализ специального субъекта преступления с признаками должностного лица позволяет сделать вывод о непре

⁴⁶⁵См.: Примерный уголовный кодекс (США). С. 167.

⁴⁶⁶См.: Примерный уголовный кодекс (США) С 169,183.

⁴⁶⁷См.: Решетников Ф. М. Указ. соч. С. 34-35; Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах / Под ред. Ф. М. Решетникова. С. 54, 58-59.

менном проведении дальнейших теоретических исследований в этом направлении, в частности по изучению признаков и особенностей должностного лица. Данное обстоятельство имеет важное значение для правильной квалификации преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения, а также в том случае, когда имеет место конкуренция норм либо при постановке вопроса об ответственности лица, а в дальнейшем и его наказании.

§ 3. Теоретическое исследование специального субъекта в преступлениях против правосудия

Осуществление правосудия в нашей стране является одной из важнейших сторон борьбы с преступностью, так как посредством его лица, совершившие преступления, подвергаются уголовному наказанию. Правосудие же, согласно Конституции Российской Федерации, осуществляется только судом (ст. 118). Вместе с тем правосудие также выступает и как средство, с помощью которого государство реализует выполнение задач уголовного закона (ст. 2 УК РФ) по охране и укреплению законности, охране прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ и т. п., а также предупреждает совершение преступлений и решает другие задачи.

В отечественной литературе понятие «правосудие» употребляется в двух значениях — в узком и широком смысле. Правосудие в узком смысле можно определить как деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел либо дел об административных правонарушениях и т. п. Правосудие в широком смысле означает одну из форм государственной деятельности, которая имеет своим содержанием применение права, как например, правоприменительную или юрисдикционную деятельность, а также деятельность суда по рассмотрению и разрешению определенных федеральным законом категорий дел, либо деятельность специально на то созданных государственных органов в лице прокуроров, эле-

>>>231>>>

дователей, лиц, производящих дознание, судебных приставов и судебных исполнителей⁴⁶⁸.

Преступления против правосудия, как правило, посягают на совокупность общественных отношений, обеспечивающих нормальную, регламентированную законодательством деятельность суда по осуществлению его задач, а также на деятельность государственных органов и соответствующих лиц, которые призваны содействовать в осуществлении правосудия в стране.

Поскольку предметом нашего исследования является специальный субъект преступления, то попытаемся рассмотреть круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний против правосудия (гл. 31) и отграничить их от должностных преступлений, предусмотренных гл. 30 и другими Особенной части УК РФ.

Общественная опасность преступлений против правосудия, особенно с признаками специального субъекта, достаточно велика. Правосудие, призванное охранять и защищать наше общество и государство, как справедливо отмечают И. С. Власов и И. М. Тяжкова, часто само становится, в случае совершения преступлений против него, конкретным объектом уголовно-правовой охраны⁴⁶⁹. Более того, общественная опасность некоторых преступлений против правосудия, например предусмотренных ст.ст. 299, 300, 301, 302, 305 УК и другими, обусловлена еще и тем, что при их совершении специальным субъектом выступают должностные лица, сами призванные в первую очередь соблюдать и охранять законы.

Совершение данными лицами преступлений против правосудия подрывает авторитет государственных и исполнительных органов на местах и вышестоящих структур, порождает у населения недоверие к представителям власти и должностным лицам правоохранительных и других органов власти.

Свидетельством этому могут служить опубликованные данные уголовной статистики в России. Динамика числа зарегистрирован-

⁴⁶⁸См.: Уголовное право России Особенная часть: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. С 374; Уголовное право России Учебник для вузов Т. 2. Особенная часть / Под ред А Н Игнатова, Н А. Красикова С 678 и др.

⁴⁶⁹См.: Власов И. С., Тяжкова И М Ответственность за преступления против правосудия М , 1968. С.

>>>232>>>

ных преступлений против правосудия в России за период с 1990 по 1995 гг. представлена в табл. 12.⁴⁷⁰

Таблица 12

Показатели	Годы					
	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Абсолютные цифры	7791	7122	9817	3514	1663	9141
Удельный вес	1,0	0,8	0,7	0,8	0,8	0,6

Из таблицы видно, что в условиях общего роста преступности в стране, в определенной мере, указанные данные свидетельствуют об устойчивости, а в отдельные годы (1993-1994 гг.) и увеличении количества преступлений против правосудия.

Вообще нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против правосудия, как отмечает И. С. Власов, имели место уже в период становления советского уголовного законодательства, а первый УК РСФСР 1922 г. содержал соответствующие составы преступлений, которые в последующих уголовных кодексах относились к преступлениям против правосудия.⁴⁷¹

По существу, преступления против правосудия, как отмечает И. М. Тяжкова, впервые выделены в самостоятельную главу по признаку родового объекта в УК РСФСР 1960г.⁴⁷² УК РФ 1996г. сохранил преемственность многих уголовно-правовых норм, предусматривающих общественно опасные деяния, посягающие на интересы правосудия, однако многие из них подверглись существенным изменениям и дополнениям, в особенности преступления, совершаемые представителями власти и другими лицами, являющимися специальными субъектами гл. 31.

Особо следует отметить, что довольно большую группу преступлений против правосудия, а точнее, преступлений, посягающих на

⁴⁷⁰См.: Криминальная ситуация в России и ее изменения. М., 1996. С. 23.

⁴⁷¹См.- Власов И. С. Преступления против советского социалистического правосудия: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 3.

⁴⁷²См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. С. 677.

>>>233>>>

исполнение конституционных принципов правосудия и имеющих повышенную общественную опасность, представляют общественно опасные деяния, совершаемые представителями власти, т. е. лицами, которые призваны сами соблюдать и охранять законы и защищать интересы граждан, что мы уже отмечали. Речь в данном случае идет о специальных субъектах, которыми совершаются следующие преступления: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), фальсификация доказательств (ч. 2 ст. 303), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

Указанные преступления составляют 7,5% от общего количества преступлений со специальным субъектом с признаками должностного лица.

Относительно преступления, предусмотренного ст. 315 — неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта, можно говорить об альтернативном составе, так как данное преступное деяние по отношению к специальным может быть совершено как должностным лицом, так и просто государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, государственного или муниципального учреждения, коммерческой или другой организации. Таким образом, в первом случае речь идет о специальном субъекте преступления (представителе власти), а во втором — имеет место общий субъект преступления. Такие лица обязаны в пределах предоставленных им прав обеспечивать исполнение предписаний приговоров, решений и иных судебных актов.

О специальных составах преступлений (ст.ст. 299-303, 305 УК) следует сказать, что они совершаются представителями власти, которыми могут быть, только прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судья или лицо, наделенное правом производить задержание. Во всех этих случаях следует говорить о специальном субъекте преступления.

Само понятие «представитель власти» как разновидность должностного лица определено законодателем в примечании к ст. 318 УК РФ в гл. 32, предусматривающей уголовную ответственность за посягательства на порядок управления. Согласно закону представите-

лем власти признается должностное лицо как правоохранительного, так и контролирующего органа, либо другое должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, которые не находятся от него в служебной зависимости. Следовательно, специальными субъектами указанных составов могут быть только представители власти, т. е. круг должностных лиц органов суда, прокуратуры, МВД, ФСБ и других лиц, которые наделены властными полномочиями по отношению к другим гражданам.

Однако основные признаки представителя власти как разновидности должностного лица требуют более детального рассмотрения, а в дальнейшем и изучения.

Прежде всего, следует отметить, что представитель власти должен обладать властными полномочиями, которые реализуются в праве должностного лица отдавать в пределах своей компетенции указания или распоряжения, обязательные к исполнению как должностными лицами, так и гражданами, предприятиями, учреждениями, организациями и другими юридическими лицами независимо от их правового статуса и ведомственной принадлежности и подчиненности. Причем представитель власти осуществляет свои полномочия в установленном законом порядке постоянно, временно или по специальному поручению. Поэтому для признания лица представителем власти необходимо установить, на каком основании он занимает должность (назначение, выборы, иное) в органах законодательной, исполнительной, а также судебной власти либо в органах местного самоуправления.

К представителям власти относятся должностные лица федеральных органов государственной власти, исполнительной и судебной власти любого уровня, депутаты всех уровней, главы администраций субъектов федерации, мэры городов, судьи, прокуроры, работники органов внутренних дел, Федеральной службы безопасности, таможенных органов, работники органов государственной налоговой службы, охотнадзора, органов рыбоохраны, санитарно-эпидемиологического надзора, военнослужащие, исполняющие обязанности по охране общественного порядка, Федеральной пограничной службы РФ, Федеральной службы налоговой полиции РФ, сотрудники Комитета по антимонопольной политике, судебные приставы и другие.

>>>235>>>

Представителями власти также признаются и лица, постоянно или временно наделенные такими полномочиями в соответствии с действующим законодательством в отношении граждан (члены ДНД, члены государственных комиссий, общественные инспекторы охотинспекций и рыбинспекций, общественные контролеры на транспорте и т. п.).

Таким образом, по отношению к другим должностным лицам представители власти как субъекты должностного преступления, как справедливо отмечает Б. В. Здравомыслов, обладают рядом специфических признаков, правильное определение которых имеет большое значение для применения соответствующих норм, предусматривающих ответственность за самые различные должностные преступления⁴⁷³.

В свою очередь, правильное установление признаков специального субъекта — представителя власти — дает возможность отграничивать специальные составы, предусмотренные ст.ст. 299, 300-303 и 305 УК от общих должностных преступлений гл. 30 УК РФ. Особенно это важно, когда имеют место общая и специальная нормы (конкуренция норм) и согласно закону (ч. 3 ст. 17 УК) совокупность преступлений отсутствует, а уголовная ответственность наступает по специальной норме.

В данном случае из указанных нами преступлений представителями власти будут: по ст. 299 и ст. 300 — следователь, лицо, производящее дознание, прокурор, по ст. 301 — лица, наделенные правом производить задержание, а также заключать под стражу и освобождать из-под стражи (следователь, прокурор, лицо, производящее дознание), по ст. 302 — следователь или лицо, производящее дознание, по ч. 2 ст. 303 — прокурор, следователь, лицо, производящее дознание и защитник, который не является представителем власти, но обладает специфическими признаками специального субъекта преступления, по ст. 305 — судья, вынесший заведомо неправосудный судебный акт. При этом следует поддержать мнение С. Ф. Милюкова, что к специальному субъекту преступления, предусмотренного ст. 305 УК, относятся также народные и присяжные заседатели.⁴⁷⁴

⁴⁷³См/ Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. С. 43.

⁴⁷⁴См.: Милюков С. Ф. Преступления против правосудия. СПб., 1999. С. 35.

Все указанные представители власти являются специальными субъектами этих преступлений и подлежат уголовной ответственности и наказанию за совершенные должностные преступления.

Статистические данные о привлечении к уголовной ответственности следователей и сотрудников оперативных служб органов внутренних дел показывают, что чаще всего специальными субъектами преступлений против правосудия являются сотрудники, прослужившие в указанных органах от 4 до 7 лет. В свою очередь, анализ конкретных уголовных дел показывает, что наиболее часто привлекаются к ответственности работники милиции, осуществляющие заведомо незаконное задержание или арест (ст. 178 УК РСФСР)⁴⁷⁵.

На данное обстоятельство обращает внимание в обзоре судебной практики по уголовным делам за третий и четвертый кварталы 1996 г. и Пленум Верховного Суда РФ, утверждая обоснованность осуждения по ч. 2 ст. 178 УК РСФСР следователя следственного городского отдела милиции за заведомо незаконное задержание. Из определения усматривается, что в сентябре 1994 г. в отношении гражданина Б. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 109 УК РСФСР, расследование которого было поручено следователю Н. В октябре 1994 г. следователь в порядке, предусмотренном ст. 122 УПК РСФСР, задержал Б., после чего вынес постановление об избрании в отношении него меры пресечения — подписки о невыезде и освободил из-под ареста.

Далее, 8 июня 1995 г., после прекращения в отношении Б. уголовного дела, следователь в нарушение ст. 122 УПК РСФСР незаконно содержал под стражей гражданина Б. до 10 июня 1995 г. Поэтому осуждение следователя Н. по ч. 2 ст. 178 УК РСФСР является обоснованным⁴⁷⁶.

Другие преступления против правосудия могут совершить лица, обязанные содействовать суду, производству предварительного расследования и дознания, которые не осуществляют должностных функций, связанных с отправлением правосудия, но являются также специальными субъектами. В данном случае речь идет о таких преступлениях, как, например, заведомо ложные показания, заключение

⁴⁷⁵См.: Денисов С. А. Заведомо незаконный арест или задержание (уголовно-правовые вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 15, 19.

⁴⁷⁶См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 4. С. 13.

>>>237>>>

эксперта или неправильный перевод (ст. 307) и отказ свидетеля или потерпевшего отдачи показаний (ст. 308 УК РФ).

В первом случае специальным субъектом преступления будут являться лицо, проходящее по уголовному делу в качестве свидетеля или потерпевшего, а также участники судебного процесса, выступающие в качестве эксперта или переводчика. Во втором случае при отказе свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, которые они согласно уголовно-процессуальному закону обязаны давать при производстве следственных действий, дознания и в суде, указанные лица являются специальными субъектами преступления, предусмотренного ст. 308 УК РФ.

Лицо, вызванное на допрос в качестве подозреваемого или обвиняемого, за отказ от дачи показаний уголовной ответственности не несет. Не подлежит также уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и лицо, вызванное на допрос в качестве свидетеля, но в последующем привлеченное по данному уголовному делу в качестве обвиняемого. Однако, если свидетель или потерпевший, отказываясь от показаний, все-таки искажает фактические обстоятельства существа дела, относящиеся к предмету доказывания, его действия могут квалифицироваться по ст. 307 УК РФ. В этом случае такие лица уже являются специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 307. За ложное заключение, содержащее искажение и неверную оценку фактов либо выводов, либо неправильный перевод, связанный с искажением смысла переведенной устной информации с одного языка на другой либо документов, выступают специальными субъектами только соответственно эксперт или переводчик, а никакое другое лицо.

Специальными субъектами преступлений против правосудия являются также лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, т. е. осужденные и лица, содержащиеся под стражей (ст.ст. 313, 314 УК РФ). Преступление, предусмотренное ст. 313-побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи — посягает на нормальное и правильное функционирование органов уголовно-исполнительной системы, предварительного расследования и суда. Однако общественная опасность данного преступления состоит не только в противодействии исполнению приговора или мере процессуального принуждения, но и в достаточной его распространенности.

Так, в структуре преступности в местах лишения свободы, как показывают некоторые исследования, на протяжении ряда лет одно из ведущих мест занимают побег (около 16%, а в иные годы — до 20%). Особенно возросло в последнее время число побегов. Если в 1988 г. из мест лишения свободы было 258 побегов, то в 1996 г. их уже было совершено 399. Вместе с тем наибольшее число побегов приходилось на 1992 г.— 784 и 1993 г.— 606 случаев. При этом часто побег совершаются из следственных изоляторов (от 35 до 100 в разные годы)⁴⁷⁷. А вот, по данным В. П. Сидорова, в настоящее время в России из мест лишения свободы ежегодно совершается от 1200 до 1400 побегов, а всего преступлений— от 2200 до 2400⁴⁷⁸. Достаточно высок уровень групповых и вооруженных побегов.

Специальным субъектом такого преступления является лицо, осужденное к лишению свободы (независимо от его вида) или аресту, а также лицо, в отношении которого мерой пресечения избрано содержание под стражей и находящееся в связи с этим в предварительном заключении.

К специальным субъектам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, относятся осужденные, в отношении которых приговор вступил в силу и обращен к исполнению. К ним относятся и осужденные к лишению свободы, оставленные в СИЗО или тюрьме для производства следственных действий, а также участия в судебном разбирательстве по делу о преступлении, совершенном другим лицом.

Специальным субъектом данного общественно опасного деяния является и подозреваемое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, в отношении которого до предъявления обвинения избрана мера пресечения — содержание под стражей и находящееся в связи с этим в предварительном заключении.

Однако субъектом рассматриваемого преступления не может быть лицо, задержанное в порядке ст. 122 УПК РСФСР в качестве подозреваемого либо в порядке административного задержания в соответствии со ст. 240-242 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, водворенные в связи с этим в камеру изолятора временного содержания задержанных, гауптвахту, приемник-рас-

⁴⁷⁷Смиян А. Д. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: Автореф. дис ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 3.

⁴⁷⁸Сидоров В. П. Прогрессивная система в исправительных учреждениях: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 3.

>>>239>>>

пределитель. В случае побега такое лицо по ст. 313 УК уголовной ответственности не несет.

Специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 313, является и обвиняемый — лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в совершении преступления и избрана мера пресечения — заключение под стражу.

При этом субъектом побега не может быть признано лицо, которое незаконно осуждено к лишению свободы или в отношении которого с нарушением закона избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В данных случаях говорить о наличии специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК, нельзя.

Что же касается военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарном батальоне или на гауптвахте, то они продолжают оставаться участниками военно-служебных отношений. Поэтому самовольное оставление дисциплинарной воинской части не будет являться преступлением, предусмотренным ст. 313 УК. Субъектом побега может быть лишь военнослужащий, подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления и на законных основаниях содержащийся под стражей на гауптвахте.

Другое преступление, совершаемое специальным субъектом, связано с уклонением осужденного лица от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК). Данное преступление посягает на нормальную деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Рассматриваемое общественно опасное деяние выражается в невозвращении осужденного лица, которому была предоставлена возможность в соответствии со ст. 97 УИК РФ краткосрочного выезда за пределы места лишения свободы либо была предоставлена отсрочка исполнения приговора в порядке ст. 361 УПК РСФСР. Специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 314 УК, может быть женщина, которой была предоставлена отсрочка отбывания наказания согласно ст. 82 УК РФ в связи с беременностью или наличием у нее детей до 8-летнего возраста.

Таким образом, можно в какой-то степени говорить об однородности признаков специального субъекта преступления в ст.ст. 313, 314 УК, которым является лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, т. е. осужденный.

Рассматривая последнюю разновидность специального субъекта гл. 31 УК, нельзя не сказать, что в гл. 32 УК РФ, предусматривающей общественно опасные деяния, посягающие на порядок управления, имеется в виду преступление, которое направлено против нормального функционирования или деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества осужденных и других лиц, содержащихся под стражей. Речь в данном случае идет о ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

В отличие от действующего УК РФ, аналогичное преступление в УК РСФСР 1960 г. указывалось в главе «Государственные преступления» и относилось к иным общественно опасным деяниям против государства. Статья 771 предусматривала ответственность за действия, связанные с дезорганизацией работы исправительно-трудовых учреждений. Специальным субъектом указанного преступления был только осужденный.

Однако в связи с тем, что ст. 321 УК РФ предусматривает новый признак — совершение преступного деяния в месте содержания под стражей, специальный субъект преступления представлен несколько шире. Так, в результате этой новизны в законе специальным субъектом указанного преступления могут быть не только осужденные, но и лица, находящиеся в местах содержания под стражей (подозреваемые, обвиняемые, подсудимые или лица, в отношении которых приговор еще не вступил в силу)⁴⁷⁹.

Вместе с тем, хотя преступление, предусмотренное ст. 321 УК, и находится в группе общественно опасных деяний, посягающих на порядок управления (гл. 32), его, тем не менее, можно отнести к преступлениям, которые причиняют вред интересам правосудия, в особенности, когда речь идет о конкретных общественных отношениях, т. е. о непосредственном объекте. При совершении данного преступления посягательство осуществляется на нормальную деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества виновных лиц, а также нарушается исполнение приговора судебных органов по реализации самого наказания, а это имеет непосредст-

⁴⁷⁹См.: Федеральный закон РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 21 июня 1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

>>>241>>>

венное отношение к интересам правосудия наряду с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 313, 314 УК.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 321 УК. характеризуемая дезорганизацией деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, в какой-то степени есть невыполнение решения суда, совершаемое путем применения физического или психического насилия к сотрудникам мест лишения свободы или содержания под стражей, а также к осужденным со стороны виновных лиц.

При наличии умышленной формы вины в виде прямого умысла и разных мотивов и целей, можно говорить о том, что виновный сознательно противодействует путем применения насилия в отношении сотрудников и осужденных и таким образом препятствует исполнению приговора и отбывания наказания.

Что же касается специального субъекта, то он по признакам во многом совпадает с признаками субъекта преступления, предусмотренного ст. 313 УК, а также имеет много общего и со специальным субъектом уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы (ст. 314 УК). Им является осужденный наряду с другими лицами, содержащимися под стражей.

Приведенное обоснование позволяет сделать вывод о целесообразности включения преступления, предусмотренного ст. 321 УК (гл. 32), в группу преступлений против правосудия (гл. 31), так как, с точки зрения теоретической и практической значимости, это будет правильно и логично.

В свою очередь, анализ действующего уголовного законодательства, а точнее, уголовно-правовых норм с признаками специального субъекта в рамках гл. 31 УК РФ, позволяет условно классифицировать предмет исследования (специальный субъект) на следующие три вида⁴⁸⁰.

Первый вид специального субъекта преступления образуют должностные лица, в частности представители власти, обязанные охранять и защищать конституционные права и интересы граждан, а также правосудие — это судьи, прокуроры, следователи, лица, про-

⁴⁸⁰В уголовно-правовой литературе чаще всего классификация преступлений против правосудия проводится по объекту и объективной стороне. См.: Уголовное право России. Особенная часть: Учебник/ Под ред. А. И. Рарога. С. 376; Уголовное право России. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 679-680 и др.

>>>242>>>

изводящие дознание, и лица, обладающие правом задержания (ст.ст. 299-302, ч. 2 ст.ст. 303, 305 УК РФ).

Вторую группу (вид) образуют лица, участвующие в предварительном следствии, производстве дознания и судебном разбирательстве, которые по закону обязаны содействовать органам правосудия: свидетели, потерпевшие, эксперты, переводчики (ст.ст. 307, 308 УК РФ).

Третий вид специального субъекта образуют лица, осужденные к лишению свободы, и лица, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано содержание под стражей (ст.ст. 313, 314, 321 УК РФ)⁴⁸¹.

Проведенное исследование специального субъекта преступления в рамках главы 31 УК РФ, с точки зрения теоретической и практической значимости, требует дальнейших более углубленных научных разработок, в частности особенностей, характеризующих данную категорию правонарушителей. Вместе с тем изучение специального субъекта преступлений против правосудия поможет правильно решать вопросы квалификации общественно опасных деяний, а также уголовной ответственности и наказания виновных лиц, которые чаще всего возникают в судебно-следственной практике.

В заключение следует сказать, что необходимо законодательно уточнить понятие специального субъекта, трактуемого в законе как представитель власти с указанием дополнительных признаков, раскрывающих его внутреннее содержание и сущность.

§ 4. Особенности специального субъекта воинского преступления и вопросы уголовной ответственности

Коренные преобразования во всех сферах жизнедеятельности нашего общества в условиях кризисных явлений, несовершенство, а порой противоречивость федерального законодательства России за-

⁴⁸¹Следует отметить, что Е. А. Смирнов, например, все преступления против правосудия разделяет на 3 группы, беря за основу признаки, характеризующие всех субъектов данной главы, а И. С. Власов классифицирует аналогичные преступления на 4 группы, обращая внимание на неоднородность субъектов преступлений (См.: Смирнов Е. А. Преступления против социалистического правосудия. М., 1959. С. 12; Власов И. С. Преступления против советского социалистического правосудия: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1964. С. 13).

ставляют по-новому взглянуть и на вопросы уголовной ответственности за совершение воинских преступлений. Вместе с тем обеспечение законности и воинской дисциплины в Вооруженных Силах РФ, установление четких прав и обязанностей военнослужащих, их правовая и социальная защищенность настойчиво диктуют необходимость совершенствования не только военного, но и уголовного законодательства и его правильного применения в современных условиях.

В свою очередь, сложная криминогенная обстановка в России негативным образом сказывается и на Вооруженных Силах РФ. Сопоставляя общие данные о преступности в стране и преступности военнослужащих, можно говорить, что они тесно взаимосвязаны, как и причины преступности военнослужащих отражают причины преступности в целом.

Как отмечается в криминологической литературе, содержание воинских преступлений в общей структуре преступности в различные годы в общем невелико. Так, в середине 50-х годов оно приближалось к 5%, в начале 80-х годов — к 1,5%, а по данным 1993 г. — около 1%⁴⁸². В 1995 г. в Министерстве обороны, а также в других ведомствах, имеющих войсковые формирования, зарегистрировано 30 тыс. преступлений военнослужащих⁴⁸³, тогда как в стране было совершено 2 755 669 преступлений⁴⁸⁴. При этом уровень преступности в Вооруженных Силах РФ в 1995 г. по сравнению с 1994 г. возрос на 24%⁴⁸⁵.

В 1996 г., несмотря на снижение общей зарегистрированной преступности по стране, количество совершенных военнослужащими тяжких, групповых и воинских преступлений возрастает, а в 1997 г. в Вооруженных Силах наблюдается рост преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, рукоприкладством, неуставными взаимоотношениями, преступлений против собственности и др.⁴⁸⁶ При этом, по данным И. М. Мацкевича, довольно часто военнослужащие совершают преступления в состоянии алкогольного и наркотического

⁴⁸²См.: Криминология: Учебник для юрид. вузов/ Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М, 1995. С. 403.

⁴⁸³См.: Прокурор — не только обвинитель // Красная звезда. 1996. 16 мая

⁴⁸⁴См.: Криминальная ситуация в России и ее изменения. С. 4.

⁴⁸⁵См.: По материалам Главной военной прокуратуры //Красная звезда. 1995. 2 нояб.

⁴⁸⁶См.: Мацкевич И. М. Общая характеристика преступности военнослужащих // Законность. 1999. № 2. С. 34.

опьянения⁴⁸⁷. Рост преступности среди военнослужащих, особенно в последние годы, ученый объясняет социальными причинами⁴⁸⁸.

Воинские преступления на всех этапах развития нашего государства всегда представляли большую общественную опасность, так как совершались военнослужащими и другими лицами, наделенными специальными правами и обязанностями перед Родиной. При этом следует заметить, что вплоть до Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. у нас в стране действовало Положение о воинских преступлениях 1927г., не подвергавшееся длительное время никаким изменениям.

В последующем понятие воинского преступления нашло свое закрепление в Законе СССР «Об уголовной ответственности за воинские преступления» от 25 декабря 1958 г., который вступил в силу 6 января 1959 г. В ст. 1 данного Закона говорилось, что воинскими преступлениями признаются предусмотренные уголовным законом преступления против установленного порядка несения воинской службы, которые совершаются военнослужащими или военнообязанными во время прохождения ими учебных сборов⁴⁸⁹.

Указанный закон полностью отдельной главой вошел в УК РСФСР 1960 г., практически сохранив понятие воинского преступления в первоначальной редакции.

Основные дополнения были внесены, главным образом, в понятие субъекта воинского преступления, который по отношению к общему субъекту обладал дополнительными признаками, характерными только для военнослужащих и других лиц, предусмотренных в законе. В соответствии со ст. 237 УК РСФСР 1960 г. субъектами воинских преступлений являлись военнослужащие, состоящие на действительной срочной или сверхсрочной службе, а также военнообязанные, находящиеся в запасе и призывающиеся на учебные, а также поверочные сборы⁴⁹⁰. Наряду с уточнением поня-

⁴⁸⁷Там же. С. 35.

⁴⁸⁸Мацкевич И. М. Причины и условия преступности военнослужащих (по материалам криминологического исследования) // Правоведение. 1999. № 2. С. 169.

⁴⁸⁹См.: Сборник законов СССР 1938-1968 гг.: В 2 т. Т. 2. М., 1968. С. 459.

⁴⁹⁰См.: Уголовный кодекс РСФСР (с постановочными материалами). М., 1987. С. 128. Здесь же следует отметить, что в предвоенные и военные годы уголовная ответственность за воинские преступления была значительно шире, так как субъектом преступления считалась определенная часть граждан, приравнивавшаяся к военнослужащим (работники железнодорожного транспорта, военизированной охраны предприятий и т. п.).

тия субъекта воинского преступления одновременно была усилена и наказуемость за некоторые деяния (неисполнение приказа начальника, самовольное оставление части, нарушение уставных правил караульной службы и др.).

В УК РФ 1996 г. преступления против военной службы законодатель выделил в самостоятельный 11-й раздел (гл. 33), тем самым повысив значимость данного уголовного закона. При этом особо следует отметить важное новшество для отечественного законодательства, выраженное в том, что ответственность за воинские преступления, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, теперь определяется законодательством России военного времени (ч. 3 ст. 331 УК РФ).

Само же понятие преступления против военной службы дается законодателем в ч. 1 ст. 331 УК, где предусмотрены и виды специального субъекта. При этом определение воинского преступления основывается на общем понятии преступления, сформулированного в ст. 14 УК РФ, и отличается лишь объектом посягательства — установленным порядком прохождения военной службы. Так, согласно ч. 1 ст. 331 УК преступлениями против военной службы признаются предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы, которые совершили военнослужащие, проходящие военную службу по призыву или по контракту в Вооруженных Силах и других войсках, а также воинских формированиях Российской Федерации, либо граждане, находящиеся в запасе, в период прохождения ими военных сборов.

Порядок прохождения воинской службы определяется на основании Конституции РФ (ст. 59), законами Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г., «Об обороне» от 24 апреля 1996 г., «О статусе военнослужащих» от 6 марта 1998 г., «О внутренних войсках МВД РФ» (1996 г.), Положением о порядке прохождения военной службы (в редакции Указа Президента РФ от 15 октября 1999 г.), другими нормативными актами и воинскими уставами, регулирующих военно-служебную деятельность.

Таким образом, в соответствии со ст. 331 УК РФ родовым (видовым) объектом воинских преступлений будет являться порядок прохождения военной службы военнослужащими и другими гражд-

данами в соответствии с федеральными законами, воинскими уставами и другими военно-нормативными актами.

Как ранее было отмечено, проведенный нами анализ уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ показал, что преступления против военной службы (гл. 33) составляют 8% от общего количества статей со специальным субъектом. Исходя из смысла закона (ч. 1 и ч. 2 ст. 331 УК РФ) субъектом воинского преступления может быть лицо, обладающее кроме общих признаков (возраст, вменяемость), еще и особыми специальными признаками, присущими только ему. Основным таким признаком субъекта воинского преступления является нахождение лица на военной службе или работе, приравненной к ней. Поэтому лицо, совершившее воинское преступление, является специальным субъектом, обладающим по отношению к общему субъекту дополнительными признаками и характерными особенностями. Ими и являются военнослужащие, граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов и военные строители отрядов (частей) Министерства обороны и других министерств и ведомств Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Закона РФ «Об обороне», военная служба организуется в Вооруженных Силах РФ (армии и флоте), войсках (пограничных, железнодорожных и т. п.), также воинских формированиях (инженерно-технических, дорожно-строительных), в службах и органах (например ФСБ, в службе внешней разведки), войсках гражданской обороны и внутренних войсках МВД РФ и других воинских формированиях, где проходят службу военнослужащие по призыву или контракту⁴⁹¹.

В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О статусе военнослужащих» от 6 марта 1998 г. граждане приобретают статус военнослужащего, как правило, с началом военной службы и утрачивают его с ее окончанием. На военнослужащих, согласно ст. 1 данного Закона, возлагается обязанность вооруженной защиты Российской Федерации и беспрекословное выполнение поставленных задач, в том числе с риском для жизни⁴⁹².

Военнослужащими согласно указанному закону считаются: офицеры, прапорщики, мичманы, курсанты военно-учебных заведе-

⁴⁹¹См.: СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 5685.

⁴⁹²См.: Сборник федеральных конституционных законов и федеральных законов. М., 1998. Вып. 11. С. 3-5.

>>>247>>>

ний, сержанты, старшины, солдаты и матросы, поступившие на военную службу по призыву или контракту.⁴⁹³

Для правильного применения уголовного закона очень важно установить начальный и конечный момент состояния лица на военной службе. Согласно ст. 38 Закона РФ «О воинской обязанности и военной службе» для граждан, призванных на срочную военную службу, начальным моментом военной службы считается день убытия из военкомата к месту ее прохождения, а окончанием военной службы будет считаться дата исключения из списков личного состава воинской части⁴⁹⁴. С момента зачисления военнотружашего в списки личного состава воинской части он несет уголовную ответственность по закону в случае совершения им воинского преступления, являясь специальным субъектом данного общественно опасного деяния.

Вместе с тем специальным субъектом воинского преступления согласно ч. 1 ст. 331 и ст. 37 Закона РФ «О воинской обязанности и военной службе» являются также граждане, проходящие военные сборы и исполняющие обязанности военной службы. Военнообязанные граждане, находящиеся в запасе и призванные для прохождения военных сборов, полностью подчиняются соответствующему федеральному законодательству и общевоинским уставам, а при совершении ими воинских преступлений вопрос о привлечении их к уголовной ответственности решается по соответствующим статьям гл. 33 УК РФ.

Моменты начала и окончания службы для военнообязанных, проходящих военные сборы, определяются со дня прибытия призывных лиц на сборы, а окончание — последний день пребывания их на военных сборах.

Специальными субъектами воинских преступлений в силу ч. 2 ст. 331 УК РФ являются и военные строители военно-строительных отрядов (частей) Министерства обороны и других министерств и ведомств Российской Федерации, совершившие общественно опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы, с учетом специфики их работы. УК РСФСР 1960 г., как мы уже отмечали, не предусматривал такого вида специального субъекта воинского преступления.

⁴⁹³Собрание федеральных конституционных законов и федеральных законов. С. 4.

⁴⁹⁴См.: Федеральный закон РФ «О воинской обязанности и военной службе». М 1998. С. 30-31.

В уголовно-правовой литературе можно встретить различные точки зрения по поводу того, следует ли относить военных строителей к специальному субъекту воинских преступлений. Так,

А. А. Тер-Акопов и Х. М. Ахметшин считают, что военные строители не являются субъектами преступлений против военной службы, но эти лица приравниваются к военнослужащим по уголовной ответственности. Вместе с тем служба, которую они несут, не является военной, поскольку она не связана с вооруженной деятельностью⁴⁹⁵. Противоположной точки зрения придерживаются Ф. С. Бражник⁴⁹⁶, В. В. Лунеев⁴⁹⁷ и В. И. Мархотин⁴⁹⁸, считающие субъектами воинских преступлений и военных строителей.

Представляется, что правильнее относить военных строителей к специальным субъектам воинских преступлений, предусмотренных гл. 33 УК. Во-первых, военные строители военно-строительных отрядов (частей) приравниваются к военнослужащим и на них полностью распространяются положения воинских уставов и других военно-нормативных актов со всеми вытекающими для них последствиями. Во-вторых, служба военных строителей приравнивается к воинской и засчитывается им как таковая. В-третьих, в силу ч. 2 ст. 331 УК РФ на военных строителей также распространяется уголовная ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 (раздел 11 УК РФ).

Следовательно, военные строители являются специальными субъектами преступлений против военной службы наряду с военнослужащими и гражданами, находящимися в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

Однако не являются субъектами воинских преступлений рабочие и служащие воинских частей и учреждений, т. е. гражданский персонал, а также воспитанники и учащиеся суворовских, нахимовских училищ и кадетских корпусов, лица строевого и административно-хозяйственного состава органов милиции и другие граждане, не относящиеся к военнослужащим. Перечисленные лица, участ-

⁴⁹⁵См.: Уголовное право России. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 750.

⁴⁹⁶См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. С. 740.

⁴⁹⁷См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. В. Наумова. М., 1996. С. 760.

⁴⁹⁸Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. А. И. Бойко. С. 655.

вующие в совершении преступления со специальным субъектом, согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ несут уголовную ответственность за воинские преступления не как исполнители, а в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Далее следует отметить, что в теории и практике не всегда можно встретить однозначный подход в понимании субъекта воинского преступления, когда речь идет о курсантах военно-учебных заведений, не достигших совершеннолетнего возраста.

Представляется, что при данной ситуации необходимо руководствоваться Законом РФ «О воинской обязанности и военной службе» от 6 марта 1998 г. В п. 2 ст. 35 данного Закона прямо сказано, что граждане, не проходившие военную службу, но зачисленные в военные учебные заведения, приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и заключают контракт о ее прохождении по достижении ими возраста 18 лет, но не ранее окончания ими 1-го курса обучения в указанных военно-учебных заведениях⁴⁹⁹.

Данное законодательное обоснование нашло свое отражение и в Положении о порядке прохождения военной службы (в редакции Указа Президента РФ от 15 октября 1999 г.). В п. 2 ст. 8 Положения несколько уточняется этот вопрос и акцентируется внимание на том, что курсанты заключают первый контракт по достижении ими возраста 18 лет, однако не ранее окончания ими 1 -го курса обучения, но до окончания 2-го курса обучения. При этом указанные лица, отказавшиеся заключить контракт в соответствии с действующим законодательством и Положением, подлежат отчислению из военно-учебных заведений⁵⁰⁰.

Следовательно, согласно действующему военному законодательству военнослужащие, обучающиеся в военно-учебных заведениях и именуемые курсантами, не достигшие 18-летнего возраста, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за воинские преступления, предусмотренные главой 33 УК РФ, так как они не обладают признаками специального субъекта. Они приобретают статус военнослужащего в полном объеме с заключением контракта о прохождении

⁴⁹⁹См.: Федеральный закон Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе». С. 26.

⁵⁰⁰См.: Положение о порядке прохождения военной службы. М., 1999. С.16; Правовое положение курсанта военно-учебного заведения: Сб законов, документов. СПб., 1996. С.21.

военной службы только по достижении ими 18-летнего возраста. Однако это не исключает их ответственности согласно ч. 4 ст. 34 УК за соучастие в совершении воинского преступления в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Изучение судебно-следственной практики Военного суда Ленинградского военного округа и Военного суда Санкт-Петербургского гарнизона за период 1996-1998 гг. показало, что приговоры этих судов по осуждению курсантов военно-учебных заведений являлись обоснованными. За исследуемый период не было ни одного случая привлечения к уголовной ответственности за воинские преступления из числа курсантов, не достигших возраста 18 лет.

Как правило, курсанты первых и вторых курсов совершали общеуголовные преступления в соучастии с гражданскими лицами. В 1997 г. к уголовной ответственности было привлечено 1,2% данных военнослужащих более старших возрастных групп (18-20 лет), которые были впоследствии осуждены за общеуголовные преступления, а за 3 месяца 1998 г. их было привлечено за кражи, грабежи, разбои и хулиганство 0,6%. Однако процент совершаемых курсантами воинских преступлений невелик по отношению к другим военнослужащим и военным строителям.

Достаточно опасным и самым распространенным видом преступлений как в предыдущие годы, так и в настоящее время является уклонение военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы (ст. 339 УК). Их доля, по данным криминологических исследований прошлых лет, значительна⁵⁰¹. А по данным Главной военной прокуратуры, около 1200 российских военнослужащих по разным причинам уклонились от прохождения службы и были объявлены в розыск⁵⁰².

По данным нашего исследования, по Ленинградскому военному округу число осужденных военнослужащих и военных строителей в 1996г. по ст. 249 УК РСФСР составило 33%, а в 1997 г. по ст. 339 УК РФ—27,9%. В свою очередь, по войскам Ленинградского военного округа без военных строителей в 1996 г. — 5,3% и в 1997 г. — 4,7%. Во всех случаях военнослужащие, в том числе и военные строители, которые составляли наи-

⁵⁰¹См.: Криминология / Под ред. А. И Долговой. С. 576.

⁵⁰²См.: Утро Петербурга. 1998 17 авг.

>>>251>>>

большой процент осужденных, являлись специальными субъектами данного преступления.

Другим наиболее опасным и достаточно распространенным воинским преступлением со специальным субъектом является нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ), так называемая «дедовщина», которая очень живуча и представляет собой разновидность насилия среди военнослужащих.

Так, в 1993 г., по данным И. М. Мацкевича и В. Е. Эминова, было возбуждено 550 уголовных дел и осуждено 13 тыс. военнослужащих за это преступление⁵⁰³.

Подтверждают распространенность рассматриваемого преступления, связанного с неуставными взаимоотношениями между военнослужащими, которые являются специальным субъектом, и данные нашего исследования. Так, в 1996г. по Ленинградскому военному округу за неуставные взаимоотношения (ст. 244 УК РСФСР) было осуждено военнослужащих, включая военных строителей,— 14,7%, вместе с тем за аналогичный период 1997г.— 13%, а по войскам Ленинградского военного округа в 1996 г. — 3%, тогда как в 1997 г. количество осужденных за данное деяние военнослужащих составило 2,4%.

Приведем пример. Военный суд Санкт-Петербургского гарнизона в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело по обвинению военнослужащих Г. и К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ.

Судебным следствием было установлено, что военнослужащий Г. в марте 1997 г. в помещении казармы, будучи недовольным уходом на законных основаниях в увольнение не находившегося с ним в отношениях подчиненности рядового А. и желая выразить свое мнимое превосходство, ударил А. кулаком в лицо, причинив ему кровоподтеки. В свою очередь, военнослужащий К., узнав о противоправных действиях своего сослуживца Г., тоже решил показать свое превосходство и унижить А., после чего нанес потерпевшему пять ударов кулаком в грудь.

⁵⁰³См. Мацкевич И. М., Эминов В. Е. Преступное насилие среди военнослужащих. М. 1994 С. 3.

По заключению судебно-медицинского эксперта, на теле А. имелись повреждения в виде кровоподтеков в области левой щеки, несколько кровоподтеков в области грудины и кровоизлияние левого глаза, не повлекшие временной утраты трудоспособности.

В судебном заседании и на следствии подсудимые вину свою признали, установлена их виновность и материалами уголовного дела. Поэтому суд правильно осудил военнослужащих Г. и К. за совершенное ими воинское преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 335 УК РФ, — за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, в котором они являются специальными субъектами данного общественно опасного деяния⁵⁰⁴.

Определенную опасность среди воинских преступлений представляет собой дезертирство (ст. 338), субъектом которого является как военнослужащий, проходящий службу по призыву или контракту, так и лица, находящиеся в запасе, во время прохождения ими военных сборов, а также и военные строители. Результаты нашего исследования показали, что в 1996 г. в Ленинградском военном округе за дезертирство было осуждено 6% военнослужащих. Вместе с тем за 1997 г. количество осужденных несколько возросло и составило 8,5%. Ими являлись специальные субъекты преступления — военнослужащие и военные строители.

Исследование также показало, что значительное количество общеуголовных преступлений, в частности корыстно-насильственного характера (кража, грабеж, разбой), совершаются военнослужащими и военными строителями, когда они, обладая признаками специального субъекта, несут уголовную ответственность не за воинские преступления. Так, в 1996 г. было осуждено военнослужащих и военных строителей за различные формы хищения, преимущественно кражу чужого имущества, по Ленинградскому военному округу — 24,5%, а в 1997 г. их количество увеличилось и составило 29,7%. По войскам указанные формы хищения в 1996 г. составили — 4,6%, а за аналогичный период 1997 г. — 8,4%.

Вместе с тем изучение судебно-следственной практики Военного суда Санкт-Петербургского гарнизона показало, что значительное количество воинских и общеуголовных преступлений совершается

⁵⁰⁴См.: Архив Военного суда Санкт-Петербургского гарнизона. Д/97 г.

военнослужащими в соучастии с гражданскими лицами, в связи с чем возникают определенные трудности в квалификации. Так, в 1997 г. совершались следующие преступления: самовольное оставление части или места службы (ст. 337) — 27,3%, дезертирство (ст. 338)— 11,3%, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335) — 8%, а при совершении общеуголовных преступлений — разбой (ст. 162) — 3,3%, незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228) — 2%, незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 260) — 2%, надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244) — 1,3%, а также кражи, грабежи и хулиганство.

В юридической литературе и судебно-следственной практике вопрос об участии в воинских преступлениях граждан, не являющихся военнослужащими или военнообязанными, решается по-разному. Трудности такого рода возникают при привлечении виновных к уголовной ответственности, когда речь идет о соучастии в преступлениях со специальным субъектом, где исполнителем является военнослужащий или военнообязанный. При этом, как ранее мы уже отмечали, лица, не являющиеся субъектами преступлений, предусмотренных гл. 33 УК, согласно ч. 4 ст. 34 УК за участие в совершении воинских преступлений несут уголовную ответственность в качестве организатора, подстрекателя или пособника.

Однако в тех случаях, когда исполнителем преступления является гражданское лицо, а военнослужащий выступает в роли организатора, подстрекателя либо пособника, вряд ли целесообразно говорить о воинском преступлении со специальным субъектом. Так, если военнослужащий по мотивам мести своему командиру за его требовательность склонил гражданских лиц к насилию над ним, то такой военнослужащий, как полагает Х. М. Ахметшин, подлежит уголовной ответственности по ст. 242 УК РСФСР (ст. 334 УК РФ) — за насильственные действия в отношении начальника, а гражданские лица, учинившие это насилие, — по ст. 17 и ст. 242 УК РСФСР как пособники преступления⁵⁰⁵.

⁵⁰⁵См.: Закон об уголовной ответственности за воинские преступления: Комментарий. М., 1986. С. 20

Представляется, что в этом случае нельзя согласиться с такой квалификацией, противоречащей уголовному закону (ст. 237 УК РСФСР). Не соответствует данная точка зрения и логике ст. 331 УК РФ. На наш взгляд, в этой ситуации гражданские лица как исполнители должны нести уголовную ответственность не за воинское преступление, а за преступление против личности, как причинившие вред здоровью потерпевшего в зависимости от тяжести наступивших последствий. Военнослужащий же, склонивший гражданских лиц к совершению преступления, должен отвечать за подстрекательство к нему по соответствующей статье Особенной части УК со ссылкой на ст. 17 УК РСФСР (ст. 34 УК РФ). Такая квалификация не будет противоречить не только указанным нормам, но и более правильно отвечает смыслу и логике уголовного закона.

Говоря о соучастии в преступлении со специальным субъектом, следует иметь в виду, что лица, не являющиеся военнослужащими, не могут быть также и соисполнителями воинского преступления. В связи с этим сопротивление, оказанное военнослужащим совместно с гражданским лицом патрульному наряду, не может квалифицироваться как соисполнительство.

Следовательно, гражданские лица могут лишь выступать в роли организаторов, пособников и подстрекателей, но они не могут быть исполнителями и соисполнителями воинских преступлений.

Некоторые воинские преступления могут быть совершены не любым специальным субъектом, а лишь таким, который наряду с дополнительными признаками обладает еще и специальными, а точнее — особенностями характера несения военной службы. Так, неисполнение приказа в форме неповиновения (ст. 332 УК) могут совершить только подчиненные. Вместе с тем субъектами преступлений, предусмотренных ст.ст. 341, 342, 343 УК и другими (нарушение правил несения пограничной службы, нарушение уставных правил караульной службы и в последнем случае — нарушение правил несения службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности), могут быть признаны только лица, входящие в состав пограничного наряда, караула (вахты) или войскового наряда по охране общественного порядка. В указанных случаях для привлечения военнослужащих к уголовной ответственности по той или иной статье гл. 33 УК РФ прежде всего следует

>>>255>>>

установить, обладало ли данное лицо соответствующими специальными признаками субъекта воинского преступления.

Рассмотрение специального субъекта воинских преступлений и некоторых вопросов ответственности за данные общественно опасные деяния приводит к выводу о необходимости уточнения ст. 331 УК РФ. На наш взгляд, данная статья законодателем сконструирована не совсем удачно, так как носит комбинированный характер, в ней, по существу, раскрывается понятие преступлений против военной службы и указаны виды лиц, признаваемых субъектами воинских преступлений. Требуется законодательного закрепления в понятии субъекта воинского преступления и такой важный признак, как возраст военнослужащего.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным ч. 1 ст. 331 УК РФ «Понятие преступлений против военной службы» изложить в следующей редакции:

«Воинскими преступлениями признаются предусмотренные настоящим Кодексом общественно опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные лицами, являющимися субъектами этих преступлений».

Во избежание повторов, ч. 2 ст. 331 УК РФ полностью исключить и на ее место переместить ч. 3 данной статьи, которая будет без всяких редакционных изменений являться ч. 2 ст. 331 УК РФ.

Представляется также целесообразным дополнить гл. 33 УК РФ новой статьей 331-1 «Понятие субъекта воинских преступлений» в следующей редакции:

«Субъектом воинских преступлений признаются совершеннолетние лица—военнослужащие, военные строители, проходящие военную службу по призыву либо по контракту в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, министерств и ведомств Российской Федерации, а также граждане, находящиеся в запасе, но проходящие военные сборы, совершившие общественно опасные деяния против установленного порядка прохождения военной службы».

Вместе с тем в целях правильного применения уголовного закона и квалификации воинских преступлений в соучастии с гражданскими лицами необходимы соответствующие разъяснения и рекомендации по этим вопросам с обобщением судебной практики Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Глава VI. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Юридические лица как субъекты преступления в уголовном праве

Проблема уголовной ответственности юридических лиц, которые могут рассматриваться в качестве субъектов преступления, для уголовного права не нова и достаточно дискуссионна. Она является одной из наиболее сложных и спорных проблем как зарубежного, так и отечественного уголовного права.

В истории отечественного уголовного законодательства известны некоторые случаи уголовной ответственности юридических лиц, которые можно отнести к примерам коллективной ответственности. Так, если обратиться к Уложению 1845 г., то в ст. 561 данного закона записано, что еврей, укрывавший военного беглеца или рекрута из евреев, не являющийся военным служащим, подвергается отдаче в рекруты без зачета. Указанная статья предусматривает за это преступление уголовную ответственность всего еврейского общества, в котором укрывался военный беглец из евреев, путем взыскания по 300 рублей за каждого, если оно само его не обнаружило и не представило начальству⁵⁰⁶.

В свою очередь, в ст. 1224 данного уголовного закона также предусмотрена уголовная ответственность общества, отпустившего вторично по паспортам, свидетельствам и другим актам людей, которые не в силах снискивать себе пропитание трудами, если эти лю-

⁵⁰⁶См.: Полное собрание законов Российской Империи Т 20. Отд 1. С. 710.

ди будут опять пойманы в испрашивании милостыни⁵⁰⁷. Такая же коллективная ответственность физических лиц предусмотрена в ст. 530 и ст. 985 Уложения 1885 г. с соответствующими редакционными изменениями и поправками⁵⁰⁸.

Уголовная ответственность юридических лиц издавна была известна не только в странах общего уголовного права (Англия, США и др.), но и государствам континентальной Европы. Так, во Французском ордонансе 1670 г. специальная статья предусматривала ответственность и наказание за преступления, совершенные общинами и корпорациями, т. е. юридическими лицами⁵⁰⁹.

Уголовная ответственность юридических лиц в зарубежном уголовном праве существует и в настоящее время. В связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц в нашем уголовном законодательстве проанализируем данный институт в зарубежном уголовном праве.

Наиболее характерна уголовная ответственность юридического лица как субъекта преступления в странах общего права (Великобритания, США и др.). Так, по английскому праву, отмечает А. С. Никифоров, деяние признается совершенным корпорацией, если оно совершено непосредственно либо при посредстве других лиц. При этом деятельность корпорации отлична от субститутивных действий физического лица⁵¹⁰. Далее следует заметить, что по английскому уголовному законодательству допускается применение к юридическим лицам штрафов как меры уголовного наказания, но к ним не могут применяться уголовные наказания, которые назначаются физическому лицу за совершенное преступление. Однако уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных граждан за те же действия.

Уголовное право в США формировалось и долгое время развивалось на основе системы английского общего права. В современном уголовном праве США вопросы привлечения к уголовной ответственности юридических лиц регламентированы как в федеральном уголовном законодательстве, так и в уголовных законах

⁵⁰⁷См. Полное собрание законов Российской Империи Т 20. Отд. 1 С. 831.

⁵⁰⁸См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных С 280.

⁵⁰⁹См.: Пионтковский А А Учение о преступлении. С 250-251

⁵¹⁰См.: Никифоров А С Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право новые идеи С 45.

штатов. Так, в ст. 2.07. Примерного уголовного кодекса США (1962г.) предусматривается ответственность корпораций, некорпорированных объединений и лиц, действующих или обязанных действовать в их интересах. В ч. 1 данной статьи говорится, что корпорация может быть осуждена за совершение посягательства, которое является нарушением и состоит в неисполнении возложенной законом на корпорацию специальной обязанности совершать положительные действия⁵¹¹.

Уголовное законодательство некоторых штатов, и в частности УК штата Огайо в §2901.23, предусматривает уголовную ответственность организации, под которой понимается корпорация, созданная с целью получения прибыли либо без таковой, товарищество с ограниченной ответственностью, совместное рискованное предприятие, неинкорпорированная ассоциация и т. д.⁵¹² На уголовную ответственность корпораций указывает также § 20.20. УК штата Нью-Йорк⁵¹³.

Основным наказанием, общим для юридических лиц как на уровне штатов, так и на федеральном, является, как правило, штраф. Так, § 2929.31. УК штата Огайо посвящен определению размеров штрафов, налагаемых на организации за совершение фелоний (преступлений) различных классов, а также мисдиминоров⁵¹⁴. Однако уголовное наказание, налагаемое на юридическое лицо в виде штрафа за различные преступления, не исключает возможности применения к нему гражданских санкций. Следовательно, по уголовному законодательству США наказуемыми считаются не только физические, но и юридические лица, ответственность которых часто используется в интересах государства.

В уголовном законодательстве Франции — родины так называемой европейской континентальной системы права, которая сохранила многие черты средневекового французского права, так же как и в уголовном законодательстве Англии и США, юридическое лицо признается субъектом преступления. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственности конкретных

⁵¹¹См.: Примерный уголовный кодекс (США). С. 56-57.

⁵¹²См.: Уголовное право буржуазных стран. Общая часть: Сб. законодат. актов / Под ред. Н. Н. Игнатова, И. Д. Козочкина. М., 1990. С. 159-160.

⁵¹³Там же. С. 94-95.

⁵¹⁴Там же. С. 174.

граждан за виновные действия, связанные с нарушением действующего уголовного законодательства.

Проект УК Франции 1989 г. допускал уголовную ответственность юридических лиц, и данное положение нашло свое законодательное закрепление в УК Франции 1992г., который пришел на смену УК 1810г., принятому в период правления Наполеона Бонапарта. Работа над новым УК Франции велась с 1974 г. В ст. 121-2 данного кодекса сказано, что, за исключением государства, юридические лица несут уголовную ответственность. При этом уголовная ответственность юридических лиц не исключает уголовной ответственности физических лиц, которые совершают те же действия⁵¹⁵.

Система уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам, достаточно разработана. Так, ст. 131-39 УК Франции содержит перечень видов наказаний, которые применяются к данным субъектам: ликвидация юридического лица; запрещение — окончательное или на срок профессиональной или общественной деятельности; конфискация предмета, используемого для совершения преступления; афиширование принятого судебного постановления; закрытие — окончательное или на срок соответствующих предприятий и заведений и др.⁵¹⁶ Чаще всего за совершенные преступления к юридическим лицам применяется уголовное наказание в виде штрафа, который предусмотрен в ст. 131-37 данного УК⁵¹⁷. При этом ст. 131-38 предусматривает максимальный размер штрафа для юридических лиц, он равен пятикратному размеру штрафа, предусмотренному законом для физических лиц⁵¹⁸.

Действующее уголовное законодательство ФРГ базируется на Германском уголовном кодексе 1871 г. в редакции от 2 января 1975 г. и также предусматривает уголовную ответственность юридических лиц. Правда, эти вопросы, по сравнению с уголовными кодексами США и Франции, менее проработаны; видимо, сказывается отсутствие полной кодификации уголовного законодательства ФРГ и противоречивость многочисленных уголовных законов, которые действуют параллельно с УК. Например, § 75 УК ФРГ устанавливает особые предписания для органов и их представителей, со-

⁵¹⁵См.: Новый Уголовный кодекс Франции. С. 9.

⁵¹⁶Там же. С. 25.

⁵¹⁷Там же. С. 24

⁵¹⁸Там же. С. 25.

вершивших действия, которые влекут применение норм, установленных УК⁵¹⁹.

По уголовному законодательству Италии юридические лица также могут преследоваться за преступления, совершенные их представителями или другими лицами, с применением уголовного наказания в виде штрафа к предприятиям, учреждениям и др. Так, в ст. 197 УК Италии 1930г. говорится, что предприятия и учреждения, имеющие права юридического лица, если будет осужден за проступок их представитель, администратор или лицо, которое находится в состоянии зависимости, а сам проступок явится нарушением обязанностей, связанных со служебным положением виновного, обязаны уплатить штраф, когда физические лица неплатежеспособны⁵²⁰.

В Норвегии предлагается предусмотреть уголовную ответственность юридических лиц за преступления, совершенные в интересах юридического лица. Предусматривается возможность уголовной ответственности юридических лиц и в проекте УК Финляндии⁵²¹.

В УК Нидерландов, как отмечает Б. В. Волженкин, этому вопросу посвящена ст. 51, в которой говорится, что уголовно наказуемые деяния совершаются как физическими, так и юридическими лицами. Если уголовное деяние совершается юридическим лицом, то по возбужденному уголовному делу могут быть вынесены решения о наказаниях и о принятии принудительных мер, насколько это возможно в рамках закона. А по голландской системе уголовная ответственность корпораций в некоторых случаях приравнивается к их социальной ответственности⁵²².

Существует уголовная ответственность юридических лиц со своими характерными особенностями и в ряде других зарубежных государств, в частности в странах континентальной Европы (Бельгии, Румынии и др.). Так, в уголовном законодательстве Румынии имелось постановление, в котором были предусмотрены уголовно-правовые санкции в отношении юридического лица с последующей ликвидацией его имущества.

⁵¹⁹ Strafgesetzbuch. Munchen, 1993. S. 49.

⁵²⁰ См.: Итальянский уголовный кодекс 1930 г. С. 47.

⁵²¹ См.: /Селина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи. С. 50.

⁵²² См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 17, 21 См. также: Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001. С. 179-180.

А вот японское уголовное законодательство, а точнее, УК Японии 1907г. с изменениями, которые вносились в 1921, 1941, 1947, 1953, 1954, 1958, 1960, 1968 и 1980гг., не предусматривает ответственности юридических лиц.

По швейцарскому уголовному праву субъектом преступления может быть только физическое лицо. Однако некоторые специальные законы как фискального, так и хозяйственного права устанавливают уголовную ответственность юридических лиц за преступные деяния их органов⁵²³.

Что же касается законодательства Болгарии, Венгрии, Польши, Югославии, МНР и других, то в соответствии с принципом личной ответственности субъектом преступления в данных государствах признавалось только физическое лицо, совершившее общественно опасное деяние, в связи с чем исключалась уголовная ответственность юридических лиц (учреждений, предприятий, организаций и т. п.).

Аналогично решался вопрос в республиках СССР, а ныне — в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья (СНГ). Отсутствуют рекомендации рабочей группы под председательством Б. В. Волженкина о введении уголовной ответственности и в Модельном уголовном кодексе для государств —участников СНГ, принятом Межпарламентской Ассамблеей СНГ 17 февраля 1996 г.⁵²⁴

Хотя проблема признания субъектом преступления юридических лиц в уголовном законодательстве многих государств остается открытой, подавляющее большинство зарубежных и отечественных юристов склоняются к тому, что уголовную ответственность за преступные деяния может нести только вменяемое физическое лицо — человек.

Итак, российское уголовное право и уголовное законодательство традиционно исходят из того, что субъектом преступления, как мы уже неоднократно отмечали, может быть только человек, и это положение прямо вытекает из ст. 19 УК РФ.

В свою очередь понятие юридического лица определено в гражданском законодательстве России. Согласно ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается какая-либо организация, имеющая в собст-

⁵²³См.: Современное зарубежное уголовное право / Под ред. А. А. Пионтковского. Т. 2. С. 317-318.

⁵²⁴См.: Модельный уголовный кодекс для государств —участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 88-90, 95-96.

венности, хозяйственном ведении, а также в оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, которая может от своего имени и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть как истцом, так и ответчиком в суде. К юридическим лицам относятся также хозяйственные товарищества, различные общества, производственные, потребительские кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия и учреждения, а также общественные и религиозные организации (объединения), благотворительные и другие фонды, различные объединения юридических лиц (ассоциации и союзы). К юридическим лицам относятся, в соответствии со ст. 50 ГК РФ, коммерческие и некоммерческие организации⁵²⁵.

Таким образом, наряду с гражданами субъектами гражданского права являются и юридические лица, участвующие в гражданском обороте и обладающие рядом специфических признаков. Юридические лица образуются и прекращают свою деятельность в соответствии с законом. Все юридические лица в России проходят государственную регистрацию в обязательном порядке. Как субъекты гражданского права юридические лица отвечают за вред, причиненный в результате своей деятельности в рамках гражданского, административного или таможенного законодательства.

В период наиболее активных дискуссий (1992-1996 гг.) при подготовке проекта УК РФ сторонники уголовной ответственности юридических лиц особо обращали внимание на значительный вред, который причиняется, например, когда совершаются экологические преступления⁵²⁶. Особый акцент делался на том, что существующие санкции в гражданском и административном законодательстве неэффективны и поэтому требуется решение данного вопроса в рамках уголовного законодательства.

При этом, как особо отмечал А. С. Никифоров, преступление признается совершенным юридическим лицом в том случае, если оно совершено непосредственно или с помощью других лиц, а также

⁵²⁵См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1998. С. 32-33; Гражданское право: Учебник. Ч. 1 /Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 1998. С. 115-120 и др.

⁵²⁶См.: Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17-18. С. 3; /Селина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации. С. 51-52 и др.

лицом или лицами, которые контролируют осуществление данным субъектом его прав и действуют для выполнения этих прав⁵²⁷.

По существу, сторонники уголовной ответственности юридических лиц не отвергали привлечение к ответственности за совершенные преступления и конкретных физических лиц. Так, по этому поводу А. С. Никифоров пишет, что за все преступления, которые подготовлены, совершены или укрыты участниками (членами) преступной организации, последняя несет уголовную ответственность непосредственно. Вместе с тем это не исключает, а предполагает уголовную ответственность участников преступной организации за преступления, лично совершенные по плану организации⁵²⁸. Аналогичной точки зрения в этом вопросе придерживается и С. Г. Келина⁵²⁹.

В качестве основных наказаний к юридическим лицам предлагалось применять, например, в виде основных наказаний — штраф, запрещение заниматься определенной деятельностью, а также ликвидацию юридического лица. Вместе с тем в качестве дополнительных наказаний в отношении данных субъектов преступления были предложены — запрещение заниматься определенной деятельностью и конфискация имущества⁵³⁰. Сам же порядок наказания должен определяться уголовно-исполнительным законодательством.

А вот в опубликованном в 1994 г. Проекте Общей части УК РФ, как отмечает Б. В. Волженкин, запрещение юридическому лицу заниматься определенной деятельностью допускалось и как дополнительное наказание, а при определении основным наказанием ликвидацию юридического лица в качестве дополнительного предлагалось на основании решения суда применять конфискацию как всего, так и части имущества юридического лица⁵³¹. Попытки установления уголовной ответственности юридических лиц как субъекта преступления предпринимались и в проектах УК Украины и УК Республики Казахстан. Однако в результате недостаточной проработанности

⁵²⁷См.: Никифоров А. С. Организация как субъект преступления // Современные тенденции развития уголовной политики и уголовного законодательства: Тез. конф. М., 1994. С 60.

⁵²⁸Там же С. 61.

⁵²⁹См.: Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации. С. 56-59.

⁵³⁰См.: Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК Российской Федерации. С. 59

⁵³¹См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц С. 9.

данного института и многочисленных трудностей в его реализации он не нашел своего законодательного оформления в указанных республиках⁵³².

Вместе с тем, несмотря, на первый взгляд, на достаточно оригинальные и интересные мысли и идеи об установлении уголовной ответственности юридических лиц, рассматриваемых в качестве субъектов преступления в нашем уголовном законодательстве, они не имели всеобщей поддержки как среди ученых-юристов, так и практических работников. Да и в настоящее время у сторонников непризнания уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления имеется достаточно много веских аргументов против закрепления этого института в действующем уголовном законодательстве.

В данном случае мы можем говорить, в первую очередь, о принципах личной и виновной ответственности, являющихся основополагающими принципами отечественного уголовного права. Незыблемость и приоритет этих принципов, тесно связанных с другими принципами и различными институтами уголовного права, вряд ли может иметь место при уголовной ответственности юридических лиц. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением А. В. Наумова, что принцип личной виновной ответственности вполне может сосуществовать с принципом ответственности юридических лиц, дополняя последний новым и важным содержанием⁵³³.

Вместе с тем уголовный закон всегда связывает ответственность со способностью вменяемого лица, совершившего общественно опасное деяние, осознавать свои действия и руководить ими, а само лицо должно достичь установленного законом возраста. Поэтому не случайно в осуществлении правосудия по уголовным делам, как мы уже ранее отмечали, имеет существенное значение установление личной вины и ответственности за совершенное преступление, а в дальнейшем и индивидуализация наказания.

Вина же как основной признак субъективной стороны состава преступления характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и присуща только физическому лицу, т. е. человеку, при установлении которой лицо подлежит уголовной ответственности, а объективное вменение

⁵³²Там же. С 9-10.

⁵³³См. Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? С. 3.

за невиновное причинение вреда согласно ч. 2 ст. 5 УК РФ не допускается. Отсутствие же в уголовном законодательстве ответственности юридических лиц не освобождает от уголовной ответственности конкретных физических лиц, совершивших непосредственно какое-либо преступление в то время, когда они выступали от имени юридического лица. В этом случае в соответствии с принципами личной и виновной ответственности следует говорить об индивидуальной вине каждого субъекта преступления, являющегося членом юридического лица, но не о вине последнего. При ответственности юридического лица речь уже пойдет о коллективной, но не индивидуальной ответственности. Следует разделить позицию В. Д. Сорокина, что уголовная, административная и дисциплинарная ответственность наступает исключительно за виновные деяния, которые по своей сущности могут применяться только в отношении физических лиц⁵³⁴.

Отказ от привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, как отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, вполне согласуется с принципом персональной, личной ответственности каждого человека за совершенные им преступные действия — одним из основных принципов уголовного права. Каждое лицо отвечает только за то, что совершено его собственными действиями⁵³⁵. При этом, с точки зрения целей наказания, которые предусмотрены в отношении физических лиц, являющихся субъектами преступления, к юридическим лицам они неприменимы.

Следует согласиться с утверждением Б. В. Волженкина, Г. Н. Борзенкова и других ученых о том, что говорить о вине в отношении юридических лиц, как она понимается в российском уголовном праве, в общем, нельзя, так как этой вины у юридических лиц не имеется⁵³⁶. Само же преступление по уголовному праву признается общественно опасным деянием, которое совершается конкретным физическим лицом, обладающим признаками, предусмотренными в законе, являющимся субъектом преступления, способным нести уголовную ответственность и наказание.

⁵³⁴См.: Сорокин В. Д. О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 1999. № 1. С. 50

⁵³⁵См.: Келина С. Г, Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. С. 99-100.

⁵³⁶См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 25; Борзенков Г. Н. Указ. соч. С. 260 и др

Предложение сторонников установления уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления не только подвергалось серьезной критике со стороны противников, но и не нашло поддержки на законодательном уровне в период перехода государства к рыночной экономике. Не случайно данный институт не нашел своего отражения как в Уголовном кодексе РФ 1996 г., так и в Модельном УК для государств — участников СНГ, да и противников установления уголовной ответственности юридических лиц среди ученых-юристов значительно больше, чем сторонников.

Высказывают свое отношение к данной проблеме и практические работники, к мнению которых следует также прислушиваться. Об этом может свидетельствовать проведенное нами в 1999-2000 гг. анкетирование прокуроров, следователей и судей Санкт-Петербурга и Ленинградской области⁵³⁷. В результате анкетирования были получены следующие данные.

Так, на вопрос «Как вы относитесь к установлению уголовной ответственности юридических лиц?» из всех опрошенных 40,5% ответили, что данный вопрос требует изучения; 38,7% — против установления такой ответственности; 15,3% были за установление уголовной ответственности юридических лиц, а 5,5% ответили, что постановка этого вопроса преждевременна. Прокуроры (18%) и судьи (15,3%) считали, что институт уголовной ответственности юридических лиц требует дальнейшего изучения. Аналогичного мнения придерживалось 7,2% следователей.

Итак, проблема уголовной ответственности юридических лиц, как мы уже неоднократно отмечали, до сих пор дискуссионна в нашем уголовном праве. Не потеряла она своей актуальности и после принятия УК РФ 1996 г., в ст. 19 которого впервые в отечественном уголовном законодательстве записано, что уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, достигшее соответствующего возраста, установленного законом.

Вместе с тем следует заметить, что, по существу, важнейшие институты российского уголовного права — уголовной ответственности, наказания, соучастия, необходимой обороны, крайней необходимости и другие традиционно разрабатывались и совершенствовались

⁵³⁷В ходе данного исследования были опрошены, наряду с прокурорами и следователями, судьи городского и областного судов 1-й и 2-й инстанций, а также судьи районных федеральных судов Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

>>>267>>>

валятся в соответствии с основополагающим положением, что субъектом преступления может быть только физическое вменяемое лицо. Да и понятия, которыми оперирует уголовное законодательство (преступление, вменяемость и невменяемость, вина, мотив, цель, приготовление к преступлению, покушение на преступление и т. п.), практически неприменимы к юридическим лицам. При этом ст.ст. 10-13 УК РФ указывают, что действие уголовного закона распространяется на российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства, т. е. физических лиц, совершивших соответствующее преступление.

Все это полностью отвечает задачам уголовного закона (ст. 2 УК) и нашедшим впервые свое законодательное закрепление принципам (ст.ст. 3-7 УК), а также установлению ответственности и неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Однако введение ответственности юридических лиц в российское уголовное законодательство, по справедливому замечанию Б. В. Волженкина, потребует коренной переработки многих его институтов, особенно связанных с понятием преступления и наказания⁵³⁸.

В свою очередь, необходимость полного и всестороннего изучения обозначенной проблемы диктуется тем, что в теории существуют спорные вопросы, связанные с понятием «субъект преступления». Вместе с тем всякая проблема в конечном итоге требует своего разрешения, не исключением является и проблема уголовной ответственности юридических лиц как субъектов преступления. Однако для этого необходимы глубокие комплексные исследования и усилия не только специалистов уголовного права, но и ученых в области других наук.

Поэтому, не вступая в противоречие с вышеприведенными доводами, автор как сторонник сохранения существующего положения в уголовном законе считает, что при любых условиях и обстоятельствах этой проблемой надо заниматься, да и сам уголовный закон требует постоянного уточнения, совершенствования на современном этапе развития нашего общества и государства.

⁵³⁸См.: Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. С. 26.

§ 2. Теоретико-правовые аспекты разграничения субъекта преступления и личности преступника

Одним из наиболее сложных и важных теоретических вопросов уголовного права и криминологии является отличие понятий «субъект преступления» и «личность преступника», которые, на первый взгляд, похожи, но по своей сути и содержанию различны. Вместе с тем отождествление этих понятий неизбежно приводит к методологической ошибке, которая подстерегает каждого исследователя при их изучении. Поэтому существенным и необходимым моментом с позиции и теории, и методологии является, как нам представляется, разграничение, или отличие, этих понятий друг от друга.

Отождествление, а порой и просто подмена рассматриваемых понятий, скорее всего, обусловлены весьма ограниченным вниманием ученых-криминалистов к самой проблеме субъекта преступления, занимающей важное место в уголовном праве. Это подтверждается и весьма редким изданием научных работ по данной проблематике за достаточно длительный период⁵³⁹. Не случайно в уголовно-правовой и криминологической литературе в 60-е, 70-е и 80-е годы понятия «субъект преступления» и «личность преступника» часто отождествлялись.

В это время приоритетным направлением являлось изучение личности преступника. Криминология, писал И. И. Карпец, стимулировала развитие уголовного и исправительно-трудового права во всех вопросах, связанных с подходом к личности людей, совершивших общественно опасные деяния⁵⁴⁰.

Если говорить сразу о разграничении данных понятий, то «субъект преступления» как уголовно-правовая категория по своей сути и содержанию уже понятия «личность преступника».

Субъект преступления, как было отмечено в начале работы, представляет собой понятие правовое и определяет юридическую характеристику лица, совершившего преступление. Вместе с тем субъект преступления как уголовно-правовое понятие ограничено

⁵³⁹См.- Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву; Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964; Орымбаев Р. Указ, соч.; Лазарев А. М. Субъект преступления. М., 1981; Усти-менко В. В. Специальный субъект преступления, 1989. и др

⁵⁴⁰См.: Карпец И. И. Соотношение криминологии, уголовного и исправительно-трудового права // Сов. государство и право. 1981. № 4. С. 78.

только признаками (физическое лицо, возраст, вменяемость), которые необходимы для наступления уголовной ответственности в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние. Сами же признаки субъекта преступления нашли свое законодательное закрепление в соответствующих статьях уголовного закона.

Однако, рассматривая субъект преступления как физическое вменяемое лицо, достигшее установленного законом возраста, которое совершило общественно опасное деяние, следует заметить, что данное понятие самым тесным образом связано со многими институтами уголовного права, являясь как бы связующим звеном. При этом субъект преступления отражает лишь предусмотренные в уголовном законе признаки из многочисленных свойств лица, совершившего общественно опасное деяние. С признаками субъекта преступления закон связывает не только наступление уголовной ответственности, но и применение судом соответствующего наказания.

Таким образом, «субъект преступления» как уголовно-правовое понятие по своему содержанию более конкретно по отношению к понятию «личность преступника», так как ограничено законодательными признаками (физическое лицо, вменяемость и возраст), которые имеют уголовно-правовое значение для лица, совершившего преступное деяние.

Вместе с тем, несмотря на очевидность самого положения, что субъектом преступления может быть лицо, которое совершило преступление, а «личность преступника» — более емкое понятие, тем не менее, точки зрения на этот счет в юридической литературе самые разные и спорные. Встречающееся в литературе отождествление понятий «личность преступника» и «субъект преступления», писал по этому поводу Н. А. Стручков, свидетельствует, по существу, о необоснованном упрощении данной проблемы, на самом же деле все обстоит гораздо сложнее⁵⁴¹. И здесь нельзя не согласиться с Н. С. Лейкиной, что лицо, совершившее преступление, является преступником, а личность преступника, как и любая личность вообще, представляет собой не что иное, как совокупность признаков и свойств, которые присущи человеку и составляют его индивидуальность⁵⁴².

⁵⁴¹См.: Стручков Н. А. Проблема личности преступника. Л., 1983. С. 6-7.

⁵⁴²См.: Курс советского уголовного права. Часть общая / Под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. 2. Л., 1970. С. 9.

Действительно, только после совершения лицом какого-либо общественно опасного деяния при наличии соответствующих признаков, предусмотренных в законе (ст.ст. 19, 20 УК РФ), можно говорить о субъекте преступления. В свою очередь, Н. А. Стручков отмечал, что человек становится субъектом преступления тогда, когда, обладая личностью преступника, он совершил общественно опасное деяние⁵⁴³. Представляется, что данная точка зрения не вносит достаточной ясности в разграничение понятий «субъект преступления» и «личность преступника», но и не исключает их тесной взаимозависимости.

Однако наиболее обстоятельную позицию рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, занял П. С. Дагель, который особо отмечал, что понятия «субъект преступления» и «личность преступника» имеют различные функции. При этом первая характеризует одно из условий уголовной ответственности, а вторая отражает индивидуализацию уголовного наказания. Понятие «субъект преступления» отвечает на вопрос, кто может нести ответственность за совершенное преступление. Понятие же «личность преступника» дает ответ, какую ответственность должно нести лицо, совершившее преступное деяние⁵⁴⁴.

Далее следует заметить, что, если говорить о субъекте преступления как о проблеме науки уголовного права, то этот аспект в нашей работе освещен достаточно обстоятельно.

Другой аспект субъекта преступления в теории уголовного права уже рассматривался нами в составе преступления, в связи с чем его следует проанализировать под углом обозначенной проблемы данного параграфа.

Смещение понятий «субъект преступления» и «личность преступника» недопустимо и потому, что это разные категории — уголовного права и криминологии, и на уровне рассмотрения их в системе состава преступления. Так, анализируя точку зрения Б. С. Утевского, что понятие «субъект преступления» вообще должно быть исключено из состава преступления и заменено на понятие «личность преступника» и не соглашаясь с этими доводами, Р. И. Михеев совершенно правильно пишет: доктрина советского

⁵⁴³См.: Стручков Н. А. Личность преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: Тез. выступл. Горький, 1976. С. 8.

⁵⁴⁴См.: Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. С. 10, 15-16.

>>>271>>>

уголовного права исходит из того, что как понятие «состав преступления» невозможно заменить понятием «преступление», так нельзя заменить или подменить и понятие «субъект преступления» понятием «личность преступника»⁵⁴⁵.

Субъект преступления как один из элементов состава, как мы уже отмечали, содержит конкретные законодательные признаки, при отсутствии которых не будет состава преступления и основания для привлечения лица к уголовной ответственности. Личность преступника как более емкое понятие — носитель самых различных сторон, положительных и отрицательных свойств, признаков и качеств лица, совершившего преступление. В этом случае мы уже можем говорить о личности преступника как категории не уголовно-правовой, а криминологической. Поэтому подмена рассматриваемых понятий в составе преступления просто недопустима и является грубейшей ошибкой, как с точки зрения теории, так и методологии, хотя проблема как таковая имеет право на существование. Вопрос о включении в состав преступления признаков, раскрывающих личность виновного, замечает по этому поводу В. В. Устименко, является важной частью проблемы соотношения понятий «субъект преступления» и «личность преступника»⁵⁴⁶.

В свою очередь, состав преступления представляет собой совокупность установленных уголовным законом юридических признаков, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление и согласно ст. 8 УК РФ является единственным основанием уголовной ответственности. При этом состав преступления как законодательное описание преступного деяния может иметь место только при наличии всех четырех элементов, одним из которых является субъект преступления.

Однако, по справедливому выражению А. Б. Сахарова, преступление как акт сознательной деятельности человека не только немислимо вне лица, его совершающего, но и в значительной мере обусловлено как сущностью, так и особенностью подобного лица.⁵⁴⁷

⁵⁴⁵См.: Михеев Р. И. Субъект уголовной ответственности и личность преступника // Вопросы уголовной ответственности и наказания: Межвуз. сб Красноярск, 1986. С. 38.

⁵⁴⁶См.: Устименко В. В. Субъект преступления и личность преступника // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: Межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1989. С. 52.

⁵⁴⁷См.: Сахаров А. В. Методологические проблемы учения о личности преступника // Методологические проблемы учения о личности преступника: Тез. выступл. С. 2.

Данное положение имеет прямое отношение к субъекту преступления как уголовно-правовой категории.

В некоторых случаях, как мы отмечали в предыдущей главе, субъект преступления наделен дополнительными свойствами (признаками), и тогда речь идет о специальном субъекте. Но это понятие также конкретно, по сравнению с понятием «личность преступника», так как эти дополнительные признаки могут вытекать из уголовного закона (должностное лицо, военнослужащий, осужденный и т. п.).

Это понятие конкретно и тогда, когда субъект преступления в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством становится обвиняемым, подсудимым или осужденным. В данном случае только несколько меняется процессуальное положение лица, совершившего преступление.

Объяснение понятия и сущности субъекта преступления с точки зрения науки уголовного права имеет важное значение не только для теории и практики по применению уголовного законодательства, но и для криминологии по изучению личности преступника. Как справедливо отмечал И. И. Карпец, правовое понятие «субъект преступления» в уголовном праве не дает оснований для отказа от криминологического изучения самых различных преступников⁵⁴⁸.

С учетом того, что основные положения, касающиеся субъекта преступления, в нашей работе освещены в полном объеме, представляется целесообразным понятие «личность преступника» данного раздела рассмотреть подробнее.

Развитие криминологии в стране обусловило значительный интерес юристов, психологов, социологов, педагогов и представителей других наук к проблеме личности преступника. Личность преступника как самостоятельная проблема образует раздел криминологии, но имеет важное значение и для науки уголовного права.

Последние десятилетия этой проблеме посвящены не только многочисленные статьи и брошюры, но и фундаментальные работы, различные криминологические и другие исследования⁵⁴⁹. Однако

⁵⁴⁸См.: Карпец И. И. Уголовное право и этика. С. 146.

⁵⁴⁹Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. 1961; Герцензон А. А. Уголовный закон и личность преступника М., 1968; Лейки-на Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность, Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника (Предпосылки, содержание, категории). Томск, 1970; Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. 1970; Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Личность преступника. М., 1975; Волков Б. С. Личность преступника и применение наказания. Казань, 1980; Бурлаков В. Н. Личность преступника и назначение наказания. Л., 1986; Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение наказаний: проблемы моделирования. СПб., 1998 и др

личность преступника рассматривается в отечественной криминологии, прежде всего, как личность человека. Понятие же сущности личности человека как философской категории более емко и содержательно. Определяя понятие и сущность личности в обществе, К.Маркс в работе «Тезисы о Фейербахе» писал, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»⁵⁵⁰.

Учение о личности человека исходит из положений философии, так как личность всегда определяется системой общественных отношений, связанных с общественными ценностями, а также биологическими особенностями, влияющими на ее развитие. В обществе, как замечает Н. Г. Янгол, человек приобретает новые социальные роли и свойства, а они характеризуют его уже как социальное существо, а также как участника общественных отношений. Вот такое новое его состояние и охватывается понятием «личность»⁵⁵¹. Поэтому учение о личности преступника является частью общего учения о личности человека.

Лицо, совершившее правонарушение и рассматриваемое как личность преступника, отличается от законопослушных граждан уже своей антиобщественной направленностью и присущими ему отрицательными чертами. Однако преступник, как и всякая личность, характеризуется сочетанием самых различных социальных, биологических, психологических свойств, черт и признаков которыми обладает любой человек. На данное обстоятельство было обращено внимание Н. С. Лейкиной, А. В. Кузнецова, Н. А. Стручкова и других ученых в области уголовного права и криминологии⁵⁵². С точки зрения социологии уголовного права, отмечал Л. И. Спиридонов, методологическое назначение понятия «социальный тип личности» в том, чтобы

⁵⁵⁰См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

⁵⁵¹См.: Янгол Н. Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. СПб., 2000. С. 18.

⁵⁵²См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. С. 9; Кузнецов А. В. Уголовное право и личность. М., 1977 С 15, 44; Стручков Н. А. Проблема личности преступника. С. 6 и др.

объяснить, почему в равных социальных условиях одни люди нарушают уголовно-правовые запреты, а другие люди соблюдают закон. Преступление же, представляя собой частный случай общественно значимого поступка, может быть рассмотрено с позиций состояния социальной среды и социального типа личности⁵⁵³.

В настоящее время уголовное право и криминология как научные направления исходят из того, что структура личности преступника рассматривается как система социально значимых свойств лица, совершившего преступление, и характеризуется, прежде всего, совокупностью социально-демографических, психологических, нравственных и правовых свойств и качеств, влияющих при определенных ситуациях на формирование механизма преступного поведения⁵⁵⁴.

Следовательно, личность преступника раскрывается через социальную сущность лица, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными факторами, лежащими в основе преступного поведения. В свою очередь сознание и воля данного лица реагируют на внешние условия и активно обуславливают его поведение в каждой конкретной ситуации.

Антиобщественная и преступная ориентация является показателем общественной опасности личности преступника. В преступлении, отмечала Н. С. Лейкина, как акте поведения человека выражена личность преступника, а также различные индивидуальные свойства и особенности, в связи с чем по преступному деянию можно судить и об общественной опасности преступника⁵⁵⁵. Аналогичного мнения придерживается и Б. В. Волженкин, который замечает, что степень общественной опасности преступника, как правило, определяется на основе самых различных обстоятельств, как связанных с совершенным преступлением, так и не связанных с ним, но вместе с тем характеризующих исключительно личность виновного⁵⁵⁶. Обычно к

⁵⁵³См.: Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 144.

⁵⁵⁴См.: Советское уголовное право. Общая часть М., 1988 С. 102; Курс уголовного права: Общая часть. Т. 1 / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. С. 288-289; Криминология: Курс лекций / Под ред. 8. Н. Бурлакова, С. А. Сидорова, С. Ф. Милюкова и др. СПб., 1995. С. 87; Криминология: Учебник для юрид. вузов / Под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, В. С. Степашина. С. 165 и др.

⁵⁵⁵См.: Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность С. 298.

⁵⁵⁶Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 92-93.

таким обстоятельствам, как мы уже ранее отмечали, в криминологической литературе относят самые разные данные и особенности социально-демографического характера, нравственно-психологические признаки и свойства лица, связанные с совершением преступления. Поэтому понятие «личность преступника» необходимо рассматривать комплексно, т. е. не только с позиций криминологии и уголовного права, но и психологии, педагогики, уголовно-исполнительного права и других дисциплин.

Прав в этом отношении К. Е. Игошев, утверждая, что одним из методологических принципов анализа личности преступника является типологический подход, с позиций которого каждый преступник рассматривается в виде особого социального типа личности⁵⁵⁷.

Личность преступника как более широкое и емкое понятие, таким образом, включает в себя, помимо признаков субъекта преступления (вменяемости и возраста), еще и самые различные характеристики и особенности, которые лежат за пределами состава, но обязательно учитываются судом при вынесении приговора за совершенное общественно опасное деяние. При этом исследуется личность преступника в ее взаимодействии с социальной средой и наряду с социально-демографическими данными: возраста, пола, социального положения, образования, рода занятий, профессии, семейного положения, жилищных и материальных условий и ряда других признаков.

В процессуальных документах обязательно должна найти свое место и нравственно-психологическая характеристика личности преступника. Она, главным образом, раскрывается следователем и судом через сведения, которые характеризуют мировоззрение преступника, его взгляды, привычки, потребности, интересы, отношение к работе, нормам права и морали, общественной деятельности, заслуги перед государством, сведения о наградах, поощрениях, взысканиях, об антиобщественном поведении до совершения преступления и другие данные лица, оказавшегося на скамье подсудимых.

Однако социально-демографические и нравственно-психологические черты личности преступника еще не образуют ее законченную криминологическую характеристику. Для более полного

⁵⁵⁷См. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения С 41.

представления о лице, совершившем преступление, необходимо располагать, кроме того, информацией уголовно-правового характера. Речь в данном случае идет об уголовно-правовой характеристике личности преступника, которая складывается из совокупности сведений о направленности преступного поведения, мотивах и целях преступления, прошлых судимостях, рецидиве, совершении одновременно нескольких преступлений и т. п.⁵⁵⁸

Установление уголовно-правовых признаков личности преступника имеет важное значение для правильной квалификации преступления, для определения вида и срока наказания, а также для исправления и перевоспитания осужденных.

Например, проведенное нами в 1985-1986 гг. исследование лиц, осужденных по ст. 209 УК РСФСР за злостное уклонение от общественно полезного труда, позволило на основе уголовно-правовых и криминологических данных получить социальный портрет преступника-тунеядца.⁵⁵⁹

Вместе с тем личность преступника при совершении любого преступления, как правило, рассматривается через призму трех основных характеристик: социально-демографической, нравственно-психологической и уголовно-правовой, которые находятся в тесной взаимозависимости друг от друга, позволяющих, а также являющихся основанием для разработки в дальнейшем типологических особенностей личности преступника и классификации.

При этом следует отметить, что у правонарушителей встречаются и общие признаки, позволяющие говорить в целом о личности преступника и о субъекте преступления, когда совершено лицом общественно опасное деяние.

Прав в этой связи А. Б. Сахаров, утверждая, что понятие «личность преступника» применимо лишь к такому лицу, которое по закону признается субъектом преступления⁵⁶⁰.

⁵⁵⁸См.: Павлов В. Г Структурные особенности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда // Вестник ЛГУ. 1985. Вып. 4 №27. С. 109-112; Он же. Проблемы борьбы с социальным паразитизмом и деятельность органов внутренних дел по его предупреждению Л, 1989. С 18-52.

⁵⁵⁹Впоследствии в соответствии с Законом РСФСР от 5 декабря 1991 г Ст. 209 из УК РСФСР была исключена (См Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867)

⁵⁶⁰См.: Сахаров А. Б. Методологические проблемы учения о личности преступника //Методологические проблемы учения о личности преступника: Тез выступл. С. 2.

В уголовном законе личность преступника выступает как одно из оснований как индивидуализации уголовной ответственности, так и уголовного наказания (ч. 3 ст. 60 УК). Вместе с тем следует отметить, что отдельные свойства личности преступника находят свое отражение и в перечне смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных в ст.ст. 61, 63 УК, а также когда речь идет о назначении с учетом относительно определенных и альтернативных санкций более мягкого наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62) или применения условного осуждения (ст. 73).

Личность преступника учитывается и для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности (ст.ст. 75-78 УК), а также для решения вопроса о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79) и замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80).

Словом, данные характеристики личности преступника, как уже было отмечено выше, наряду с другими обстоятельствами учитываются при дифференциации уголовной ответственности и наказания, что не всегда делается на практике. Особенно тщательно и с наибольшей полнотой должно производиться изучение личности несовершеннолетнего преступника. Статья 392 УПК РСФСР требует от следователя, суда установления не только общих сведений о личности несовершеннолетнего, но и выявления условий жизни и воспитания, установления причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Таким образом, установление характерных свойств (особенностей) личности конкретного преступника с учетом его индивидуальных качеств имеет большое практическое значение как на стадии расследования преступления, так и в процессе рассмотрения уголовного дела в суде, что способствует более правильной индивидуализации наказания.

Наконец, следует отметить, что уголовное право и криминология как науки и как самостоятельные дисциплины имеют свой объект и предмет изучения и исследования. Они оперируют присущими им понятиями и категориями. При этом, если субъект преступления является одним из центральных понятий уголовного права, то личность преступника является объектом исследования криминологии, на что неоднократно обращалось нами внимание. Следовательно, понятия «субъект преступления» и «личность преступника», с точки

>>>278>>>

зрения теории, методологии и практической значимости, необходимо разграничивать, а также продолжать более активные научные исследования в этом направлении.

Личность преступника должна изучаться и рассматриваться как объект комплексного исследования учеными различных наук, не исключая и такого подхода к изучению субъекта преступления, как учения уголовного права и как уголовно-правовой категории. Поэтому важное и относительно самостоятельное значение в комплексе уголовно-правовых и криминологических исследований принадлежит решению вопроса о соотношении понятий «субъект преступления» и «личность преступника», требующих более четкого разграничения как по смыслу, так и по содержанию.

Таким образом, необходимость разграничения понятий «субъект преступления» и «личность преступника» диктуется не только совершенствованием уголовного законодательства, но и его практической необходимостью, а также значимостью наиболее важных проблем уголовного права и криминологии, связанных с рассматриваемыми категориями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой читателю работе исследован определенный спектр многочисленных вопросов учения о субъекте преступления, которое до настоящего времени как в отечественном, так и в зарубежном уголовном праве носит, по существу, фрагментарный характер. Автор, разумеется, не претендует на полное и всестороннее освещение рассмотренных проблем в рамках данной работы, поскольку многие из них, связанные с изучением субъекта преступления, требуют усилий многих ученых различных областей знаний.

Вместе с тем автором предпринята попытка создать целостную концепцию общего учения о субъекте преступления в уголовном праве и уделено особое внимание ключевым проблемным вопросам, которые часто возникают в теории, судебно-следственной практике. При этом в основу исследования положено диалектическое единство преступного деяния и уголовной ответственности в отношении виновного лица, признаваемого субъектом преступления.

Не случайно особое внимание в работе уделено изучению в уголовно-правовом аспекте не только признаков субъекта преступления, которые по своей форме и содержанию взаимообусловлены, так как являются доминирующими объектами исследования, но и малоизвестным положениям отечественного уголовного законодательства, представляющим не только определенную новизну, но и трудность их реализации.

В свою очередь историко-правовой и сравнительный анализ уголовно-правовых норм о субъекте преступления позволил сконцентрировать внимание на действующем уголовном законодательстве и выявить недостатки в практике его применения.

В этой связи автором разработаны и высказаны научно-обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию конкретных норм Уголовного кодекса РФ 1996 г.

Однако не менее важными, определяющими структуру и содержание работы, были изучение и анализ не только законодательных новелл, регулирующих вопросы привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, но и исследование обстоятельств, исключающих признание его субъектом преступления. При этом исследование указанных и других сложнейших проблем, связанных с субъектом преступления и уголовной ответственностью в российском уголовном праве, имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение.

Следует констатировать, что наряду с разнообразием ключевых проблем в уголовном законодательстве нормы о субъекте преступления имеют первостепенное значение, так как самым тесным образом связаны со многими институтами уголовного права, которые требуют своего совершенствования. В свою очередь, рассмотрение разных аспектов учения о субъекте преступления дает возможность определить общетеоретические и практические подходы в его дальнейшем изучении.

Особо следует сказать, что актуальность вопросов о субъекте преступления в уголовном праве не теряет значимости и в наши дни. Наконец, любое учение требует своего развития, более глубокого теоретического осмысления с позиций современных реалий и трудностей сегодняшнего дня, а законодательство — совершенствования. В данном случае не будет исключением и учение о субъекте преступления в уголовном праве на современном этапе развития российского государства.

Комплексность и системность изучения субъекта преступления, обеспечение правильного понимания уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление, непременно будет способствовать не только неукоснительному его исполнению, но и укреплению законности в деятельности правоприменительных органов в предупреждении преступлений.